ПАЛЕОРОСИЯ. ДРЕВНЯЯ РУСЬ: во времени, в личностях, в идеях

Παλαιορωσια
εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει

Научный журнал

2022
№4 (20)

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2022 год

УДК 94(47)+281.93(060.55)
ББК 63.3(2)4+86.372.24-3я5
П 14

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р23-309-0244

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви
Выписка из Протокола №10 (30)-л от 03.04.2023 г.

Редакционный совет
Гайденко П. И., д.и.н. (Москва) (председатель);
Алексеев А. И., д.и.н. (Санкт-Петербург); Буланин Д. М., д.филол.н. (Санкт-Петербург);
Герасимова И. А., д.филос.н. (Москва); Ляпин Д. А., д.и.н. (Елец);
Мильков В. В., д.филос.н. (Москва);
Мининкова Л. В., д.и.н. (Ростов-на-Дону); Морозова Л. Е., д.и.н. (Москва);
Петров А. В., д.и.н. (Санкт-Петербург); Почекаев Р. Ю., д.и.н. (Санкт-Петербург);
Симонов Р. А., д.и.н. (Москва); Шапошник В. В., д.и.н. (Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия
Костромин К. А., прот., к.и.н., к.б. (Санкт-Петербург) (председатель);
Гайденко П. И., д.и.н. (Москва); Шпаковский М. В. (Москва);
Петров Н. И., к.и.н. (Санкт-Петербург); Гладков А. К., к.и.н. (Москва).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
и в Электронную библиотеку («КиберЛенинка»)

Главный редактор: прот. К. А. Костромин, к.и.н., к.б.

П 14 Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2014 — .
Выпуск № 4 (20). — 2022. — 104 с.

Научный журнал Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» посвящен проблемам изучения древнерусского прошлого: истории государственных и общественных институтов, богословско-философской проблематики древнерусской книжности, различных аспектов устройства и деятельности Русской Церкви, жизни и творчества.

УДК 94(47)+281.93(060.55)
ББК 63.3(2)4+86.372.24-3я5

ISSN 2618-9674 (Print)
ISSN 2686-9063 (Online)

© Авторы статей, 2022
© Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей Константин Костромин
К вопросу о формировании образа Михаила,
первого митрополита Киевского 4

А. А. Казаков
Крещение костей 1044 г. в контексте древнерусской культуры.....17

Е. Д. Подвальнов
Падение Киева 1169 г. в историографии:
между исторической реальностью и сконструированной «истиной» 34

Ф. Д. Подберёзкин
Dextrarius аббата Теодориха: семантика рыцарской лошади
в ливонском посольстве в Полоцк 1206 г. 57

Н. А. Петрова
«День Святого Креста»: к вопросу о дате заключения
ливонско-новгородского союза 1323 г. 64

Р. Ю. Почекаев
Гарантии прав и привилегий православного духовенства
в золотоордынских ярлыках Русской Церкви XIII–XIV вв. 71

П. А. Воробьёв
О письменном наследии святителя Арсения Елассонского
и его пребывании на Руси в 1586–1588 годах 82

Тематические номера альманаха и журнала «Палеоросия» (2014–2022) 95

*Алфавитный указатель авторов журнала «Палеоросия» (2019–2022),
номера 11–20* 96

Список сокращений 98

Правила оформления статей 99

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

Протоиерей Константин Костромин

К вопросу о формировании образа Михаила, первого митрополита Киевского

УДК 271.2-726.1-9+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_4
EDN CXXCRG

Аннотация: Митрополит Михаил, первый митрополит Киевский, как историко-литературный персонаж появляется в древнерусской книжности не ранее XV века. По крайней мере, именно к этому времени относятся самые ранние списки Устава князя Владимира, где приведено его имя. Наиболее развит его образ в Никоновской летописи. Данные обстоятельства не дают возможности говорить о нем как об историческом персонаже, а только как о литературном образе. Поиск прототипа можно произвести путем сопоставления с наиболее близким образом св. митрополита Кирилла второй половины XIII века. Анализ перемещений митрополитов Кирилла и Михаила в изображении летописца настолько близкое их сходство, что можно говорить почти о тождественности. Таким образом намечается поиск сопоставлений исторических образов, который может пролить свет на появление в древнерусской книжности образа легендарного митрополита.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви, митрополия, митрополит Михаил, митрополит Кирилл, Устав князя Владимира, Никоновская летопись, Древняя Русь.

Об авторе: **Протоиерей Константин Александрович Костромин**
Кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии.
E-mail: k.a.kostromin@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8511-3431

Для цитирования: Костромин К., прот. К вопросу о формировании образа Михаила, первого митрополита Киевского // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 4–16.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 19.09.2022.

Paleorosia. Ancient Rus
in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal
of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Archpriest Konstantin Kostromin

To the Question of the Image Formation of Michael, the first Metropolitan of Kyiv

UDK 271.2-726.1-9+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_4
EDN CXXCRG

Abstract: Metropolitan Michael, the first Metropolitan of Kiev, appears as a historical and literary character in ancient Russian literature no earlier than in the 15th century. Whether or no, it is to this time that the earliest lists of the Charter of Prince Vladimir, where his name is mentioned, date back. His image is most developed in the Nikon Chronicle. These circumstances do not allow to speak of him as a historical character, but only as a literary one. The search for a prototype can be done by comparison with the closest character of the second half of the 13th century — St. Metropolitan Kirill. Analysis of the migrations of Metropolitans Cyril and Michael as described by the chronicler shows such a close similarity of the hierarchs that one can almost speak of their identity. Thus, a search for comparisons of historical characters can be seen better and can shed light on the reveal of a legendary metropolitan in ancient Russian literature.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, Metropolia, Metropolitan Michael, Metropolitan Kirill, Rules of Prince Vladimir, Nikon Chronicle, Ancient Rus.

About the author: **Archpriest Konstantin Kostromin**
PhD in History, PhD in Theology, Vice-Rector for Research, Associate Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.
E-mail: k. a.kostromin@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8511-3431

For citation: Kostromin K., archpriest. To the Question of the Image Formation of Michael, the first Metropolitan of Kyiv. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 4–16.

The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 19.09.2022.

Фигура митрополита Михаила, упоминающегося в ряде средневековых русских письменных памятников, в начале XX века признана легендарной и такое положение в науке сохраняется до сих пор[1]. Однако происхождение его имени неизвестно. Высказано несколько гипотез, каждая из них представляется натянутой[2]. Не считая гипотезы, что Михаил — историческая фигура более раннего времени, эпохи патриарха Фотия и князя Аскольда, есть два предположения о происхождении имени Михаила в русской письменности.

Первое принадлежит Анджею Поппэ и основывается на авторстве Михаила Синкелла тексту поучения князю Владимиру, которое читается в Повести временных лет[3]. Не говоря уже о том, что трудно себе представить, как неизвестные средневековые авторы XIII–XV веков (поскольку невозможно однозначно сказать, когда имя Михаила как митрополита проникло в русскую книжность) смогли установить авторство поучения князю Владимиру и тонко сопоставить его с гипотетической фигурой первого предстоятеля Русской Церкви при том, что ни в Повести временных лет, ни в каких иных памятниках ни имени, ни даже сана этого первого предстоятеля они не встречали, не менее невозможно себе представить механизм распространения этой, скажем прямо, древнерусской научной гипотезы по столь разнообразным книжным памятникам, как Уставы князя Владимира и смоленских князей, Никоновская летопись, Хронограф 1518 года и некоторые другие.

Вторая гипотеза основана на мысли, что в основе лежит упоминание митрополита(ов) Михаила(ов) в уставе смоленских князей, где действительно трудно однозначно уловить, идет речь об одном митрополите или о двух. Однако следует согласиться

[1] Пытаясь выяснить вопрос, кто был первым митрополитом Киевским, выбирая между именами Михаила и Леона, митрополит Макарий (Булгаков) предпочел имя Михаила, поскольку нашел его имя в киевских синодиках (*Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 2. История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988–1240). М., 1995. С. 28–29). Е. Е. Голубинский, ставя вопрос аналогичным образом и используя почти ту же источниковую базу, как будто в знак протеста склонился к противоположной точке зрения (*Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Перв. пол. тома. М., 2002. С. 276–281). А. А. Шахматов отождествил Михаила с епископом, присланным патриархом Фотием в середине IX века, посчитав, что попало оно в Житие князя Владимира «особого состава», а оттуда распространилось и по остальным памятникам книжности (*Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 342–345). Ссылаясь на мнение Голубинского и имея в виду выводы Шахматова, выстраивая новую концепцию, М. Д. Приселков уже прямо назвал имя митрополита Михаила «присочиненным» (*Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 30). Правда, занявшись позднее изучением жития Владимира, А. А. Шахматов уже не нашел в нем упоминаний митрополита Михаила (*Шахматов А. А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. СПб., 2014. С. 314–320). После книг Голубинского и Приселкова Михаил окончательно перешел в разряд легендарных личностей, впрочем, церковная педагогическая традиция, зафиксировавшаяся по состоянию на конец XIX века, до сих пор с трудом привыкает к этому выводу. Студенты духовных семинарий продолжают изучение церковной истории по безнадежно устаревшему учебнику П. В. Знаменского, где Михаил — историческая фигура (*Знаменский П. В.* История Русской церкви. М., 2002. С. 30). Это же положение проскальзывает и в церковной околонаучной литературе (*Никон (Лысенко), архим.* Очерки по истории церкви Древней Руси. Кн. 1. Ростов н/Д, 2009. С. 136–140; *Алексеев С. В.* Крещение Руси и Владимир Святой. М., 2015. С. 196–198).

[2] *Карпов А. Ю.* Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016. С. 294–295.

[3] *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 448.

с утверждением А. Ю. Карпова, что «и такое предположение не объясняет связи между Михаилом и патриархом Фотием»[4]. К этому нужно добавить то же соображение, что трудно представить себе механизм тиражирования имени Михаила в качестве митрополита эпохи Владимира по памятникам общерусского значения из малозначимого регионального памятника права, каким являются грамоты смоленских князей. Сама по себе идея трансляции имени митрополита Михаила (XII века) на пустующее место первого предстоятеля в конце X века не представляется невозможной, но она нуждается в дополнительном солидном обосновании.

Не претендуя на решение данной научной проблемы, попытаюсь наметить траекторию поиска сопоставлений исторических образов, которые могут пролить свет на появление в древнерусской книжности этого имени. Сразу необходимо сделать оговорку, что не может быть и речи о признании Михаила реальным историческим персонажем. Можно лишь нащупывать истоки и формирование литературного легендарного образа, появившегося в воображении книжников XV века.

Прежде чем приступать к поиску таких сопоставлений, еще раз убедимся в позднем происхождении этой легенды. Детальный обзор списков Устава св. князя Владимира, изданных Я. Н. Щаповым, приводит к следующим наблюдениям. Ярослав Николаевич выделил семь редакций устава. Первую редакцию он подразделил на пять изводов, вторую — на шесть изводов и восемь видов, третью — на четыре вида. В большинстве редакций, изводов и видов в преамбуле устава упоминается митрополит Михаил, присланный патриархом Фотием. Исключение составляет несколько списков устава, находившихся в рукописях Стоглава, в которых имя митрополита пропущено и в двух из них дописано над строкой[5]. Списки редакций и изводов, в которых упоминается митрополит Михаил, не бывают старше 1420 года (списки Архангельского извода), но обычно — начиная со второй половины XV века. Во всех списках Археографического извода Оленинской редакции, Синодального и Крестинского изводов Синодальной редакции в качестве митрополита, приехавшего от патриарха Фотия к князю Владимиру, упоминается митрополит Леон[6]. Древнейшие списки этих изводов старше — середина XV века для них норма, а древнейший относится к XIV веку и приплетен к Кормчей XII века[7]. И, наконец, в Варсонофьевской редакции, древнейший список которой также относится к концу XIV века, преамбула построена таким образом, что там вообще нет упоминания митрополита, а инициатива дарования устава принадлежит Владимиру с Анной, а дан устав «іеп(и)с(ку) пыямъ по Рускои з(емли)»[8]. Хотя сама по себе картина не является прямым и однозначным доказательством того, что уставы с именем Леона или без имени митрополита однозначно древнее[9], результат обзора более чем красноречив. Будем исходить

[4] *Карпов А. Ю.* Русская Церковь X–XIII вв. С. 295.

[5] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 54.

[6] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 17–18, 22, 25–30, 33–37.

[7] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 22.

[8] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 62–66.

[9] Устав, очевидно, развивался и в изначальном виде до нас не дошел. Интересна причина резкого увеличения числа списков в XV веке (не говоря о том, что в эту эпоху в принципе формировалась бюрократическая система и архивное хранение, благодаря которому все возраставшее количество документации дошла именно начиная с середины XV века). П. И. Гайденко высказал интересную мысль, что устав играл роль, сходную с ролью Константинова дара в католическом мире примерно в это время (*Гайденко П.* К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 15). В идее Константинова дара ключевую роль играли фигуры имп. Константина и папы Сильвестра. В древнерусской литературе был и значительно более близкий аналог — Повесть о новгородском белом клобуке, где

из того, что он приближает нас к пониманию того, как развивался текст Устава князя Владимира. Картина похожа на то, что имеет место в русском летописании, но с задержкой на полвека — имя Леона присутствует в летописании второй половины XV века[10], имя Михаила появляется в памятниках с последних лет XV века (Хронограф 1495 года, откуда и заимствовано в Никоновскую летопись)[11].

Таким образом, появление имени митрополита Михаила в древнерусской книжности относится к эпохе междоусобной войны второй четверти XV века и формирования единого русского государства, бурного развития древнерусского летописания и быстро приобретает общерусское значение, вытесняя митрополита Леона (о проблеме историчности которого вопрос должен решаться отдельно). Поскольку источники появления имени митрополита Михаила в Уставе Владимира непонятны, можно работать с его летописным образом и пытаться выяснить, что повлияло на его формирование.

Скупое упоминание митрополита Михаила в Никоновской летописи, которая в данном случае не восполняет наши знания о далеком прошлом, а является отражением нарратива XV века, не дает много материала, но одна деталь бросается в глаза: митрополит Михаил довольно много ездит по Руси. После приезда из Византии в Херсонес (6496 [988]) и затем в Киев (6497 [989])[12] митрополит отправляется с архиереями в Великий Новгород (6498 [990]) и затем «по Русской земле и до Ростова» (6499 [991]). На следующий год он уже преставился (6500 [992])[13]. Объезд митрополии с посещением, помимо Киева, по крайней мере еще двух городов (фраза «до Ростова» может трактоваться и так, что митрополит по дороге посетил еще какие-то населенные пункты) вызывает удивление своей нетипичностью. Митрополиты домонгольской эпохи были крайними домоседами. Детальное исследование митрополичьих поездок показало, что даже простой выезд за пределы города до ближайшего монастыря был явлением редким и сопряженным с событиями из ряда вон выходящими. Что же касается перемещений митрополитов в иные города, то по сути имеется

имеют место те же герои — имп. Константин и папа Сильвестр, а также дар — белый клобук. Но сама по себе идея Павла Ивановича представляется весьма уместной. Если он прав, то роль имп. Константина в нем играл св. князь Владимир (учитывая близость образа св. Владимира св. Константину в древнерусской книжности (*Василик В. В.* Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. 2015. № 3. С. 169–175; *Василик В. В.* Святой равноапостольный князь Владимир как новый Константин // Русин. 2015. № 4 (42). С. 321–333; ср. ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 69–70), а на роль папы Сильвестра должен был подойти легендарный предстоятель церкви, современный князю (легендарность фигуры является почти обязательным условием)). Это условие и привело к необходимости введения такого образа, как митрополит Михаил, поскольку древнерусское летописание не предоставляло сведений о главе митрополии эпохи св. Владимира.

[10] Например, в Первой Софийской (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 105) Воскресенской (ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 313) летописях. В летописи Авраамки 1470-х годов имя митрополита отсутствует, но в приплетенных к ней правовых памятниках имеет место смесь — в некоторых упоминается Леон, а в некоторых — Михаил (ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000. Стб. 262–263, 266, 272).

[11] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 167. Впрочем, Борис Михайлович допускал, что источником для Никоновской летописи мог быть и Устав князя Владимира (С. 174, 182). См.: *Злотникова И. В., Флоря Б. Н.* Михаил // ПЭ. Т. 45. М., 2017. С. 547.

[12] ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

[13] ПСРЛ. Т. 9. С. 63–64.

только два прецедента, которые нужно рассматривать как неповторимые феномены: речь идет о двух поездках в Великий Новгород митрополита Михаила в 1130-х годах и о вынужденной эмиграции из Киева митрополита Константина в Чернигов в связи с захватом Киева Изяславом Мстиславичем и полутора десятилетиями позже[14].

Обращает на себя внимание важная деталь. В качестве alter ego митрополита Михаила в древнерусском летописании и в списках устава князя Владимира выступает митрополит Леон(т). В Никоновской летописи он является преемником митрополита Михаила. Его образ традиционен — за 12 лет (с 6500 по 6512) он не совершил ни одной поездки, хотя регулярно участвовал в делах св. Владимира[15]. В Первой Софийской и Воскресенской летописях Леон просто упоминается как «взятый» у Фотия князем Владимиром без какого бы то ни было развития образа[16].

Таким образом, образ путешествующего митрополита обладает определенной уникальностью, эта уникальность должна быть объяснена и ей должна быть найдена параллель, которая могла быть исходным материалом для формирования образа первого русского митрополита. Самый яркий пример митрополита, не сидевшего на одном месте, дает святитель Кирилл, ставший первым главой Русской Церкви после нашествия монголов. Это первый без оговорок легальный русский по происхождению митрополит, ставленник галицкого князя Даниила Романовича. Ученых давно привлекла одна особенность его жизни — многочисленные разъезды по митрополии[17]. Сведения о них разбросаны по древнерусскому летописанию. Вот как выглядят упоминания митрополита по имеющимся летописным данным (сравнение Лаврентьевской и Ипатьевской летописей ниже).

Лаврентьевская летопись	Новгородская I летопись
[6758 (1250)] Тоє же ѡсени приѣха митрополитъ Кирилъ на Суждальскую землю. Тоє же зимъı ѡжени сѧ кнѧ҃з Æрославичь Андрѣи Даниловною Романовича и вѣнча и митрополитъ в Володимери оу ст҃оє Бц҃и съ єпс҃пмь Кириломъ и много весельæ бъıс҃.[18]	
[6759 (1251)] Поѣха митрополитъ в Новъгородъ Великъıи ко Ѡлексанъдру съ епс҃пмь Кирилом҃. и оумоленъ бъıвъ Новгородци поставиша блж҃наго Далмата єпс҃помь.	В лѣто 6759 [1251]. Приѣха Кюрилъ митрополитъ в Новъгородъ и ростовьскыи епископъ, Кюрилъ же именемь, и поставиша архиепископа новгородьского Далмата.[19]

[14] *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение // Христианское просвещение и русская культура. Доклады и сообщения XIV научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2011. С. 73–76; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII в. М., 2010. С. 80–137.

[15] ПСРЛ. Т. 9. С. 64–68.

[16] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 105; Т. 7. С. 313.

[17] См., напр.: *Петрушко В. И.* Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II и его деятельность по возрождению церковной жизни Руси после монгольского нашествия // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 14–20.

[18] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 472.

[19] ПСРЛ. Т. 3. Изд. 3-е. М., 2000. С. 80.

Тогожⷭ҇ лѣт҇ Бы҇с болѣзнь тѧжка кнѧзю Ѡлександру но Бѣ҇ помилова и и млт҇ва ѡц҇а ѥго Ѧрослава и блж҇наго митрополита и єпс҇па Кирила.[20]	[в Новгородской первой летописи младшего извода здесь помещена статья о преставлении князя Александра из жития, где митрополит погребает его и берет из его руки грамоту[21]]
[6760 (1252)] Приде Ѡлександръ. кнѧз҇ великъıи ис Татаръ в град҇ Володимерь и оусрѣтоша и со крс҇тъı оу Золотъıх҇ воротъ митрополитъ и вси игумени и гражане и посадиша и на столѣ ѡц҇а ѥго Ѧрослава[22].	
[6763 (1255)] По Велицѣ дн҇и порожнеє нед҇ престависѧ Костѧнтинъ сн҇ъ великого кнѧзѧ Ѧрослава и бы҇с плачь великъ. Спрѧтавше е понесоша и в Володимерь и ѧко ѵслъıша Ѡлеѯндръ кнѧз҇ брата своѥго съмерть и оусрѣтоша и митрополитъ игумени и попове. пѣвше ѡбычнъıѧ пс҇ни положиша и у ст҇оѥ Бц҇и в Володимери[23].	В лѣто 6764 [1256]… В то же лѣто, на зиму, приѣха князь Олександръ, и митрополитъ с нимь; и поиде князь на путь, и митрополитъ с нимь; и новгородци не вѣдяху, кдѣ князь идеть; друзии творяху, яко на Чюдь идеть. Идоша до Копорьи, и поиде Александръ на ѣмь, а митрополитъ поиде в Новъгородъ, а инии мнози новгородци въспяти. шася от Копорьи[24].
[6769 (1261)] Блг҇овѣрнъıи же кнѧзь Олександръ сн҇ъ Ѧрославль Борисъ и Глѣбъ Василковіча волею Бь҇ѥю и поспѣшеньѥмь ст҇ъıѧ Бц҇а блс҇вньѥмь митрополита Кирила и єпс҇па Кірила изведоша архимандріта ст҇го Бо҇ѧвленьѧ Игнатьѧ и бы҇с причетнік҇ цр҇ви ст҇ъıѧ Бц҇а в Ростовѣ. томже лѣт҇ престависѧ кнѧзь Андрѣи Володимеричь на Оугличи поли и положіша и в ст҇ѣмь Сп҇сѣ. Тогожⷭ҇ лѣт҇ постави мітрополит҇ єпс҇па Митрофана Сараю.[25]	В лѣто 6771 [1263]. Приде князь Олександръ ис Татаръ велми не здравя, въ осенинѣ, и приде на Городець, и пострижеся въ 14 мѣсяца ноября, на память святого апостола Филипа. Тои же ночи и преставися; и везоша и въ Володимирь, и положиша и въ манастыри у святои Богородици Рожества; и снемшеся епископи и игумени съ митрополитомь Кюриломь и со всѣмь ерѣискымь чиномь и с черноризци и со всѣми суждалци, пагребоша и честно мѣсяца того же въ 23, на святого Амфилохия, в пятох[26].
[6777 (1269)] Того же лѣта Митрофанъ, епископъ Сарьскыи, отписась епископіи Сарьскои и пострижеся въ скыму. Въ него мѣсто постави митрополитъ епископа Фегноста Русьскому Переяславлю и Сараю[27].	6778 [1270]. И присла митрополитъ грамоту в Новъгородъ, река тако: «мнѣ поручилъ богъ архиепископию в Русьскои земли,

[20] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472–473.
[21] ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 306.
[22] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.
[23] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474.
[24] ПСРЛ. Т. 3. С. 81.
[25] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.
[26] ПСРЛ. Т. 3. С. 83–84.
[27] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 330. Поскольку Лаврентьевская летопись не содержит (в дошедшем до нас виде) летописных статей за 6771–6791 годы, а митрополит Кирилл скончался в 6788 [1280] году, то последующие его упоминания восстанавливаются по Троицкой летописи в реконструкции М. Д. Приселкова (я отдаю отчет в гипотетичности данного текста, но считаю, что в данном случае эта оговорка не мешает

	вамъ слушати бога и мене; кръви не проливаите, а Ярославъ всеѣ злобы лишается, а за то язъ поручаюся; аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то прииму опитемью и отвѣчаю за то пред богомь». И не да богъ кровопролития христьяномъ[28].
В лето [6782 (1274)] приде митрополитъ Кирилъ из Кыева, приведе съ собою архимандрита Печерьскаго Серапіона, постави его епискупомъ Ростову, Володимерю и Новугороду[29].	
[6787 (1279)] Тое же зимы пріѣха Фегностъ, епископъ Сараискыи, из грек, посылан митрополитомъ к патріарху и царемъ Менгутемеремъ к царю греческому Палеологу[30].	
[6790 (1282)] Ходи Игнатии єп҃пъ второє въ Ѡрдꙋ за прїчетъ цр҃квныи. того же лѣта Кирилъ митрополитъ по ѡклеветанью разгнѣвасѧ на єппа Игна҃тѧ. и расмотривъ пакы бл҃гви єго. того же лѣта Кирїлъ митрополи҃т престависѧ в Переѧславлѣ.[31]	В лѣто 6789 [1281]… Тои же зимѣ преставися митрополит всея Руси Кирилъ въ Переяславли мѣсяца декабря въ 6; везены бысть мощи его в Киевъ къ святѣи Софѣи.[32]

Приведенный выше компендиум показателен тем, насколько различны между собой летописные свидетельства о деятельности митрополита Кирилла. Поскольку мы сравниваем не исторические фигуры, а образы, и при этом легенда о митрополите Михаиле имеется только в Никоновской летописи, стоит сравнить сведения из раннего летописания о митрополите Кирилле с тем, как его образ подан в Никоновском своде.

В Никоновской летописи магистральная тема Лаврентьевской летописи и последующих получила полное повторение. Из новгородских сообщений статья 6764 не получила отражения в Никоновской летописи, а сообщение о кончине и погребении св. Александра Невского дано по житийному тексту, не дошедшему до нас в составе

пользоваться ее текстом, поскольку речь идет о вспомогательном аргументе для основной идеи статьи), поскольку Троицкая летопись — ближайший по времени преемник Лаврентьевского списка (*Приселков М. Д.* История русского летописания. СПб., 1996. С. 203).

[28] ПСРЛ. Т. 3. С. 89. Новгородская первая летопись старшего извода также неполна, в ней лакуна в 6780 [1272] — 6807 [1299].

[29] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 332.

[30] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 337.

[31] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525–526 (текст по Академическому списку, местами заметно более короткому, чем по Лаврентьевскому списку). В Троицкой летописи этот эпизод расширен: «Того же лѣта Кирилъ митрополитъ пріѣха ис Киева на Суздальскую землю, и слышелъ Игнатіа епископа Ростовскаго неправо творяща, не по правиломъ осудилъ бо бѣ своего князя Глѣба…» Далее следует рассказ о поведении Игнатия, отлучении, просьбе князя Дмитрия Борисовича о прощении, снятии прещения и речи митрополита епископу. Ниже и отдельно сообщается о смерти митрополита в Переяславле, текст выглядит иначе, чем в Академическом списке (С. 337–338). Этот текст есть и в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 157).

[32] ПСРЛ. Т. 3. С. 324 (сообщение Новгородской первой летописи младшего извода).

Лаврентьевской летописи. Зато фрагмент статьи 6778 Новгородской первой летописи присутствует в Никоновской летописи[33]. Помимо этих сообщений в Никоновской летописи митрополит практически не упоминается — только в контексте поставления Игнатия на ростовскую кафедру в 6769, Климента на новгородскую в 6782–6784, Федора на владимирскую в 6784[34]. Все эти сообщения есть в Троицкой летописи без упоминания, что рукоположения совершены митрополитом[35] и, очевидно, автор Никоновской летописи просто додумал это, поскольку посчитал иное невозможным.

Б. М. Клосс считал, что автор Никоновской летописи пользовался Лаврентьевско-Троицкой группой летописей, но не пользовался киевской[36]. Обращает на себя внимание летописная запись под 6758 годом Лаврентьевской летописи, которая содержит сообщение о поездках князя Бориса к Сартаку и Святослава Всеволодовича «в татары», приезде митрополита Кирилла в Суздальскую землю и венчания им Андрея Ярославича[37]. В Никоновской она содержит дополнение с упоминанием о поездке митрополита Кирилла из Киева в Чернигов, затем в Рязань и Суздальскую землю[38]. Хотя текст Никоновской летописи заметно детальнее описывает предполагаемый маршрут митрополита, конечная точка и участие в венчании (текстуально отличающемся от Лаврентьевской, но содержательно идентичном с ним) там практически идентичны. Зато единственное сообщение Ипатьевской летописи о митрополите Кирилле (уже в сане митрополита) в корне отличается от суздальского сообщения:

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись
[6758 (1250)] Тоє же ѡсени приѣха митрополитъ Кирилъ на Суждальскую землю. Тоє же зимы ѡжени сѧ кнѧз̂ Ѧрославичь Андрѣи Даниловною Романовича и вѣнча и митрополитъ в Володимери оу ст҃оє Бц҃и съ єпс̂пмь Кириломъ и много весельѧ быс̂.[39]	[6758 (1250)] Коурилъ бо митрополитъ идѧше посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставление митрополье Роускои. бывшоу же емоу оу королѧ оубѣди и король словесы многими дары оувѣщова ѧко проведоут ѧ оу Грькы с великою чс̂тью аще створить со мною миръ ѡнъ же реч̂ клѧтвою клени мис̂ аще не премѣниши слова своег̂. азъ шедъ приведоу и пришедъ же митропл̂итъ и реч̂ емоу. хотение твое оу тебе есть поими дщерь его сн҃оу си женѣ Василкови рекшоу. иди к немоу ѧко крс̂тьѧнъ есть. ѡтоуда же Данилъ поиде поемь сн҃а своег̂ Лва и митрополита. иде к королеви и во Изволинъ и поѧ дщерь его сн҃оу си женѣ и ѡдасть емоу ѧтыѧ боѧры еже Бѣ҃ вдасть в роуцѣ ег̂.[40]

Итак, в основе рассказов о митрополите Кирилле лежит ростово-суздальское летописание через посредство начального общерусского летописания. Какие маршруты движения митрополита Кирилла можно наметить согласно Никоновской летописи? В статье 6758 года написано, что митрополит приехал «на Суждальскую землю». На первый взгляд отсутствие определенного топонима — города — удивляет, однако более внимательный взгляд на последующие перемещения митрополита снимает удивление. Не считая поездки в Великий Новгород в 6759 году с возвращением

[33] ПСРЛ. Т. 10. С. 149.
[34] ПСРЛ. Т. 10. С. 142, 152, 153.
[35] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 333.
[36] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 134–146.
[37] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
[38] ПСРЛ. Т. 10. С. 137.
[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
[40] ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 809.

в 6760 году обратно, митрополит перемещается между городами Суздальской земли: в 6760 году он во Владимире, в 6763 — тоже, в 6769 — в Ростове, в 6771 — снова во Владимире, в 6782 — снова в Ростове, в 6790 — в Переяславле, где и умирает. И хотя в предпоследней статье говорится, что он приехал из Киева, сами поездки в Киев и обратно не отражены в летописи. У читателя невольно возникает ощущение, что митрополит Кирилл как уехал из Киева в Суздальскую землю, так почти оттуда и не выезжал, кроме поездки на следующий год после приезда в Новгород[41].

Удивительно, но маршрут легендарного митрополита Михаила обрисован почти так же. По приезде в Киев из Византии он, как и Кирилл, уже на следующий год уехал. Аналогично побывал только в Великом Новгороде и в Суздальской земле (Ростове). Его маршрут точно таким же образом пролегал «по Русской земле и до Ростова», что можно воспринимать как синоним словосочетания «на Суждальскую землю», то есть с возможностью посещения там нескольких городов. И скончался где-то в 6500 году, без упоминания места кончины. С учетом, что последним был упомянут Ростов, читатель должен предполагать, что местом его смерти была Суздальская земля. Данное ощущение усилено утверждением, что в год его смерти «ходи Володимеръ въ Суздалскую землю», то есть вслед за ним, «и заложи тамо град в свое имя Володимеръ» (Никоновская летопись)). То есть в перемещениях двух митрополитов можно увидеть более чем заметное сходство. Конечно, лет жизни митрополиту Михаилу летописец оставил совсем мало, но эти четыре года очень похожи на те же первые четыре года деятельности митрополита Кирилла. Думается, что в том, как эти образы обрисованы, следует видеть определенную закономерность.

Легендарность митрополита Михаила усиливается с учетом того, что он упомянут и в т. н. Иоакимовской летописи, которая дошла до нас только в цитатах и пересказах В. Н. Татищева[42]. Как известно, достоверность сведений о существовании этой летописи в науке весьма аргументированно подвергается сомнению. Данный эпизод, и особенно то обстоятельство, что он показан в цитатах Татищева заметно иначе, чем в Никоновской летописи, только усиливает недоверие этому тексту. Он не только не путешествует по Руси, но с его упоминанием не связан вообще ни один топоним, что для древнерусского летописания нетипично. Более того, князь Владимир, запросивший Константинополь насчет присылки митрополита, получил его из Болгарии, что исторически невозможно. Отчасти этот сюжет стыкуется с «болгарской теорией» происхождения древнерусской иерархии[43], но мотив получения митрополита-болгарина из Константинополя этой теорией не принимается.

---

[41] Поэтому все поездки в южную Русь в науке оказываются гипотетичными: *Флоря Б. Н.* Кирилл II // ПЭ. Т. 34. М., 2014. С. 547–550.

[42] *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 135.

[43] *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. С. 135–136, См.: *Пентковский А. М.* «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции охридско-преспанского региона в X–XI столетиях // Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, 3–4 октомври 2013). Скопје, 2014. С. 43–65; *Задорнов А. В., прот.* Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 15–30; *Костромин К., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, Вып. 3: материалы науч. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации». СПб., 2015. С. 48–75; *Костромин К. А.* Создание церковной епископальной структуры на Руси в эпоху активного политогенеза конца X — первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2021. Т. 32, вып. 1. С. 42–54.

Уже давно высказана идея, что в поездке митрополита Кирилла можно видеть аналог полюдья[44]. Нужно отметить, что княжеские объезды, называвшиеся полюдьем, известны только за период X–XII веков, и церковные памятники, прежде всего устанавливавшие десятину, такого термина не знали[45]. Однако если эти оговорки делают предположение Ю. В. Кривошеева смелым, то митрополит Михаил должен был жить в эпоху активно практиковавшегося полюдья, и если догадка верна, то автор Никоновской летописи вполне мог использовать ту же идею для формирования образа легендарного образа русского митрополита.

Для такого сравнения достаточно и иных оснований. Оба митрополита — Михаил и Кирилл — являются первыми для своих эпох. Михаил должен был стать первым митрополитом из иностранцев, присланным из Византии. Кирилл был первым митрополитом из русских, поставленным в Византии[46]. Соответствие определенному шаблону было для автора Никоновской летописи чрезвычайно важно. Автор летописи был не чужд такого рода заимствований. Например, описание митрополита Михаила в ней[47] соответствует идеальному и стандартизованному описанию митрополита первой половины XVI века[48].

Таким образом, со значительной долей уверенности предполагать, что образ митрополита Михаила это своего рода ретроспекция, созданная автором Никоновской летописи на основе упоминания имени этого митрополита в современных ему рукописях Устава князя Владимира, используя, вероятно, материал из Хронографа 1495 года и материал, показавшийся ему подходящим для убедительного воссоздания образа легендарного первого предстоятеля Русской Церкви.

Источники и литература

1. *Алексеев С. В.* Крещение Руси и Владимир Святой. М.: Вече, 2015.

2. *Василик В. В.* Образ святого равноапостольного Владимира как царя в древнерусской гимнографии // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. 2015. № 3. С. 169–175.

3. *Василик В. В.* Святой равноапостольный князь Владимир как новый Константин // Русин. 2015. № 4 (42). С. 321–333.

4. *Гайденко П.* К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 7–16.

[44] *Соколов Р. А.* Русская церковь во второй половине XIII — первой половине XIV в. СПб., 2010. С. 49.

[45] *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 448–484.

[46] История поставления митрополитов Илариона и Климента Смолятича в Никоновской летописи подробно изложена. Если сюжет с поставлением Климента был известен еще из Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315), то история поставления Илариона изложена в Никоновской летописи нарочито подробно, с объяснением, почему это сделали не греки, и с каноническим обоснованием и с оговоркой, что он был рукоположен «не отлучающеся от православныхъ патріархъ и благочестіа греческаго закона, ни гордящеся от нихъ поставлятися, но съблюдающеся от вражды и лукавъства, якоже бѣша тогда» (ПСРЛ. Т. 9. С. 83).

[47] ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

[48] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 188.

5. *Гайденко П. И., Филиппов В. Г.* Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение // Христианское просвещение и русская культура. Доклады и сообщения XIV научно-богословской конференции. Йошкар-Ола, 2011. С. 66–80.

6. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1901. Репринт: М.: Крутицкое подворье, Общество любителей церковной истории, 2002.

7. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976.

8. *Задорнов А. В., прот.* Юрисдикция первоначальной церковной организации в Киеве: исторические гипотезы и каноническая возможность // Праксис. 2019. Т. 2. № 2. С. 15–30.

9. *Злотникова И. В., Флоря Б. Н.* Михаил // Православная энциклопедия. Т. 45: Мерри Дель Валь — Михаил Парехели. М., 2017. С. 546–550.

10. *Знаменский П. В.* История Русской церкви. М.: Крутицкое подворье, Общество любителей церковной истории, 2002.

11. *Карпов А. Ю.* Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М.: Квадрига, 2016.

12. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980.

13. *Костромин К., прот.* Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, Вып. 3: материалы науч. конф. «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации». Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г. СПб., 2015. С. 48–75.

14. *Костромин К. А.* Создание церковной епископальной структуры на Руси в эпоху активного политогенеза конца X — первой половины XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2021. Т. 32, вып. 1. С. 42–54. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-1-42-54.

15. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции. Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII в. М.: Языки славянской культуры, 2010.

16. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви: в 8 кн. Кн. 2. История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриарха (988–1240). М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

17. *Никон (Лысенко), архим.* Очерки по истории церкви Древней Руси. Кн. 1. Ростов н/Д, 2009.

18. *Пентковский А. М.* «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции охридско-преспанского региона в X–XI столетиях // Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилометодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски» (Охрид, 3–4 октомври 2013). Скопје, 2014. С. 43–65.

19. *Петрушко В. И.* Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II и его деятельность по возрождению церковной жизни Руси после монгольского нашествия // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 7–30.

20. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Византинороссика, 1996.

21. *Приселков М. Д.* История русского летописания. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996.

22. *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. — СПб.: Наука, 2003.

23. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

24. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927.

25. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

26. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. 3-е. М.: Языки русской культуры, 2000.

27. ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000.

28. ПСРЛ. Т. 7: Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001.

29. ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

30. ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000.

31. ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000.

32. *Рапов О. М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1988.

33. *Соколов Р. А.* Русская церковь во второй половине XIII — первой половине XIV в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.

34. *Флоря Б. Н.* Кирилл II // Православная энциклопедия. Т. 34: Кипрская православная церковь — Кирион, Вассиан, Агафон и Моисей. М., 2014. С. 547–550.

35. *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

36. *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Подгот. текста Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.

37. *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. / Отв. ред. В. К. Зиборов, В. В. Яковлев. СПб.: Наука, 2003.

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

А. А. Казаков

Крещение костей 1044 г. в контексте древнерусской культуры

УДК 271.2-9+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_17
EDN IJKKYP

Аннотация: Крещение останков князей Ярополка и Олега Святославичей описано в летописи под 1044 г. предельно кратко. Неординарность события стала причиной появления более или менее обстоятельных и в тоже время противоречащих друг другу интерпретаций. Автор рассматривает различные подходы к пониманию казуса и предлагает собственное толкование событий. Исследование направлено, главным образом, на выяснение двух вопросов. Во-первых, это вопрос о канонической допустимости действа. И, во-вторых, вопрос о необходимости погребения князей именно в стенах христианского храма. В первом случае автору удается указать на известный в то время текст, который мог санкционировать проведение столь необычной процедуры. Во втором — показать, что перезахоронение останков было вызвано стремлением повлиять на посмертную участь князей Святославичей.

Ключевые слова: христианизация Руси, восточнославянская книжность, каноническое право, Изборник 1076 г., Ярослав Мудрый, Десятинная церковь, Климент Римский.

Об авторе: **Александр Александрович Казаков**
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
E-mail: astrubal@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8506-3737

Для цитирования: Казаков А. А. Крещение костей 1044 г. в контексте древнерусской культуры // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 17–33.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 27.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Alexander Kazakov

The Baptism of the Remains in 1044 in the Context of Old Russian Culture

UDK 271.2-9+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_17
EDN IJKKYP

Abstract: The baptism of the remains of princes Yaropolk and Oleg was very briefly described in the chronicle dated 1044. The specific character of the events caused the emergence of interpretations that were more or less detailed and at the same time contradictory. After discussing various approaches to understanding the incident, the author's own interpretation of the events is presented. The research is focused on clarifying two main issues: the first one is that of canonical admissibility of this kind of action, while the second one is about whether or not the princes must be buried precisely within the walls of a Christian church. In the first case, there has been found the text known at that time, which could have authorized such an unusual procedure, and in the second case, some proof is presented to show that the reburial of the remains was caused by the desire to influence the posthumous fate of the princes of the Svyatoslav family.

Keywords: Christianization of Old Rus, Eastern Christian literacy, Canon Law, Izbornik of 1076, Yaroslav the Wise, Church of the Tieths, Veneration of St. Clement of Rome.

About the author: **Alexander Kazakov**
PhD in History, Senior Researcher in School for Advanced Studies in the Humanities of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: astrubal@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8506-3737

For citation: Kazakov A. The Baptism of the Remains in 1044 in the Context of Old Russian Culture. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 17–33.

The article was submitted 17.06.2022; approved after reviewing 27.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.

О крещении останков князей Ярополка и Олега Святославичей Повесть временных лет упоминает под 6552 г.[1]:

выгрєбоша· ·в҃· Кнѧзѧ Ꙗрополка и Ѡльга· с҃на С҃тославлѧ·
и кр҃стиша кости єю· и положиша ꙗ въ ц҃ркви ст҃ыя Б҃ца·

Нетривиальный характер сообщения летописца получил несколько небезынтересных ученых интерпретаций.

Не вызывает сомнений, что главным инициатором крещения костей Ярополка и Олега выступил их племянник, великий киевский князь Ярослав Владимирович[2]. Однако факт посмертного крещения влечет за собой вопрос о прижизненном отношении Ярополка и Олега к христианству. Ответ на него уже не столь очевиден.

А. Е. Мусин отмечает, что, исходя из «буквального понимания летописного текста и норм церковного права», крещение останков «может восприниматься как противоречащее этическим и догматическим основаниям христианства». Этот посыл ведет к предположению, что имело место не собственно крещение, но действо, характерное «для византийского погребального обряда, перенесенного на Русь». «Греческий обряд посмертной эксгумации…, — уточняет А. Е. Мусин, — предполагал омовение останков перед перенесением к новому месту погребения. Это омовение могло быть передано в летописном тексте именно как “крещение”, которым в славянском литургическом обиходе обозначалось само погружение/омовение». Тезис о тождестве летописного «крещения» с обрядом омовения останков приводит к весьма смелому утверждению, «что все три внука княгини Ольги — Олег, Ярополк и Владимир, очевидно, были крещены»[3]. Но здесь возможен ряд вопросов. Во-первых, коль скоро летописное «крещение» преподносится столь неоднозначным понятием, нельзя ли предположить, что на этапе начального распространения христианства на Руси и церковные нормы, запрещавшие крещение умерших, могли варьироваться и переосмысляться в зависимости от ситуации? Во-вторых, утверждение о прижизненном крещении братьев Святославичей, выводимое лишь из возможного — но отнюдь не обязательного! — толкования летописных строк, нуждается в обосновании, хотя бы и косвенном, на материале источников: это бы, безусловно, усилило исходное предположение и придало бы ему статус дискуссионной, но аргументированной гипотезы. Однако применительно к Олегу Святославичу попытка обнаружить хоть какие-то следы его возможного прижизненного приобщения к христианской религии ведет к прямо противоположному результату. Из ПВЛ известно, что

погребоша Ѡльга на мѣстѣ оу города Вручого·
и єсть могила єго и до сего д҃не оу Вручего[4]

---

[1] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Л., 1926. Стб. 155; ср.: Там же. Т. II. СПб., 1908. Стб. 143.

[2] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 389; *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 141; *Алексеев А. И.* Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 102. Т. Л. Вилкул отмечает, «что летопись не приписывает деяние Ярославу, хотя именно ему оно было действительно выгодно, но подобные умолчания регулярны в летописании». См.: *Вилкул Т. Л.* Сообщение 1044 года в текстологии списков начальной летописи // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 2. С. 135.

[3] *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв.: Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 82.

[4] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 75; Т. II. Стб. 68.

А древнейший список проложного Жития княгини Ольги XIII в. сохранил ее предсмертный наказ: «… и призва сына своего Святослава, заповеда моу погрести ся съ землею равно, а многи не соути, но посла злато к патриарьхоу Царяграда»[5]. Очевидно, текст цитаты неисправен: вместо «многи не соути» должно быть «могилы не съсоути»[6], что подтверждается чтениями более исправных, но поздних списков памятника: «… а могилы не соути»[7]. «Могила» в приведенных выдержках, по всей вероятности, имеет единственное значение: «насыпь над погребением, курган». Очевидно, курган в представлении книжника домонгольской поры достаточно явно ассоциировался с языческим, а не христианским погребением, а захороненного под насыпью Олега летописец никак не мог причислить к последователям христианства[8].

Иное дело Ярополк, о характере погребения которого летопись известий не сохранила. А. В. Назаренко не исключал возможности крещения Ярополка с христианским именем Петр, и допускал, что к 1044 г. память об этом событии была утрачена. Крещение останков стало необходимым, поскольку «перезахоронение в христианском храме требовало полной уверенности в том, что погребаемый был крещен». С другой стороны, исследователь не исключает, что «крещению были подвергнуты, собственно,

[5] Цит. по: *Гриценко З. А.* Загадочное «бъдынъ» (Об одном разночтении в произведениях о княгине Ольге) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 284–285. Ср.: *А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005. Т. 1. С. 301–302.

[6] Н. И. Серебрянский указал на текст ПВЛ, схожий с приведенным отрывком (*Серебрянский Н. И.* Древне-русские княжеские жития. М., 1915. С. 27. Примеч. 1): в рассказе ПВЛ о погребении князя Игоря сообщается, как княгиня Ольга, оплакивая мужа, «повѣле людемъ своимъ съсути могилу велику» (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 57; Т. II. Стб. 46). Приведенный отрывок, кстати, свидетельствует, что термин «могила» в ПВЛ используется для обозначения языческого погребения.

[7] *Гриценко З. А.* Загадочное «бъдынъ» … С. 285.

[8] Кроме того, если следовать концепту А. Е. Мусина, следует допустить, что Владимир, крещенный в юном возрасте, отступил от христианской веры и впоследствии был крещен вторично. Правда, К. А. Костромин, в целом разделяющий взгляд А. Е. Мусина на проблему, утверждает, «что князья Олег и Ярополк, будучи рождены от официального брака (или браков, если предполагать многоженство) Святослава, были крещеными людьми… Владимир же не был христианином потому, что он, сын ключницы Малуши, не мог претендовать на равное достоинство с братьями…» (*Костромин К.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой до середины XII века: Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrüken, 2013. С. 66–67). Очевидно, принятие княжичами христианства исследователь напрямую связывает с их статусом наследников своего отца, князя Святослава Игоревича. Однако источники едва ли позволяют говорить о каком-то «официальном» статусе христианства в княжеской семье: сам Святослав, судя по летописным свидетельствам, относился к христианской вере с пренебрежением, хотя и не возбранял желающим креститься (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 63; Т. II. Стб. 51). Поэтому единственным инициатором крещения княжичей могла быть только их бабка, княгиня Ольга. И если принять точку зрения К. А. Костромина о маргинальном положении Владимира среди его братьев, то, скорее, больше возможности быть крещеным было как раз у младшего сына князя Святослава, который, если опять же исходить из предложенных презумпций, в силу своей неполноправности не мог претендовать на реальную власть. Однако построения о приниженном положении княжича Владимира не подтверждаются источником: под 968 г. ПВЛ рассказывает о нашествии на Киев печенегов (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 53; Т. II. Стб. 65): «и затворисѧ Ѳльга съ внукы своими в городѣ. Ꙗрополкомъ. и Ѳльгомъ. и Владимеромъ». Из приведенного свидетельства едва ли можно сделать вывод об особом статусе Владимира, который назван среди двух своих братьев в порядке старшинства. В этом свете попытки выяснить, кто из братьев Святославичей был крещен, а кто нет, опираются не на источники, а на представления историков о должном и необходимом.

только останки Олега Святославича, но для присутствовавших наблюдателей эта деталь была неясна»[9]. Ф. Б. Успенский полагает, что Ярослав «был осведомлен о некотором особом положении своих дядьев по отношению к христианской вере»: не исключено, что при жизни они прошли обряд оглашения или prima signatio[10]. Н. П. Похилько усомнилась в справедливости гипотезы Ф. Б. Успенского, указав, что, если бы «Ярополк и Олег умерли оглашаемыми по греческому обряду или не прошедшими конфирмацию по римскому обряду, их останки можно было бы перезахоронить в освященную церковь без дополнительных действий и беспрепятственно. Но, вероятно, препятствия все же были»[11], а для их преодоления и понадобилось проведение столь неоднозначной процедуры.

Различны мнения и о культурно-исторических истоках обряда крещения умерших. Ф. Б. Успенский указывает на соответствующие параллели в скандинавских обычаях времен распространения христианства, когда останки «не успевших принять крещения» предков нередко перезахоранивались в церквах христианизированными потомками[12]. А. И. Алексеев предлагает иную версию, обратившись к специфическим чертам древнерусской религиозности XI в. Для той эпохи, по его мнению, был характерен «религиозный оптимизм», в рамках которого таинство крещения рассматривалось как вполне достаточное условие спасения души[13], а «участь умерших в язычестве предков могла быть отменена актом посмертного крещения». Впоследствии, «с углублением христианизации и, не в последнюю очередь, с распространением эсхатологических идей, религиозный фон меняется на пессимистический», когда начинает преобладать «представление об исключительной трудности спасения души». Судить о том, насколько такие представления были характерны для Руси XI в. довольно сложно. Во-первых, из летописного свидетельства 1044 г. отнюдь не следует, что Ярослав Владимирович решился на крещение останков своих дядьев, будучи движим попечением о спасении их душ. Скорее, крещение останков было необходимым условием для захоронения их в Десятинной церкви. Во-вторых, само представление о «религиозном оптимизме» эпохи основывается на косвенных доказательствах, которые нельзя признать исчерпывающими. «На страницах летописей XI–XIII в., — отмечает А. И. Алексеев, — нередки моменты, когда князья в минуты опасности обращаются с просьбой молитвенного заступничества к своим предкам», — это, по его мнению, говорит о том, что «принявшие христианство при жизни после смерти могли почитаться в качестве святых». Однако приводимые исследователем летописные известия о «молитве мертвых за живых» относятся самое раннее ко второй четверти XII в.[14] и неясно, насколько оправданной является экстраполяция этих свидетельств на более раннюю эпоху, середину XI в.

[9] *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 385–389.

[10] *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. С. 153. Предположение исследователя неожиданным образом коррелирует с поздним и потому едва ли исторически достоверным сообщением украинского Жития княгини Ольги XVII в.: «Унуков своих вѣры святои учила, єднак крестити их не смѣла для упорного сына своего Святослава» (*Перетц В. Н.* Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. // *Его же.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.; Л., 1962. С. 74).

[11] *Похилько Н. П.* Летописная статья 1044 г. и чудо воскрешения через крещение в «Житиях херсонских епископов» // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2015. Вып. 7. С. 205.

[12] *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. С. 142–152.

[13] Ср.: «Для релігійної свідомості неофітів доби Середньовіччя факту хрещення було цілком достатньо для спасіння, для здобуття життя вічного, набуття нової, позаземної сутності, що власне і визначає святість» (*Гордієнко Д. С.* Час та обставини канонізації княгині Ольги // Novogardia. 2021. № 1 (5). С. 49.

[14] *Алексеев А. И.* Крещение костей. С. 104–106.

Концепция А. И. Алексеева имеет отдаленное сходство с идеями, высказанными Н. К. Никольским. Последний отмечал, что «при Владимире и при сыне его Ярославе русское христианство было проникнуто светлым и возвышенным оптимизмом мировой религии». Однако к третьей четверти XI в. ситуация постепенно сменяется торжеством идеалов «мрачного аскетизма», оплотом которого становится Киево-Печерский монастырь, а истоки связываются с богомильством[15]. Впрочем, суждения о связи аскетических тенденций древнерусской культуры с еретическим движением, претендуя на оригинальность, тем не менее, абсолютно произвольны. К признакам богомильства Н. К. Никольский относит следующие: «Ненависть к миру, как скверне, ненависть к браку, женщине, детям, запрещение есть мясо, презрение к богатству, к просвещению, к культуре, развитие скопчества, отрицание войны, клятвы, таинств, иерархии, непочитание креста, мощей, приточный способ толкования новозаветных книг, ношение монашеской одежды, отрицание ветхозаветных книг»[16]. Очевидно, широта перечня и смысловая размытость включенных в него признаков позволяют обнаружить богомильство в чем угодно, вплоть до современного Н. К. Никольскому толстовства.

«Богомильский след», тем не менее, усматривается некоторыми современными исследователями в сюжете с крещением костей. Н. П. Похилько находит интересную параллель крещению останков князей Ярополка и Олега в тексте Житий херсонских епископов, в сюжете о крещении усопшего отрока, который после возлияния на его труп освященной воды воскрес. По мнению исследовательницы, главное внимание в описании обряда уделено крещению водой, а остальные части таинства опущены: вероятно, текст сознательно выстроен так, чтобы показать, что крещаемый при жизни принадлежал к богомилам, которые «отвергали крещение водой (противопоставляя ему крещение Духом)». Кроме того, Н. П. Похилько обращается к летописной Речи философа, «в заключительной части которой чрезвычайно выделена тема крещения водой». Рассмотренные свидетельства, по ее мнению, «ориентированы на аудиторию, которая придерживалась, по всей видимости, столь неортодоксальных воззрений на одно из главных церковных таинств — крещение, что потребовалось дополнительная аргументация, чтобы убедить ее креститься водой». Отталкиваясь от текста о крещении умершего мальчика, Н. П. Похилько дает собственное толкование крещения костей 1044 г.: «Прижизненное еретическое уклонение от ортодоксального христианского учения князей Олега и Ярополка, возможно, и было тем препятствием к перезахоронению, которое стремились преодолеть посмертным “водным” крещением»[17].

Реконструкция, предложенная Н. П. Похилько, небезупречна. Во-первых, летописная заметка о казусе 1044 г. не содержит сколько-нибудь развернутого описания обряда, совершенного над княжескими останками[18]. Во-вторых, несмотря на типологическую близость — связанную, главным образом, с возможностью крещения мертвых — между известием летописи и рассказом из Житий херсонесских епископов,

[15] И. Н. Данилевский высказывает предположение, что «религиозный оптимизм», в русле которого «сам факт принятия христианства считался достаточным условием для благоприятного ответа на Страшном Суде» к 70-м гг. XI в. сменяется представлением о воздаянии «за конкретные дела, добрые и злые, праведные и греховные, совершаемые христианами на этом свете». Этот переход отражается в памятниках письменности: в первом случае в «Слове о Законе и Благодати» Илариона, во втором — в выдержке из Изборника 1076 г. (*Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 103).

[16] *Никольский Н. К.* О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. № 6. С. 11–22.

[17] *Похилько Н. П.* Летописная статья 1044 г. и чудо воскрешения. С. 209–211.

[18] С тем же основанием вслед за А. И. Алексеевым можно допустить, «что необходимыми элементами этого акта являлись освящение крестным знамением, кропление святой водой, чтение соответствующих молитв» (*Алексеев А. И.* Крещение костей. С. 104).

антибогомильские аллюзии в Житиях не столь очевидны. Здесь уместно поставить вопрос о критериях, по которым распознаются богомильские практики.

Н. П. Похилько, стремясь обнаружить бытование богомильства в домоногольской Руси, реакцией на которое, по ее мнению, и стало появление сюжета с воскрешением через крещение, останавливается на двух летописных свидетельствах, связанных с деятельностью церковных иерархов. Первое касается предсмертного распоряжения бежавшего в Чернигов киевского митрополита Константина (6667 г.), повелевшего не предавать его останки погребению, а выбросить на растерзание псам[19]. Исследовательница подчеркивает, что «повествование о завещании Константина обрамлено рассказом о неприятии на Руси практики крайнего аскетизма, особым образом востребованного в охваченной богомильской ересью Византии, откуда и пришел митрополит Константин»[20]. Второй сюжет связан с известием Лаврентьевской летописи под 6672 г. о новациях ростовского епископа Леона, запрещавшего своей пастве употреблять скоромную пищу в Господские праздники, приходящиеся на среду и пятницу, что вызвало серьезные возмущения и даже обвинение иерарха в ереси[21]. В этом казусе Н. П. Похилько видит прямое указание на еретическое уклонение епископа, связанное с богомильством, последователи которого «были вегетерианцами»[22].

Примеры «крайнего аскетизма», к которым апеллирует исследовательница, едва ли могут быть свидетельством распространения на Руси богомильства, да еще посредством церковных иерархов из Византии. Распоряжение митрополита Константина о посмертной участи его останков, очевидно, восходило к восточнохристианской монашеской традиции[23], а непосредственным источником имело текст канона «на исход души», где было описано схожее поругание останков[24]. Нововведения епископа Леона, возмутившие жителей Северо-Восточной Руси, отражали перемены в аскетических практиках византийского монашества, которые, хоть и вызывали споры в самой Византии, тем не менее, были вполне ортодоксальны[25]. Таким образом, критерии, по которым те или иные явления относят к результатам влияния богомильства, остаются размытыми, факт распространения ереси на Руси X–XII вв. — спорным, а вероятность того, что князья Ярополк и Олег Святославичи могли быть ее последователями — незначительной.

Подходы к интерпретации казуса 1044 г., однако, не могут обойти вопроса о канонической недопустимости крещения усопших. На Руси в ту эпоху были известны канонические установления, однозначно запрещавшие проведение этого обряда, в частности, 26 правило Карфагенского Собора[26]. В реальности же, по-видимому, дело обстояло гораздо сложнее. Прежде чем говорить о тех или иных текстах, запрещавших или, наоборот, санкционировавших религиозно значимые деяния, следует сказать о том, как византийские по происхождению тексты функционировали в рамках древнерусской культуры. Весьма четко эти принципы сформулировал В. М. Живов, отметивший, что «при переносе на восточнославянскую почву византийские тексты

[19] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 349.

[20] Ср.: *Никольский Н. К.* О древнерусском христианстве. С. 20.

[21] ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 351–352.

[22] *Похилько Н. П.* Летописная статья 1044 г. и чудо воскрешения. С. 206.

[23] *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 80–137.

[24] *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2014. Т. 3. № 1.

[25] *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х гг. об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73).

[26] *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. С. 142; *Алексеев А. И.* Крещение костей. С. 102.

изменяют свою функцию и вне зависимости от своих исходных параметров оказываются частью христианской религиозной традиции»[27]. Поэтому и Священное Писание и предание, и канонические узаконения, и агиография, и даже исторические сочинения воспринимаются на Руси как религиозно значимые тексты, степень их авторитетности одинакова и не зависит от содержания, значение имеет лишь принадлежность к корпусу текстов, воспринимаемых в качестве сакральных. Разумеется, их содержание может быть взаимоисключающим, но от этого не становится менее авторитетным. Вероятно, обращение к тем или иным текстам осуществляется казуально, исходя из ситуации, к которой они могли быть приложимы. Не исключено, что великий князь Ярослав Владимирович, который вполне мог воспроизводить скандинавский обычай, должен был также обратиться к авторитетному с религиозной точки зрения тексту, содержание которого делало возможным проведение обряда в рамках восточнохристианской традиции.

Кажется, адекватный исторической ситуации текст обнаруживается в составе рукописи, созданной спустя три с небольшим десятилетия после крещения княжеских останков, — Изборнике 1076 г.[28]:

Отърєкъ бо сѧ нѣкто мира · жєноу имыи и дъщєрь
нєхрьщєноу обаче хрьстьѧнъ бѣ: раздѣли же имѣниѥ своѥ
на · г҃ · части · оумьрши жє дъщєри єго нєкрьщєнѣ · за д҃шю ѥѩ въда о҃ць
ѥѩ нищиимъ часть ѥѩ · ѥщє жє жєнъню часть и свою ·
Нє прѣста жє ба молѧ за ню · придє жє къ нємоу гласъ ·
молѧщюсѧ ѥмоу · ѩко крьстисѧ дъщи твоѩ и не тоужи ·

Приведенная статья вполне могла оправдывать возможность посмертного крещения, ведь в тексте оно санкционировано Божественным произволением. Происхождение данного отрывка связывалось с повестью из анонимной части Азбучно-Иерусалимского патерика[29], где она имеет следующий инципит: «Гл҃ашє старць · ѩко бѣшє нѣкто из мира изьшьль…»[30] В старшем русском списке Азбучно-Иерусалимского патерика из собрания Троице-Сергиевой лавры (1469 г.) указанная повесть изложена более пространно[31]:

Гл҃ашє старєць · ѩко бѧшє нѣкто из мира изшєлъ имєѧ
женоу · такожд҃є и дщерь ѡглашєноу · ѡбачє жє и христїаница ·
раздели жє имѣнїа своѧ на три части · прєставльши жє сѧ дщєри
єго тако ѡглашенн҃ѣ · помощи ради и избавлєнїа · дадє часть єѧ
нищїимь ѡц҃ь · к томоу жє и часть жєны своєѧ и свою ·
нє прєстаашє жє молѧ ба ѡ нєи · молѧщоу жє сѧ ємоу прїидє ємоу глас
гл҃ѧ · ѩко крс҃тисѧ дщи твоѩ не скроби · ѡн жє нє вѣрова ·
гл҃а жє пакы ємоу нєвидимыи глас · ѡкопаи гробъ єѧ ащє обрѧщєши ю ·
ѡн жє шед на гробъ и ѡкопа и нє ѡбрєтє ю тамо · прѣложена
оубо бы҃с съ вѣрными·:

[27] *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // *Его же.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 97.

[28] Изборник 1076 года / Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. I. С. 650–651 (л. 247 об.–248).

[29] *Мушинская М. С.* Изборник 1076 г.: текстология и язык. СПб., 2015. С. 166, примеч. 73.

[30] *Van Wijk N.* Подробный обзор церковнославянского перевода Большого Лимонария // *Byzantinoslavica.* 1935–1936. Roč. VI. S. 76.

[31] ОР РГБ. Ф. 304.I. № 701. Л. 191 об.

Сличение текстов из Изборника 1076 г. и Азбучно-Иерусалимского патерика обнаруживает, что в последнем, во-первых, присутствует близкий событиям 1044 г. сюжет, связанный с чудесным перезахоронением в освященной земле останков некрещенной девицы. Во-вторых, в патерике упоминается, что умершая при жизни приняла оглашение, но, тем не менее, была захоронена вне пределов христианского кладбища, — возможность оглашения Ярополка и Олега Святославичей (см. выше) отнюдь не исключается исследователями. Погребены же они были, скорее всего, как язычники, иначе не совсем понятно, зачем при перезахоронении понадобилось крестить их кости, ведь, как следует из летописи, крещение было, по-видимому, обязательным условием последующего захоронения останков Ярополка и Олега в стенах Десятинной церкви. Кажется, события 1044 г. гораздо лучше соотносятся с рассказом Азбучно-Иерусалимского патерика, чем с краткой статьей Изборника 1076 г.

Впрочем, утверждать наверняка, что повесть о посмертном крещении в пространном варианте Азбучно-Иерусалимского патерика бытовала на Руси в XI в., следует с осторожностью. С одной стороны, сам патерик, по мнению исследователей, был переведен с греческого языка уже в X в. в Болгарии, и с XI в. стал известен на Руси, где отдельные его фрагменты вошли в состав Пролога[32]. Разночтения между соответствующими текстами о посмертном крещении в патерике и Изборнике 1076 г. могут объясняться тем, что составитель последнего «подвергал включаемые в сборник тексты стилистической и языковой правке, лишая их подчеркнутой монашеской ригористичности, русифицируя язык, вводя в текст отдельные слова и выражения, отражающие древнерусский быт»[33]. С другой стороны, неясно, был ли Азбучно-Иерусалимский патерик известен на Руси XI в. в полном составе, включающем более 1000 рассказов и изречений, или распространение получили лишь некоторые из них. Прямых доказательств того, что указанная патериковая повесть была переработана на Руси в XI в., нет. Вполне вероятно, текст отрывка о посмертном крещении попал в Изборник 1076 г. в готовом виде из болгарского протографа[34].

Но как бы то ни было, даже сокращенная версия текста о посмертном крещении могла служить в пользу канонической допустимости событий 1044 г., связанных с крещением и последующим перезахоронением останков Ярополка и Олега Святославичей в Десятинной церкви.

Смысл произошедшего, однако, было бы слишком просто свести лишь к факту крещения останков, который, очевидно, носил инструментальный характер и, повторимся, служил главной цели — перезахоронению князей-братьев Святославичей в стенах Десятинной церкви. В недавнем исследовании можно встретить мнение, что «идейной основой процедуры перезахоронения Ярополка и Олега в построенном Владимиром первом христианском храме Киева является представление о единстве и сакральности княжеского рода»[35]. Казус с погребением крещеных останков здесь, однако, определяется посредством понятий, которые сами нуждаются в конкретизации. Говоря о «единстве», следует ли подразумевать, что, будучи инициатором казуса 1044 г. Ярослав Владимирович хотел особо подчеркнуть свое родство с дядьями Святославичами, погибшими в междоусобице, победителем в которой стал Владимир,

[32] *Николаев Н. И.* Патерик Азбучно-Иерусалимский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I. С. 301–302.

[33] *Творогов О. В.* Изборник 1076 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I. С. 197.

[34] *Мушинская М. С.* Изборник 1076 г.: текстология и язык. С. 75–79, 86–87.

[35] *Кежа Ю. Н.* Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1(87). С. 18.

единолично захвативший верховную власть[36]? Скорее всего, с подачи Ярослава Мудрого двое его внуков — сыновья Изяслава и Святослава Ярославичей — получили имена Ярополк и Олег[37]. С другой стороны, пресловутое «единство», очевидно, не было самоцелью для Ярослава Владимировича, заточившего своего брата, псковского князя Судислава в 1036 г. «въ порубь»[38], откуда тот был освобожден племянниками лишь после смерти их отца и принял постриг, отказавшись тем самым ото всяких притязаний на власть[39] и фактически был устранен из династической, родовой истории Рюриковичей[40]. Столь же непросто обстоит дело с «сакральностью»[41]. Хотел ли великий князь Ярослав манипуляциями с останками Святославичей подчеркнуть их особое положение внутри христианской династии Рюриковичей? Если да, то чем было обосновано это стремление? Показания источников не позволяют дать однозначные ответы на эти вопросы, а понятия «единства» и «сакральности» рода сами нуждаются в объяснении, нимало не проясняя смысла событий 1044 г.

Выход видится в поисках аналогий на ближайшем по хронологии материале. Кажется, такого рода параллели, если не генетически восходящие к казусу с крещением костей 1044 г., то имеющие с ним некоторые типологические сходства, обнаруживаются в одной из повестей Киево-Печерского монастыря. В игуменство Пимена, в 1132–1141 гг.[42] в обители внезапно умирает некий чернец, «постник являяся лжею и целомудръ ся творя, втайнѣ же ядый, и пиа, и сквернено живый проводи лета своа». Разумеется, обстоятельства своей подлинной духовной жизни умерший намеренно скрывал ото всех, включая своего духовного отца, за что и поплатился после кончины: труп несчастного начал невыносимо вонять, так, что отпевали его «съставше издалече, нѣции же носы своя заемше», после чего смердящие останки «положиша в печерѣ». Вслед за этим духовному отцу умершего, иеромонаху Онисифору, является преподобный Антоний Печерский с грозным увещеванием о многих грехах его духовного сына, погребение которого в пещере оскверняет святое место. Также от ангела Онисифор

[36] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 74–78; Т. II. Стб. 62–64.

[37] А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский подчеркивают, «что появление детей у Святослава Ярославича примерно совпадает по времени с перезахоронением и крещением костей братьев Владимира Святого, Олега и Ярополка… Это действие Ярослава Мудрого апеллирует к родовой истории и явно отражается в имянаречении его внуков: у Изяслава Ярославича вскоре появляется сын *Ярополк*, а у Святослава Ярославича — *Олег*. Весьма вероятно, что имена для этих княжичей выбирались не без участия деда, Ярослава Мудрого, известно, например, что он участвовал в выборе имени для другого внука, Владимира Всеволодовича Мономаха». См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 105–106. Примеч. 98.

[38] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 151; Т. II. Стб. 139.

[39] ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 162; Т. II. Стб. 151.

[40] По замечанию исследователей, «из именослова Рюриковичей навсегда выпадает имя *Судислав*, которое носил один из братьев Ярослава Мудрого, на долгие годы заточенный им в порубе». Трагическая судьба Судислава стала причиной того, что «он, по-видимому, исключался из родовой истории». См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей… С. 25.

[41] Д. С. Гордиенко, например, утверждает, что подоплёка «сакральности», представления о которой сподвигли великого князя Ярослава Владимировича к перезахоронению дядьёв в христианском храме, была чисто языческая. См.: *Гордієнко Д. С.* Час та обставини канонізації княгині Ольги. С. 52.

[42] «Точных данных о игуменстве Пимена нет. Видимо, он был игуменом Киево-Печерского монастыря после Тимофея (1124–1131), но до Феодосия (1142–1156), предположительно с 1132 по 1141 г. (Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик. М., 1999. С. 403). Ср.: *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877. Стб. 12.

узнает, что сокрытие умершим своих прегрешений промыслительно: «На показание всѣм согрѣшающим и некающимъся, да, видѣвше, покаются». На совете у игумена монахи принимают решение вытащить из пещеры и утопить смердящий труп. Но на следующую ночь к Онисифору вновь является Антоний Печерский с известием о прощении Богом непотребного чернеца: «Молих бо Господа Бога, да ни един от сего манастыря осужен будет. И Господь рече, яко слышати ми слово его: Азъ есмь рекый Аврааму: дванадесяте ради праведник не погублю града сего[43] — то колми паче тебе ради и иже с тобою помилую и спасу грѣшника; аще сдѣ постигнет умрети, в покои будет, твоея ради молитвы прощен будет». Следом и игумен Пимен приял «явление нѣкое, яко от Бога, тако глаголюще: "Понеже здѣ мнози грѣшни положени быша, и вси прощени быша угодивших ми ради святых сих, иже в печерѣ, и сего окааного душу помиловах Антониа дѣля и Феодосиа, рабу моею, и сущих с нима святых чръноризец молитвою. И се ти знамение — измѣнение смрада на благовоние преложися"»[44].

Спасение души падшего инока, таким образом, становится результатом заступничества святых хранителей и покровителей монастыря, преподобных Антония и Феодосия Печерских, однако нельзя сказать, что оно было предопределено местом захоронения. Недаром Антоний является Онисифору дважды, первый раз с укором, а второй — с вестью о Божьей милости к падшему иноку. Сам факт захоронения в святом месте становится реализацией семиотической модели «вручения себя», с известной, впрочем, оговоркой: умерший передается монашествующей со-братией посмертному попечению преподобных Антония и Феодосия посредством погребения в святом месте. Описавший эту модель Ю. М. Лотман отмечает, что отдающий себя во власть высшей силы делает это безусловно, не рассчитывая на какой-либо эквивалентный обмен. Неэквивалентность отношений в рамках этой модели определяет ее реализацию, целиком и полностью зависящую от высшей силы, и характеризуется исключительной односторонностью, в которой благоприятное разрешение для «вручающего себя» есть исключительно милость и дар, которых, при исходных условиях, может и не быть[45]. Кажется, эта модель исчерпывающе реализуется в приведенной повести: само по себе погребение в пещере не является гарантом спасения души усопшего, но определяется исключительно Божиим произволением по молитве Его угодников, прославленных Богом и прославивших своей святостью Киево-Печерский монастырь и его пещеры[46].

Кажется, в рамках той же модели реализуется замысел Ярослава Мудрого о посмертной судьбе своих дядьев. В Десятинной церкви, где они тотчас по крещении были перезахоронены, находились останки княгини Ольги и князя Владимира[47].

[43] Быт. 18, 31.

[44] Древнерусские патерики. С. 22–23.

[45] *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // *Его же.* Избранные статьи. Т. III. Таллин, 1993. С. 345–346.

[46] «Древняя традиция существовала и в отношении мест погребения, благоприятствующих посмертной судьбе усопшего. Вместе с развитием культа святых развивалась и практика depositio ad sanctos, когда покойника погребали поблизости от места упокоения святого, ожидая, что святой будет заступником за соседа… Однако заступничество никак, в обычном случае, не означало автоматического спасения, независимого от греховности покойника», — отмечал В. М. Живов, который, однако, видел в рассказе о погребении нечестивого чернеца образец «незаконного» спасения, нарушающего все возможные сотериологические нормы. См.: *Живов В. М.* Император Траян, девица Фальконилла и провонявший монах: их приключения в России XVIII века // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. М., 2008. Вып. I. С. 255–256.

[47] О месте погребения Владимира Святославича известно из летописи (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 130; Т. II. Стб. 115). Перенесение в Десятинную церковь останков княгини Ольги произошло

Правда, о возможности канонизации к середине XI в. княгини Ольги нельзя сказать что-либо определенное, а допущение о прославлении и почитании в XI в. князя Владимира гипотетично[48]. Неясно также, как могла проходить процедура канонизации на Руси середины XI в., если о таковой вообще можно говорить. Кроме того, есть свидетельства, что распространению почитания Владимира препятствовало отсутствие чудотворений от его останков. «Не дивимся, възлюбленѣи, аще чюдесъ не творить по смерти, мнози бо святѣи праведнѣи не створиша чюдесъ, но святѣ соуть», — свидетельствует Иаков Мних, распространяясь далее о необязательности, вторичности посмертных чудотворений в сравнении с праведностью жизни святых[49].

Можно предположить, что «вручение» посмертной участи Ярополка и Олега молитвенному покровительству их бабки и брата вообще не требовало канонизации последних. Как было показано выше, А. И. Алексеев полагает возможным заступничество неканонизированных родичей за своих потомков на Руси XI–XIII вв. — так, быть может, перезахоронение князей Святославичей свидетельствует о начальном этапе оформления этой практики на Руси? В таком случае, вероятно, с подачи Ярослава Мудрого впоследствии появляется феномен, известный как «молитва мертвых за живых»; правда, сообщения о нем на страницах летописей, по наблюдению С. В. Сазонова, принадлежат к более поздней эпохе и связаны с потомством Владимира Мономаха и летописанием преимущественно Северо-Восточной Руси[50]. В исследовательских построениях основой обращения потомков с молитвенными просьбами о помощи к неканонизированным предкам является якобы характерное для домонгольской Руси представление о крещении, как не только необходимом, но и достаточном условии для спасения. Очевидно, в этом случае отношения между человеком и Богом реализуются в рамках семиотической модели «договора», которая характеризуется взаимностью — в форме активного деятельного участия обоих сторон, обязательностью исполнения условий сторонами вне зависимости от их положения друг по отношению к другу, эквивалентностью, имеющей форму обмена. Социокультурная специфика «договора», как видим, во многом противоположна модели «вручения себя». Ю. М. Лотман отмечал, что «договор» реализуется как магическая,

вслед за принятием христианства ее внуком, крестителем Руси князем Владимиром. См.: *Кежа Ю. Н.* Места княжеских погребений в домонгольской Руси. С. 17. Примеч. 4; ср.: *Гордієнко Д. С.* Час та обставини канонізації княгині Ольги. С. 50. Погребение Ольги в Десятинной церкви зафиксировано в Памяти и похвале князю Владимиру (*Шахматов А. А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. СПб., 2014. С. 344).

[48] *Успенский Б. А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // *Его же.* Историко-филологические очерки. М., 2004. С. 69–121. Есть точка зрения, что парный культ княгини Ольги и князя Владимира получает распространение уже в правление Ярослава Мудрого, см.: *Гордієнко Д. С.* Час та обставини канонізації княгині Ольги. С. 55.

[49] *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира… С. 345–346. Вероятно, такое отношение к мощам святых сложилось не без влияния «Некоторой заповеди» — «худого номоканунца», появление которого на Руси относят к первой половине XI в. (Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки) // *Смирнов С. [И.].* Древнерусский духовник: Исследование из истории церковного быта. М., 1913. С. 292). Одна из статей этого епитимийника говорит об обязательности трех чудес от святых мощей, «глу^{х} да прослыши^{т}. нѣмъ проѓлть. слѣпъ да прозритъ» (Там же. С. 30). «Намечавшееся при Ярославе церковное прославление Владимира отсрочилось», — полагает А. В. Назаренко, и указывает «на формальную тому причину — отсутствие чудотворений от мощей» (*Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013. С. 75).

[50] *Сазонов С. В.* «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. // Россия в IX–XX вв. Проблемы истории и источниковедения. М., 1999. С. 509–510.

а «вручение себя» как религиозная модель, и применительно к Древней Руси они воспринимаются в форме оппозиции «человеческое» — «божественное». Поэтому модель «договора» не может быть реализована в отношении человека с Богом, во всяком случае, там, где господствует «высокая», книжная христианская культура, к которой, безусловно, нужно отнести культуру верхов древнерусского общества (при этом, разумеется, «низовая» христианская культура на протяжении своего существования тяготеет к магической модели «договора»)[51]. И говорить о взгляде на спасение души как обязательном — главным образом для Бога — следствии принятия крещения в княжеской среде домонгольского периода нет никаких оснований. Вероятно, и «молитва мертвых за живых» имеет гораздо более сложные механизмы реализации: выше было указано, что ее бытование связано преимущественно с потомством Владимира Мономаха. По всей вероятности, эта традиция восходит к его Поучению, в котором он обращается с просьбой о молитвенной помощи не столько к своему почившему отцу, Всеволоду Ярославичу, сколько к его небесному покровителю, преподобному Андрею Критскому[52], реализуя семиотическую модель «вручения себя».

Поэтому факт «вручения» душ убиенных в усобице Ярополка и Олега попечению их родственников представляется если не невозможным, то сомнительным. Однако не стоит забывать, что в Десятинной церкви была положена принесенная из Корсуня глава святителя Климента папы Римского — «почитаемые мощи вселенского святого, доставленные в Киев Владимиром “на освящение и спасение себѣ и всему роду своему”..., и это, с одной стороны, осеняло династию благословением свт. Климента, а с другой — придавало некий династический оттенок почитанию самого свт. Климента»[53]. Вероятно, конечной целью действ с останками князей Святославичей являлось как раз «вручение» их молитвенному предстоянию прославленного святителя, что, конечно, не гарантировало их спасения, но хотя бы давало надежду на благоприятный посмертный исход. Очевидно, великий князь Ярослав Владимирович в контексте предложенного подхода выступает не только как глава рода Рюриковичей, стремившийся «христианизировать» языческих предков, но как христианин, обеспокоенный посмертной участью душ своих дядьев, погибших в братоубийственной усобице. «Вручение» Ярополка и Олега Святославичей попечению святителя Климента происходит в момент, когда его культ, вероятно, еще переживает расцвет; позднее, со второй половины XI в., почитание святителя практически не оставляет следов в памятниках письменности[54]. Практика погребения Рюриковичей в Десятинной церкви так и не стала традицией: после перезахоронения останков Святославичей известно лишь о двух княжеских захоронениях в стенах этого храма. В 1078 г. здесь был погребен сын Ярослава Мудрого великий князь Изяслав Ярославич, погибший в битве при Нежатиной Ниве,

[51] *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели... С. 345–350. Характеризуя мнение о достаточности одного лишь крещения для спасения души, К. А. Костромин подчеркивает, что здесь господствуют представления «о языческом реликте крещения» (*Костромин К.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой... С. 65), т. е. речь идет о реализации магической практики.

[52] *Казаков А. А.* Феномен родопочитания в воззрениях книжников Древней Руси: некоторые особенности восприятия // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 127–128. «По всей видимости, не без влияния христианского имени Всеволода Ярославича в его ветви рода укрепился культ сразу нескольких святых с этим именем. Во всяком случае, можно, как кажется, говорить о почитании его ближайшими потомками не только апостола Андрея, но и Андрея Критского, Андрея Стратилата и Андрея Юродивового» (*Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 508).

[53] *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви»... С. 139. О Корсунских трофеях князя Владимира, среди которых были мощи свт. Климента, см.: ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 116.

[54] *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви»... С. 73–82.

а в 1093 г. — его внук, князь Ростислав Мстиславич[55]. Главной же великокняжеской усыпальницей после Ярослава Мудрого становится Софийский собор.

[55] Ю. Н. Кежа ставит под сомнение факт захоронения князя Изяслава Ярославича в Десятинной церкви (*Кежа Ю. Н.* Места княжеских погребений в домонгольской Руси. С. 19. Примеч. 16), но такая точка зрения весьма уязвима. Исследователь основывается на следующих посылах. Во-первых, он обращает внимание на упоминание в Слове о полку Игореве о том, что Святополк Изяславич велел убитого отца «яти» с Каялы в храм Софии Киевской. В летописном рассказе — довольно подробном и обстоятельном — о походе Изяслава и Всеволода с сыновьями на Чернигов, в результате которого старший Ярославич был убит, Святополк Изяславич не упоминается, но изрядно внимания уделено его сыну Ярополку, который и провожал отца в последний путь (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 201–202; Т. II. Стб. 192–193). Не доверять рассказу летописца на основе обмолвки неизвестного — несмотря на все ученые ухищрения — автора Слова нет никаких оснований, тем более ПВЛ составлялась в великое княжение Святополка Изяславича и, если согласиться с Ю. Н. Кежей, следует объяснить, почему летописец затушевал роль Святополка, выдвинув на первый план его брата в повествовании о гибели их отца. Во-вторых, исследователь указывает, что известие о захоронении Изяслава Ярославича содержится «в Княжеском помяннике в составе Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны», памятнике середины XVII в. Там статья о погребении великого князя Изяслава восходит к Тверскому сборнику, где сказано, что князь был погребен в Софийском соборе, хотя составителю помянника был известен и вариант Ипатьевской летописи. В нем, как отмечает исследовавший текст помянника В. А. Кучкин, «местом захоронения Изяслава названа церковь Богородицы, которую исследователи несколько поспешно отождествляют с Десятинной» (*Кучкин В. А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997. С. 183–184). По мнению историка, следует «отождествлять церковь Богородицы, где был захоронен Изяслав, с главным нефом Софии Киевской… Престол Богородичный, посвященный Рождеству Богоматери, находился в центральном нефе Софии Киевской» (*Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкь…» // Russia Mediaevalis. München, 1995. T. VIII, 1. S. 106). Предложенное объяснение, впрочем, не подтверждается показаниями источников. «Сказаніе извѣстно, что есть Софей Премудрость Божія» свидетельствует, что издревле престольное празднование в храмах, посвященных Св. Софии, что в Киеве, что в Новгороде, приурочивалось к двенадцати Господским (не двунадесятым!) праздникам. Эта традиция держалась в Новгороде до конца XV в., а в Киеве существовала еще в середине XVI в., когда было составлено «Сказаніе» (*Филимонов Г. Д.* Очерки русской христианской иконографии. Ч. 1. София Премудрость Божия // Вестник общества древнерусского искусства. Вып. 1–3. М., 1874. С. 4 отд. пагинации). Приурочивание празднование Софии Киевской к Рождеству Богородицы возникло очень поздно, по-видимому, не ранее XVII в., и было результатом западного влияния, в котором Премудрость отождествлялась с Девой Марией (Там же. С. 2–3, 17). Сопоставление статьи ПВЛ с описанием похода на Чернигов и гибели Изяслава Ярославича с соответствующим повествованием Тверского сборника убеждает, что составитель последнего едва ли обладал какой-то уникальной информацией о месте погребения Изяслава. Сводчик Тверского сборника следует ПВЛ, однако по неясной причине выпускает многословный рассказ о погребении Изяслава, заменив его кратким сообщением об упокоении князя в Софийском соборе и количеством лет, в течение которых он занимал киевский стол — они отсутствуют в ПВЛ, но легко вычисляются исходя из ее текста (ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 173–175). В-третьих, Ю. Н. Кежа утверждает, что «на захоронение Изяслава в храме Св. Софии указывает его положение (на момент смерти) как старшего князя среди сыновей Ярослава Мудрого и последующая тенденция к захоронению старших Рюриковичей в Софийском соборе». Примечательно, что обнаруженная исследователем «тенденция» расценивается как «последующая»: к моменту кончины Изяслава она лишь намечается. В Софийском соборе был погребен Ярослав Мудрый (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 161–162; Т. II. Стб. 149–151), однако умерший на киевском княжении в 1076 г. Святослав Ярославич был погребен в Чернигове (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 199; Т. II. Стб. 190). Всеволод Ярославич, занявший по смерти старшего брата Изяслава киевский стол, был упокоен в Святой Софии (ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Стб. 215–216; Т. II. Стб. 207), а его преемник и племянник Святополк Изяславич, скончавшийся в 1113 г., — в киевской Михайловской

Таким образом, смысловым центром событий 1044 г. оказывается не крещение костей, образцом для которого, вероятно, мог стать религиозно значимый текст, а само погребение останков князей Ярополка и Олега Святославичей в стенах Десятинной церкви, которое, возможно, являлось символическим посмертным «вручением» их душ молитвенному попечению святителя Климента папы Римского.

Источники и литература

1. *Алексеев А. И.* Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 102–106.

2. *Вилкул Т. Л.* Сообщение 1044 года в текстологии списков начальной летописи // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2021. № 2. С. 133–134.

3. *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2014. Т. 3. № 1. С. 43–71.

4. *Виноградов А. Ю., Желтов М. С.* «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х гг. об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.

5. *Гордієнко Д. С.* Час та обставини канонізації княгині Ольги // Novogardia. 2021. № 1 (5). С. 48–63.

6. *Гриценко З. А.* Загадочное «бъдынъ» (Об одном разночтении в произведениях о княгине Ольге) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 284–290.

7. *Данилевский И. Н.* Замысел и название Повести временных лет // Отечественная история. 1995. № 5. С. 101–110.

8. Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.

9. *Живов В. М.* Император Траян, девица Фальконилла и провонявший монах: их приключения в России XVIII века // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории / Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. М.: Языки славянской культуры, 2008. Вып. I. С. 245–268.

10. *Живов В. М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.

11. Изборник 1076 года / Под ред. А. М. Молдована. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. I. 744 с.

церкви (ПСРЛ. Т. II. Стб. 275). Из приведенных фактов едва ли с неизбежностью следует вывод, что Изяслав был захоронен в стенах Софии Киевской. Вероятно, не произвольно было выбрано и место погребения Изяславова внука, князя Ростислава Мстиславича, который скончался 1 октября, но захоронен был лишь 16 ноября 1093 г. в Десятинной церкви. По уместному предположению А. В. Назаренко, «князь умер вдали от Киева» (*Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви»… С. 68. Примеч. 50; ср.: *Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ…». S. 97), и, возможно, место погребения малоизвестного князя, единственное летописное упоминание которого сообщает о его кончине, определялось не только прихотью его родного дяди, Святополка Изяславича, занимавшего в ту пору киевский стол, но и находившимся в храме захоронением родоначальника ветви Изяславичей. Об археологическом исследовании княжеских погребений XI в. в Десятинной церкви и открытии захоронения Ростислава Мстиславича см.: *Каргер М. К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. IV. С. 12–20.

12. *Казаков А. А.* Феномен родопочитания в воззрениях книжников Древней Руси: некоторые особенности восприятия // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 121–136.

13. *Каргер М. К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. IV. С. 12–20.

14. *Кежа Ю. Н.* Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1(87). С. 16–35.

15. *Костромин К.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой до середины XII века: Страницы истории межконфессиональных отношений. Saarbrüken: Lambert Academic Publishing, 2013.

16. *Кучкин В. А.* Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М.: Наука, 1997. С. 166–233.

17. *Кучкин В. А.* «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ…» // Russia Mediaevalis. München, 1995. T. VIII, 1. S. 87–113.

18. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 904 с.

19. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. 207 с.

20. *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // *Его же.* Избранные статьи. Таллин: Александра, 1993. Т. III. С. 345–355.

21. *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв.: Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 269 с.

22. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки) // *Смирнов С. [И.]* Древнерусский духовник: Исследование из истории церковного быта. М., 1913. С. 1–465 отдельной пагинации.

23. *Мушинская М. С.* Изборник 1076 г.: текстология и язык. СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с.

24. *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

25. *Назаренко А. В.* «Слово на обновление Десятинной церкви», или К истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель: Conférence Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. 244 с.

26. *Николаев Н. И.* Патерик Азбучно-Иерусалимский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. I. С. 299–302.

27. *Никольский Н. К.* О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. № 6. С. 1–23.

28. ОР РГБ, ф. 304.I (фундаментальное собрание Троице-Сергиевой Лавры), № 701, патерики Азбучно-Иерусалимский и Скитский, 1469 г.

29. *Перетц В. Н.* Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. // *Его же.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 8–116.

30. *Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К.* Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / Отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 1. С. 288–308.

31. *Похилько Н. П.* Летописная статья 1044 г. и чудо воскрешения через крещение в «Житиях херсонских епископов» // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2015. Вып. 7. С. 204–213.

32. ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926.

33. ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927.

34. ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

35. ПСРЛ. Т. XV: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

36. *Сазонов С. В.* «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. // Россия в IX–XX вв. Проблемы истории и источниковедения. М.: Русский мир, 1999. С. 508–517.

37. *Серебрянский Н. И.* Древне-русские княжеские жития. М., 1915.

38. *Строев П. М.* Список иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб., 1877.

39. *Творогов О. В.* Изборник 1076 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. I. С. 196–198.

40. *Успенский Б. А.* Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? // *Его же.* Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 69–121.

41. *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.

42. *Филимонов Г. Д.* Очерки русской христианской иконографии. Ч. 1. София Премудрость Божия // Вестник общества древнерусского искусства. Вып. 1–3. М., 1874. С. 1–20, 1–24 отд. пагинации (Материалы).

43. *Шахматов А. А.* Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Подгот. текста Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 384 с.

44. *Van Wijk N.* Подробный обзор церковнославянского перевода Большого Лимонария // *Byzantinoslavica.* 1935–1936. Roč. VI. S. 38–84.

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

Е. Д. Подвальнов

Падение Киева 1169 г. в историографии: между исторической реальностью и сконструированной «истиной»

УДК 94(470):930
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_34
EDN YYQZNW

Аннотация: На протяжении вот уже почти трех столетий сюжет взятия и разорения Киева в 1169 г. Мстиславом Андреевичем — сыном Андрея Боголюбского — с завидной регулярностью обозначается реперной точкой, «точкой бифуркаций», водоразделом в истории домонгольской Руси. Падение «матери городов русских» всегда привлекало и привлекает внимание специалистов и любителей. Приходится констатировать: как правило, данное событие рассматривается шаблонно. Повторение тезиса об особой значимости киевского падения походит больше на некую истину в последней инстанции. С другой стороны — те немногие авторы, которые с этим положением не соглашаются, также достаточно претенциозны. Сложностей добавляет то, что киевская эпопея в работах некоторых ангажированных украинских, украинско-американских (в отличие от американских) исследователей предстает едва ли не первым конфликтом Украины и России, что, разумеется, не может не вызывать недоумения.

Ключевые слова: летопись, Ипатьевская летопись, Андрей Боголюбский, историография, осада Киева, половцы.

Об авторе: **Евгений Дмитриевич Подвальнов**
Магистрант Института истории и международных отношений Южного федерального университета.
E-mail: evgeny.podvalnov@yandex.ru

Для цитирования: Подвальнов Е. Д. Падение Киева 1169 г. в историографии: между исторической реальностью и сконструированной «истиной» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 34–56.

Статья поступила в редакцию 14.09.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 14.11.2022.

Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Evgeny Podvalnov

The Fall of Kiev 1169 in Historiography: between Historical Reality and Constructed "Truth"

UDK 94(470):930
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_34
EDN YYQZNW

Abstract: For almost three centuries, the plot of the capture and destruction of Kyiv in 1169 by Mstislav Andreyevich, the son of Andrei Bogolyubsky, has been marked on a very regular basis as a reference point, a "point of bifurcations", a landmark in the history of pre-Mongol Rus. The fall of the "mother of Russian cities" has always been attracting attention of specialists and amateurs. A disappointing conclusion has to be made: as rule, this event is considered template, while the repetitions of the idea about the special significance of the Kyiv defeat looks more like some kind of ultimate truth. On the other hand, those few authors who disagree with this claim are enough pretentious. Adding to the complexity is the fact that the Kyev epic as described by some biased Ukrainian, Ukrainian-American (unlike American) researchers appears to be perhaps the first conflict between Ukraine and Russia, which, of course, cannot but cause bewilderment.

Keywords: Chronicle, Historiography, Siege of Kiev, Andrey Bogolyubsky, Hypatian Chronicle, Laurentian Chronicle, Cumans.

About the author: **Evgeny Podvalnov**
Master's student at the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University.
E-mail: evgeny.podvalnov@yandex.ru

For citation: Podvalnov E. The Fall of Kiev 1169 in Historiography: between Historical Reality and Constructed "Truth". *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 34–56.

The article was submitted 14.09.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 14.11.2022.

На протяжении вот уже почти трех столетий сюжет взятия и разорения Киева в 1169 г. Мстиславом Андреевичем — сыном Андрея Боголюбского — с завидной регулярностью обозначается реперной точкой, «точкой бифуркаций», водоразделом в истории домонгольской Руси. Падение «матери городов русских» всегда привлекало и привлекает внимание специалистов, любителей и дилетантов. Ведь сам город в домонгольской Руси занимал особое место, позицию «главного» княжения. Тем более что военным путем с последующим разгромом брали его не так часто, как может показаться на первый взгляд[1]. Трактовки и оценки взятия 1169 г. у историков порой оказывались настолько своеобразными и, зачастую, полярными по отношению друг к другу, что их изучение представляет собой отдельную научную проблему. Более того, иногда борьба Мстислава Изяславича и его противников в 1169 г. в интернет-публицистике, хоть и в кавычках, и с иронией, но обозначается «первой украинско-русской войной» (сама фраза использована историком А. В. Ставицким в своем блоге LiveJournal в заметках за 2015 и 2017 г., в научной работе, где исследователь касался этого вопроса, он данный оборот не привлекал)[2]. Впрочем, как это часто бывает, само событие сложнее и многограннее представлений историков о нем. Данная статья с анализом историографии предшествует специальному исследованию исторических источников о киевской эпопее 1169 г.

Основная проблема, которая волновала подавляющее большинство историков, заключается в последствиях разгрома Киева. Именно это определяющий критерий, согласно которому исследователей можно сгруппировать в два «лагеря»: сторонников и противников версии о значимости киевского разорения 1169 г. Сама проблема же должна разбиваться на два, если не три, отдельных вопроса. Первый — потерял ли Киев политическую значимость в связи с тем, что город был разрушен и разграблен, Андрей Боголюбский не сел править в нем, а ставший киевским князем Глеб Юрьевич был лоялен своему брату — суздальскому князю. Второй — перестал ли Киев быть стратегически важным местом (по укрепленности, по развитости, по количеству жителей и, соответственно, ресурсов), желанным княжением и просто самым крупным городом Руси и Восточной Европы. Отдельно можно выделить вопрос о сохранении Киевом прежней — до разграбления святынь — сакральности.

Внимание к изучаемому сюжету историки стали проявлять достаточно рано — в XVIII в. Особый интерес представляют изыскания В. Н. Татищева, не только из-за т. н. «татищевских известий», но и из-за самого подхода к изучению и описанию киевского падения. Его взгляд уже проясняется наличием главы «Разделение государства на два великие княжения»[3]. По сути, В. Н. Татищев и сконструировал миф об упадке Киева через речи вымышленного боярина Громилы[4]. А. П. Толочко так охарактеризовал историю с Громилой: «Речь Громилы интересна еще в одном

[1] *Гайденко П. И.* Сколько раз Киев подвергался разграблению в домонгольский период? // Исторический формат. 2019. № 2. С. 20–27.

[2] *Ставицкий А. В.* Переяславские «мифологемы» Ю. А. Мыцыка и их общая оценка // Мат-лы науч. конф. «Ломоносовские чтения» 2014 года и Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014». Севастополь, 2014. С. 85; *Его же.* Взятие Киева в 1169 году или «первая русско-украинская война» // LiveJournal. URL: https://skeptimist.livejournal.com/1555002.html (дата обращения:10.09.2022); *Его же.* Credo профессора Мыцыка: как историческая наука обслуживает украинскую власть // LiveJournal. URL: https://skeptimist.livejournal.com/799928.html (дата обращения:10.09.2022).

[3] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8-ми томах: Т. 2, 3. История Российская. М., 1994. Ч. 2, Т. 3. С. 44.

[4] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 409–422, прим. 76, 77, 79.

отношении. Хотя ей уделяли мало внимания, это один из самых важных текстов в "Истории", оказавший влияние на всю последующую русскую историографию»[5]. Суть в следующем: боярин Громила, известный только из «татищевских известий», в одной из речей сказал Юрию Долгорукому: «Того ради советую тебе оставить их, самому прилежать дома о устроении земли. И узришь вскоре плоды сих трудов твоих, что у тебя будет более градов и сел, нежели у них. А когда людей будешь иметь довольно, не потребна тебе вся оная Русь, ты будешь всем страшен и от всех почитаем»[6] (т. е. Киев станет «пустым символом»[7]). Юрий Долгорукий прислушался к нему, начав развивать свои земли, прекратив погоню за Киевом[8]. «Персонаж со столь странным именем впервые высказывает мысль, которой через сто лет после "Истории" суждено будет стать едва ли не самой популярной концепцией государственного развития Руси XII века»[9]. Кроме того, именно Громила, как бы предсказывая будущее, посоветовал, если и брать Киев, то поставить править туда Глеба Юрьевича[10]. Описание осады В. Н. Татищевым представляет собой компиляцию летописных текстов, в том числе достаточно поздних, вроде Лицевого летописного свода и Никоновской летописи[11], с дополнениями-вставками (к примеру, о том, что объединенная рать понесла большие потери при осаде и была готова подписать мир, что Мстислав Изяславич не бежал, а организованно отступил и т. д.[12]).

По мнению В. О. Ключевского, «разрыв народности обозначился кровавой полосой, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом: за 12 лет до киевского погрома 1169 г., тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в Киевской земле избивали приведенных им туда суздальцев по городам и по селам». Он же сформулировал сущность идеи утраты Киевом статуса «главного» города на Руси, которая заключалась в том, что «Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда»[13]. Многие исследователи в том или ином виде цитируют данные пассажи.

У Н. И. Костомарова можно прочесть схожие суждения: «Древний Киев потерял свое вековое старейшинство. Некогда город богатый, заслуживавший от посещавших его иностранцев название второго Константинополя, он уже и прежде постоянно утрачивал свой блеск от междоусобий, а теперь был ограблен, сожжен, лишен значительного числа жителей, перебитых или отведенных в неволю, поруган и посрамлен от других русских земель, которые как будто мстили ему за прежнее господство над ними. Андрей посадил в нем своего покорного брата Глеба, с намерением и наперед сажать там такого князя, какого ему будет угодно дать Киеву». Он также обратил внимание на психологическую оценку события, отмечая, что свирепость захватчиков могла быть мотивирована местью за избиение суздальцев в Киеве после смерти Юрия Долгорукого[14].

---

[5] Там же. С. 411.

[6] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Ч. 2, Т. 2. С. 182.

[7] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева. С. 413.

[8] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Ч. 2, Т. 3. С. 44.

[9] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева. С. 411.

[10] *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева. С. 413, прим. 77.

[11] ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 237–238.; Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 2. 1152–1173 гг. М., 2014. С. 444–451.

[12] *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Ч. 2, Т. 3. С. 89–90.

[13] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 321.

[14] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2011. С. 49–50.

Н. М. Карамзин придерживался схожего мнения: взятие и разорение Киева — событие знаковое, ибо «мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них силою», а «победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне». То, что в Киеве сел править не Андрей Боголюбский, а его младший брат, для Н. М. Карамзина означало, что «сей город навсегда утратил право называться столицею отечества[15]. Мало отличался от них по взглядам и С. М. Соловьев, который замечал, что «мы обманываемся совершенно в своих ожиданиях: Андрей не сам привел войска свои к Киеву, не пришел в стольный город отцов и дедов». Он пишет, что никакого перенесения столицы не было и быть не могло, поскольку не было единого государя и государства[16]. Также С. М. Соловьев посчитал, что Киев был взят при всеобщем сопротивлении его жителей и впервые был разорен[17]. Поскольку суздальский князь не сел в Киеве, а отдал его младшему брату, то допустимо произошедшее наречь «событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинался на Руси новый порядок вещей»[18]. М. П. Погодин считал, что в итоге Киев попал под влияние Андрея Боголюбского и последующих владимирских князей[19]. Оригинальной была позиция у Н. А. Маркевича, писавшего, что «Киев удерживал за собой имя Руси даже и тогда, когда престол великокняжеский был перенесен уже из него, разоренного и разграбленного Андреем Боголюбским, во Владимире», но при этом выявившего некий злой рок за Киевом, который после погрома 1169 г. «быстрыми шагами подвигался к падению»[20].

Несмотря на то, что идея о полном упадке Киева в XIX в. стала походить на «мейнстрим», не все исследователи придерживались ее строго. Так, К. Д. Кавелин, не преуменьшая и не преувеличивая значимость разорения Киева 1169 г., сконцентрировался на вопросе, почему Андрей Боголюбский лично не занял «матерь городов русских»: «Он (Андрей Боголюбский — прим. Е. П.) вырос и воспитан далеко от Киева… И в самом деле в его глазах, не отуманенных историческими предрассудками, что было киевское великокняжеское достоинство? — пустой титул, не дававший никакой власти»[21]. Д. Я. Самоквасов указывал на сохранение «великокняжеского достоинства» Андрея Боголюбского, поскольку он не сел в разоренный Киев, а остался во Владимире. Читаются у него и более трафаретные формулировки в оценке: «С этого времени Киев теряет значение главного политического центра в русской земле, переходит в разряд второстепенных столов. Значение великого, первостепенного княжества в русской земле получает Суздальская земля»[22].

Несколько выделяется также мнение А. Е. Преснякова, который считал вторую половину XII в. «критическим моментом в истории Руси». Осада Киева 1169 г. проходила «согласно обычной исторической схеме», перенесения великокняжеского престола из Киева во Владимир не было, но «старейшинство осталось и при Андрее связанным с Киевом и “Русской” землей», хотя «отношения между ними изменились, прежде кто занимал стол киевский, тот приобретал и связанное с ним старейшинство; теперь

[15] *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 12-ти томах. М., 1991. Т. 2. С. 192.

[16] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб., 1851–1879. Кн. 1, Т. 2. Стб. 489–490.

[17] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1959. С. 516–517.

[18] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. Кн. 1, Т. 2. Стб. 490.

[19] *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. Кн. 1. М., 1846. С. 129–130.

[20] *Маркевич Н. А.* История Малороссии. Т. 1. М., 1842. С. 6.

[21] *Кавелин К.* Государство и община. М., 2013. С. 93.

[22] *Самоквасов Я. Д.* Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение московского государства. Варшава, 1886. С. 52.

Андрей, как потом и брат его Всеволод, заставив признать за собой старейшинство, считает своим правом распоряжаться столом киевским и волостями в пределах киевской земли»[23]. Очень метким и удачным кажется его наблюдение, что «Киевщина оказалась не в состоянии сыграть роль территориальной базы и материальной основы для объединения русских земель в одной и более прочной государственной организации. Ей не суждено было сыграть роль Московского княжества Даниловичей или Иль-де-Франса Капетингов»[24].

Но если А. Е. Пресняков еще придерживался относительно «традиционного» взгляда, то позиция В. И. Сергеевича выбивается из общего ряда. По его мнению, кампания 1169 г. едва ли выделяется в ряду других, а особый акцент он сделал на деятельности киевского князя. В. И. Сергеевич также обратил внимание на то, что Мстислав Изяславич был в достаточно популярен у жителей правого берега Днепра[25]. Не придал большего значения падению Киева и М. Д. Хмыров, посвятивший небольшой очерк биографии Андрея Боголюбского, ограничившись лишь комментарием, что суздальское влияние распространилось на Южную Русь[26].

Особую интерпретацию с оттенком моральной оценки киевскому разгрому дал А. С. Клеванов. Он посчитал, что люди учинили большое зло при взятии Киева 1169 г. и после него[27]. Н. И. Хлебников расценил взятие и разорение, как месть за истребление суздальцев киевлянами после смерти Юрия Долгорукого, причем это указывается в качестве единственной причины и на этом исследователь делает особый акцент. Им объясняются причины ограбления христианских святынь: захваченным суздальцы хотели украсить свои храмы, лишив «гордости первопрестольного Киева»[28]. Военный историк А. К. Баиов, следуя, очевидно, О. В. Ключевскому, считал Андрея Боголюбского представителем «истинного типа великороссов», а итоги взятия Киева 1169 г. оценивал традиционно — суздальский князь придал «княжескому старшинству значение и авторитет верховной власти»[29]. Д. И. Иловайский, с одной стороны, придерживался общего мнения, что «когда Владимир был предпочтен Киеву, ясно обозначился поворот в исторической жизни русского народа: ее средоточие с юга переходило на северо-восток», в то же время отмечал, что «современники, по-видимому, не сознавали такого поворота и не оценили вполне этого пренебрежения к древней столице со стороны Суздальского князя»[30].

В. Г. Ляскоронский считал, что «гордый и надменный» Андрей Боголюбский стал считать себя главой Южной Руси и великим князем[31]. У Е. Ф. Шмурло есть отдельная глава «Упадок Юго-Западной Руси. Утрата Киевом своего значения», где он представил

---

[23] *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 107–108.

[24] Цит. по: *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 156.

[25] *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 200–201.

[26] *Хмыров М. Д.* Андрей Юрьевич Боголюбский. Очерк из русской истории XII века. СПб., 1863. С. 32–33.

[27] *Клеванов А. С.* История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849. С. 101–102.

[28] *Хлебников Н. И.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 391.

[29] *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. 1. От начала Руси до Петра Первого. СПб., 1909. С. 23–24.

[30] *Иловайский Д. И.* Становление Руси. М., 2003. С. 127–128. Созвучен с ним и С. Ф. Платонов: *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Вып. 1. СПб., 1899. С. 68.

[31] *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли с древнейших времён до половины XIII столетия. Киев, 1897. С. 405–406.

следующую логическую цепочку: Киеву не хватало политической устойчивости (притом, что она «является одним из условий всякого сильного государства»); это осознал Андрей Боголюбский, который захватил Киев, но не сел править в нем, «оставив себе титул великого князя». В результате «Киев перестал быть столицей Русской земли», «с 1169 г. мы вступаем в новый период русской истории»[32].

А. А. Шахматов считал, что взятие и разорение Киева 1169 г. Андреем Боголюбским привело к его политическому упадку и было прямым следствием его падения, как древнерусского племенного центра, и в этом плане Киев уступал не только Владимиру, но даже и Рязани[33]. М. Д. Приселков, придерживавшийся традиционной точки зрения, писал, что «политическое значение Киева с этого момента окончательно падает», много внимания уделял церковному вопросу. По его мнению, заполучив верховную власть, суздальский князь стал решать церковные проблемы: освободил игумена Киево-Печерской лавры Поликарпа, возвел Печеры в степень Лавры, а Поликарпа — в сан архимандрита[34].

Вспоминая крылатое выражение «война все спишет», можно сказать, что оно применимо и к рассматриваемому историографическому сюжету. Так, точно неизвестно, когда киевское вече стало терять свое значение. Разумно предположить, считал И. Линниченко, что именно погром Киева суздальским войском привел к потере значимости (по крайней мере, политической) киевского веча[35]. Позднее сходную точку зрения отстаивали И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко[36]. Представитель харбинской историко-правовой школы Н. Е. Эсперов считал, что по причине «обеднения населения» после разгромов 1169 и особенно 1203 гг. вече потеряло свое былое значение[37]. Любопытно, что Н. И. Костомаров, напротив, считал, что именно в XII в. на Руси усиливалось «народовластие» (приводя примеры как раз из второй половины столетия, впрочем, едва ли связанные с Киевом)[38]. Приемом «списания» воспользовался также Г. В. Вернадский: «Неизвестно, как долго просуществовала Академия Ярослава, но вряд ли она смогла пережить разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г.»[39].

В советский и современный периоды представления о значении событий 1169 г. не ушли, хотя лагерь «ревизионистов» стал пополняться именитыми историками. В их числе — Б. А. Рыбаков, согласно концепции которого, идея об упадке Киева родилась благодаря «высокомерному тону владимирских летописцев», отмечая, что «Киев продолжал жить полнокровной жизнью столицы богатого княжества и после 1169 г.»[40].

---

[32] *Шмурло Е. Ф.* История России 862–1917. Н. Новгород, 2016. С. 62–63. В этом с ним был солидарен П. Н. Мрочек-Дроздовский (*Мрочек-Дроздовский П. Н.* История русского государственного права до конца XVII столетия. М., 1892. С. 15).

[33] *Шахматов А. А.* К вопросу образования русских наречий и русских народностей. СПб., 1899. С. 35–36; *Его же.* Введение в курс истории русского языка. Ч. I. Исторический процесс образования русских племен и русских наречий. Пг., 1916. С. 145. Эти положения В. Т. Пашуто назвал «беспомощными», лишенными «какой-либо связной исторической схемы» (*Пашуто В. Т.* А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 55).

[34] *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 220–221.

[35] *Линниченко И.* Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 51–53.

[36] *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 77.

[37] *Эсперов Н. Е.* Социально-политический строй Ростово-Суздальской земли со второй половины XII века до нашествия татар // Известия Юридического факультета. Харбин, 1931. Т. 9. С. 27.

[38] *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале в Древней Руси. СПб., 1861. С. 27.

[39] *Вернандский Г. В.* Золотой век Киевской Руси. М., 2012. С. 303.

[40] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М., 2013. С. 383–384; *Его же.* Первые века русской истории. М., 1964. С. 190–191.

Историк имел ввиду, что материального упадка, сравнимого с итогами монгольского нашествия, не было[41]. Однако Б. А. Рыбаков подчеркивал, что и политическое лидерство за ним сохранилось[42]. С его позицией согласен и П. П. Толочко[43], хотя он и признавал, что «впервые за многовековую историю "мать городам русским" подверглась столь сильному разгрому со стороны русских князей»[44]. Сходное мнение отмечается и у Т. Р. Галимова[45].

Вообще П. П. Толочко одним из первых обрисовал историографию сюжета, выделив несколько групп: дореволюционную, когда главенствовала мысль, что после разорения Киева 1169 г. «древняя столица Руси потеряла не только политическое, но и экономическое значение»; советскую, сведенную к мнению Б. А. Рыбакова (хотя он не был выразителем мнения основной массы историков того времени); и, наконец, «историков буржуазно-националистического толка» (которых в современности проще назвать националистического толка), в глазах которых взятие Киева 1169 г. было проявлением антагонизма между русскими (великороссами) и украинцами (малороссами)[46].

Более определенной позиции по этому поводу придерживается А. П. Толочко: «Как раз у них (летописцев-современников — прим. Е. П.) о разделении Руси на два великих княжения мы не найдем ни слова, ни даже намека. Никак не комментируют они и отказ Андрея перейти в Киев»[47]. Опираясь на данные материальной культуры и археологии, А. В. Куза утверждал, что культурно-экономическое развитие Киева продолжалось во второй половине XII в., несмотря на утрату городом политического первенства[48].

Среди «ревизионистов» выделяется мнение А. А. Горского. Он четче остальных сформулировал положения этого выделяемого нами лагеря исследователей[49]. Во-первых, в истории Киева переломным стал не 1169, а 1240 г., поскольку в 1169 г. он сохранил статус «старейшего» города[50]. Окончательное же перенесение центра из Киева на север произошло, по его мнению, еще позднее и связано с деятельностью Александра Невского[51]. Во-вторых, после смерти Ростислава Мстиславича именно Андрей Боголюбский должен был править в Киеве — по праву старшего, а то, что он не занял престол после взятия города, порождало «ситуацию, при которой в перспективе статус общерусской столицы мог перейти от Киева к Владимиру», но «такое положение продержалось крайне недолго» и исчезло по смерти Глеба Юрьевича[52]. В-третьих, он считает, что с каждым новым суздальским князем влияние на южнорусские дела уменьшалось: «Юрий Долгорукий сам претендует на Киев»; «Андрей Боголюбский стремится уже только к тому, чтобы в Киеве сидел его ставленник»; «Всеволод

[41] В наши дни этой точки зрения придерживаются В. и Д. Вортманы: *Вортман В., Вортман Д.* Взятие Киева монголами // Воин. 2004. № 16. С. 25–27.

[42] *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 141.

[43] *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля XII–XIII вв. Киев, 1980. С. 178.

[44] *Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 138–141.

[45] *Галимов Т. Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII — первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). С. 105.

[46] *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля XII–XIII вв. С. 177–178; *Его же.* Древняя Русь. С. 139.

[47] *Толочко А. П.* «История Российская Василия Татищева». С. 415.

[48] *Куза А. В.* Важнейшие города Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 67.

[49] *Горский А. А.* Русское Средневековье. М., 2010. С. 97, прим.

[50] *Горский А. А.* Русское Средневековье. С. 52–53, 97; *Его же.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 150.

[51] *Горский А. А.* Русское Средневековье. С. 98.

[52] Там же. С. 93.

Большое Гнездо влияет на южнорусские дела только путем политического давления»; сыновья Всеволода Юрьевича «не располагают уже (до 30-х гг. XIII в.) и средствами политического давления»[53].

Неоднозначные оценки у И. Н. Данилевского: в одной из ранних работ он писал об упадке Киева[54], повторив свои слова в совместной с Т. Г. Таировой-Яковлевой, А. В. Шубиным и В. И. Мироненко книге «История Украины»[55]. В более поздней, написанной с В. Ю. Аристовым статье отмечается обратное — возможно, под влиянием соавтора[56]. И. Н. Данилевский и В. Ю. Аристов выдвинули аргумент в пользу того, что большого разгрома не было: якобы на это указывает отсутствие необходимого археологического материала[57]. Для разъяснения этого момента мы обратились за консультацией к археологу Т. О. Галкину, который высказал предположение, что культурный слой погрома 1169 г. (вероятно, и 1203 г.) мог перемешаться с материалом монгольского разорения. В печати схожую идею высказала Л. В. Строкова, посчитавшая, что сокрытие древнерусского клада из села Новые Безрадичи Киевской области было связано с осадой или 1169 г., или 1240 г.[58]Так что приведенный В. Ю. Аристовым и И. Н. Данилевским аргумент с апелляцией к археологии — дискуссионный.

Неоднократно к изучаемому сюжету обращался П. И. Гайденко. Он соглашается с И. Н. Данилевским и В. Ю. Аристовым в том, что взятие Киева не было проявлением «этнических» разногласий между Южной и Северной Русью, но все же считает, что Киев «низводился до уровня одного из условных символов старейшинства»[59]. Вместо «этнической» причины П. И. Гайденко выделяет у современников религиозный мотив: «В понимании книжников-летописцев именно “митрополичья неправда” (Константина II — Е. П.) призвала Божественное наказание на киевлян, испытавших на себе ужас разграбления»[60]. С этой идеей согласна П. И. Федотова. Она, ссылаясь на А. В. Назаренко, посчитала, что со взятием Киева была исчерпана политика Андрея Боголюбского по созданию отдельной владимирской митрополии, поскольку в ней уже не было необходимости, раз Андрея Боголюбский контролировал «матерь городов русских»[61]. П. И. Гайденко поддержал мысль А. Б. Перхавко и Ю. В. Сухарева, что киевляне не поддержали Мстислава Изяславича[62]. Также он считает верным и наблюдение А. А. Горского, что полного уничижения Киева не произошло и значимую роль «матерь городов русских» играла практически до монгольского нашествия[63].

---

[53] *Горский А. А.* Русь. С. 152.

[54] *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 285–286.

[55] *Данилевский И. Н., Таирова-Яковлева Т. Г., Шубин А. В., Мироненко В. И.* История Украины. СПб., 2019. С. 90–92.

[56] *Аристов В. Ю., Данилевский И. Н.* Андрей Боголюбский «Первый великоросс» // Русско-украинский исторический разговорник. Опыт общей истории. М., 2017. С 31–49.

[57] Там же.

[58] *Строкова Л. В.* Древнерусский клад из с. Новые Безрадичи Киевской области // «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая…». Сб. ст. памяти С. Рябцевой. Кишинев, 2020. С. 225.

[59] *Гайденко П. И.* Сколько раз Киев подвергался разграблению в домонгольский период? С. 25–27.

[60] *Гайденко П. И.* «Митрополичья неправда» двух Константинов: можно ли ожидать справедливости от церковных судов на Руси? // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 150.

[61] *Федотова П. И.* Андрей Боголюбский и Андрей Первозванный: «русский путь» апостола Андрея // Sciences of Europe. 2020. № 49. С. 39.

[62] *Перхавко А. Б., Сухарев Ю. В.* Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006. С. 162, 172.

[63] *Гайденко П. И.* Кирилл Туровский и его время: наблюдения и замечания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 1 (17). С. 96.

«Срединную» позицию можно встретить у А. Н. Злобина, отмечавшего, что «вскоре Киев вышел из повиновения Андрея и вплоть до Батыева нашествия вернул себе статус "золотого" стола всей "Русской земли"»[64]. Альтернативную реконструкцию событий создала М. А. Яшина, отметив, что взятие и разорение Киева «оскорбленным» Андреем Боголюбским (сказано, что он буквально был во главе войска), произошло в отместку за казнь епископа Феодора. Хотя, по ее мнению, после этого погрома Киев не утратил своего значения, это произошло только после монгольского нашествия[65].

В целом, свои позиции сохраняют апологеты версии упадка Киева после разорения 1169 г. В послевоенные годы с этой позицией выступал Н. Н. Воронин, у которого эта мысль встречается неоднократно. В работе 1945 г. он достаточно уклончиво писал: «Богатство и древний ореол славы Киева влекли к нему русских князей, сделавших его яблоком кровавого раздора и усобиц. В 1169 году Киев был взят и разгромлен армией Владимирского князя Андрея Боголюбского. Это был удар, от которого Киев с трудом оправлялся, но его слава померкла»[66]. То есть все же Киев восстановился как город, только потерял свой прежний статус. Позднее, в книге об Андрее Боголюбском, историк достаточно много внимания уделяет проблеме, утверждая, например, что статус столицы перешел Владимиру. «Это отлично понимали и ощущали на своем опыте люди и князья XII в., но в силу традиций, выгодных для их самолюбия и политических намерений, этот факт упорно замалчивался и прикрывался старой терминологией»[67]. Получается, летописцы, даже суздальский, специально скрывали потерю Киевом своего статуса.

С идеей переноса центра власти и силы во Владимир были согласны и Б. Д. Греков с М. И. Артамоновым[68]. В самом Андрее Боголюбском Б. Д. Греков видел прообраз будущих московских князей, а основной чертой суздальского князя считал силу, с которой остальным приходилось считаться. Среди последствий разгромов 1169, 1203, 1240 гг. он особенно выделяет оскудение письменного фонда вследствие его фактического уничтожения[69]. В другой работе Б. Д. Греков солидаризовался с мнением С. М. Соловьева: падение Киева стало «поворотным» моментом[70].

В первом томе «Истории Украины» К. Г. Гуслистый очень осторожно подошел к рассмотрению проблемы, констатировав, что, согласно летописным данным, Киев был разорен, но не стал делать из этого далеко идущих выводов[71]. По мнению М. Н. Тихомирова Киев стал терять свое значение в конце XII в. — непоправимый ущерб нанес погром 1203 г., а разорение 1169 г. и, главным образом, посажение на трон Глеба Юрьевича повлекло за собой «решительные изменения в отношениях между князьями и киевлянами», выразившиеся в том, что мнение самих горожан по сути перестало иметь вес[72]. В. В. Мавродин повторил «мейнстрим» дореволюционной историографии: «В 1169 г. дружины Андрея разграбили Киев, но Андрей не поехал в Киев, а остался у себя на севере. Этим он как бы подчеркнул падение значения Киева как политического центра»[73].

---

[64] *Злобин А. Н.* Преемственность политической и культурной традиций в русском мире XII–XIV вв. // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 3. С. 56.

[65] *Яшина М. А.* Взаимоотношения Андрея Боголюбского и православных иерархов // Основные проблемы общественных наук. 2016. Вып. III. С. 13.

[66] *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. Л., 1945. С. 20.

[67] *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. С. 151–156.

[68] *Греков Б. Д., Артамонов М. И.* История культуры Древней Руси. Т. 1. М.; Л., 1951. С. 32.

[69] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 513.

[70] *Греков Б. Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1937. С. 190.

[71] История Украины. Т. 1 / ред. А. К. Касименко. Киев, 1950. С. 63.

[72] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 199–200.

[73] *Мавродин В. В.* Древняя и Средневековая Русь. СПб., 2009. С. 488.

Оригинально о киевском падении писал Ю. А. Лимонов. Его повествование контрастно: сначала он утверждал, что Андрей Боголюбский «стал обладателем исторической столицы всего Древнерусского государства», а потом заявил: «Андрей — первый князь за все время существования Русского государства, отказавшийся от киевского стола. Он первый определил соотношение между реальными и историческими политическими ценностями». Что касается Киева после разорения, то, по А. Ю. Лимонову, он «превратился в обыкновенный, совершенно заурядный объект вассального держания»[74]. С. В. Юшков тоже считал, что Киев перестал выделяться на фоне остальных городов и княжений в связи с гибелью «Киевского государства»[75].

Современная историография событий 1169 года весьма богата и разнообразна.

Ю. В. Селезнев и А. Н. Ужанков компилируют воззрения дореволюционных исследователей и тоже воспроизводят идею о низложении Киева, как «главного» города на Руси[76], за что впоследствии суздальцам могли в Киеве мстить[77]. Близкие к Ю. В. Селезневу и такие же компилятивные оценки у С. Э. Цветкова, А. Ю. Карпова и А. М. Кондрескул[78]. С. Г. Мозговой определил весьма странные итоги разорения: «Захват в 1169 г. Киева… с посажением на киевский стол Глеба Юрьевича, привел к возникновению непрочного и недолговечного режима зависимости Юга — Русской земли от Северо-Запада — Белой Руси»[79]. Наверно, все же имелась в виду Северо-Восточная Русь или, возможно, смоленские Ростиславичи. О рубежности событий 1169 года писал и А. П. Пятнов[80].

Особый интерес представляют взгляды Л. В. Мининковой. Она считает, что имел место «глубокий кризис Киева как исторически сложившегося общерусского политического центра», выражением которого стало разорение Киева суздальцами, произошедшее в рамках «концентрации политического могущества в руках одного князя» — Андрея Боголюбского. «Это заставляло князей, а также боярство и городскую общину Киева искать способы поддержания политического равновесия», — полагает Л. В. Мининкова[81]. В другой работе она акцентировала внимание на участии в походе

[74] *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 72–73.

[75] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 143.

[76] *Селезнев Ю. В.* Княжеские усобицы в Древней Руси 1132–1169. М., 2018. С. 358; *Ужанков А. Н.* Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. С. 67; *Его же.* Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Вестник славянских культур. 2003. № 8. С. 80; *Его же.* Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 154.

[77] *Конявская Е. Л.* Летописные «ростовцы», «суздальцы» и «владимирцы» во время Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 39.

[78] *Цветков С. Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. От Ярославичей до Всеволода Большое Гнездо. М., 2013. С. 387; *Карпов А. Ю.* Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 243–244.; *Кондрескул А. М.* Северная Русь в Удельный период // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 18.

[79] *Мозговой С. Г.* Территориальная структура русских земель в 70-е гг. XII в. // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2010. № 3. С. 238.

[80] *Пятнов А. П.* Киев и Киевская земля в 1167–1169 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 14–23; *Его же.* Киев и Киевская земля в 1169–1173 гг. (Андрей Боголюбский и Киевская земля: вопросы политического взаимодействия) // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 7 (155). С. 250–259.

[81] *Мининкова Л. В.* Дуумвират на Руси в последней четверти XII века: коалиционное правление князей как традиция политической жизни Киевской Руси // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 5. С. 62.

воеводы Бориса Жидиславича, по мнению исследователя, представителя боярского рода Жирославичей[82]. Можно сказать, что идеи, подобные высказанным Л. В. Мининковой, доминируют в ростовской школе источниковедения и истории Древней Руси, поскольку такого же мнения придерживаются и А. В. Кореневский с Н. Д. Николаевой[83]. Еще одним, помимо тезиса о потере политической значимости, неочевидным итогом киевского разгрома Н. Д. Николаева считает переход «центра русско-польского взаимодействия... в Галичину и на Волынь»[84]. Подобная мысль читается и у русско-сербского историка А. К. Елачича: вместе с потерей «матерью городов русских» первостепенного значения увеличилось влияние соседней галицко-волынской земли[85].

А. А. Медведев считает случившееся разорение «логичным развитием того, как развивалась государственная структура восточнославянских земель», поскольку по условиям Любечского съезда 1097 г. княжения были наследуемыми, а значит «при таком подходе о главенстве Киева над прочими старшими городами земель не могло быть и речи, так как носителем высшей государственной власти выступал единый княжеский род»[86]. М. В. Талашов создал очень необычную концепцию, согласно которой даже не само разорение Киева в 1169 г. привело «столицу» к упадку, а отсутствие степной угрозы, которая бы консолидировала князей во второй половине XII в. для борьбы с ней, т. е. с общим врагом[87].

И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко также обращали внимание на упадок Киева во второй половине XII — начале XIII вв., добавляя, что этот процесс проходил «отчасти незаметно для современного наблюдателя». Впрочем, в их нетривиальной концепции развития древнерусских политий необычна и оценка киевского погрома, заключающаяся в том, что «антикиевская борьба вызревших и развившихся волостей Руси, борьба князей за киевский стол сделали свое дело: истощили силы Киева. Стольный город становится добычей соседних городов-государств», поскольку «разграбление Киева — отражение... процесса формирования самостоятельных городов-государств, кристаллизации местной волостной жизни»[88]. Взгляды И. Я. Фроянова и в других работах выделяются своей неординарностью. Тот факт, что были посрамлены христианские святыни, по И. Я. Фроянову, означает лишь «обычай разорения в межволостных войнах храмов и монастырей противника»[89], то есть это было обычным делом. Другой вариант этой концепции предложила И. Б. Михайлова. Поскольку в кампании против Мстислава Изяславича участвовали князья с уделами возле самого Киева, то и эти уделы выступили против «столицы». Хотя в этом есть рациональное зерно, с его абсолютизацией все же сложно согласиться в полной мере: «Значит, события 1169 г. следует рассматривать не как княжескую междоусобицу, а как конфликт между Киевом и его пригородами, одним из которых был Вышгород»[90]. В. Я. Петрухин

[82] *Мининкова Л. В.* Боярский род Жирославичей на великокняжеской службе (XII — первая половина XIII вв.) // Человек второго плана в истории. 2004. Вып. 1. С. 46–47.

[83] *Кореневский А. В., Николаева Н. Д.* Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «переяславского кризиса» до гибели Романа Галицкого // Научный диалог. 2020. № 11. С. 414.

[84] *Николаева Н. Д.* Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы: дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2022. С. 65–66.

[85] *Јелачић А. К.* Историја Русије. Београд, 1929. С. 10, 13.

[86] *Медведев А. А.* Отношения князей Рюрикова рода как отражение государственной эволюции домонгольской Руси // Социум: проблемы, анализ, интерпретации Сб. науч. трудов. М., 2006. С. 316, 320.

[87] *Талашов М. В.* Динамика русско-половецких отношений во второй половине XI–XII в. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. Т. 1. С. 10.

[88] *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 76–77.

[89] *Фроянов И. Я.* Загадка крещения Руси. М., 2007. С. 176.

[90] *Михайлова И. Б.* Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010. С. 103–104.

отметил, что после успеха суздальского князя только реальное могущество, а не обладание Киевом, давало власть над Русью[91].

Необычный взгляд у К. А. Аверьянова, поскольку он выделяет экономические причины переноса столичного статуса из Киева во Владимир, обосновывая свою позицию тем, что анализ этих факторов «позволяет понять мотивы Андрея Боголюбского, отказавшегося от старейшего киевского стола». Он ставит под сомнение мнение, что разорение и посажение Глеба Юрьевича сыграло большую роль, и сводит свои аргументы к экономическому росту, к миграции населения в т. н. «суздальское ополье»[92]. Эта позиция любопытна, но и спорна, поскольку доказать наличие заметного экономического или демографического разрыва между Киевской и Владимирской землями во второй половине XII в. очень затруднительно. Напротив — имеющиеся данные позволяют говорить, что даже в «тучные» времена для Владимира «матерь городов русских» с округой все равно по этим параметрам его превосходила. А. А. Горский приводит следующие цифры по количеству укрепленных поселений: в середине XII — середины XIII вв. в Суздальской земле — 73, в Киевской земле — 115. Домен Андрея Боголюбского помимо прочего уступал еще нескольким княжествам[93]. Сравнение площадей крупнейших городов княжения Андрея Боголюбского говорит о том, что они были меньше Киева, более близки по размерам к Новгороду или Смоленску[94]. Это подтверждают и другие подсчеты[95].

Много внимания падению Киева и его итогам уделил в цикле статей И. Ж. Рындин. В ранней, 2009 г., работе он посчитал, что киевляне поддержали Мстислава Изяславича и сражались на его стороне при осаде города, а также признавал событие символичным, ибо произошло, как разделение «Южной и Северной Руси», так отделение «княжеского старшинства от киевского княжения», хотя Ростиславичи после потери Андреем Боголюбским контроля над Киевом «осуществили контрреформу межкняжеских отношений,... вернув первенство Киеву»[96]. В двух исследованиях 2018 года он последовательно развивает эти тезисы. Уже четко прослеживается идея, что «верховная власть», закрепляемая за каким-то княжением, — явление недолговечное: она перемещается между Киевом и Владимиром. Вместе с тем автор ставит под сомнение перенос столицы, признавая все же, что Андрей Боголюбский, вернувшись из киевского похода, сделал Владимир новой «столицей»[97]. Финалом развития вышесказанных идей является статья 2021 года, в которой автор низводит Киев в иерархии княжений не просто до уровня второстепенного удела, а даже до третьестепенного[98].

Отдельное внимание стоит уделить статье А. В. Ковалева и его интерпретации, по которой Киев действительно был унижен посажением Глеба Юрьевича на престол,

[91] *Петрухин В. Я.* Древняя Русь IX в. — 1263 г. М., 2005. С. 149.

[92] *Аверьянов К. А.* Андрей Боголюбский и Владимирская земля // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: социальные и гуманитарные науки. 2019. № 3 (23). С. 5–12.

[93] *Горский А. А.* Русь. С. 149.

[94] *Макаров Н. А.* Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI — первой половине XIII в.: размеры городских территорий // Российская археология. 2017. № 4. С. 64.

[95] *Лугаўцова С. Л., Кахновіч В. А., Цемушаў С. М.* Гісторыя Украіны ад старажытных часоўда пачатку XX ст. Мінск, 2019. С. 24.

[96] *Рындин И. Ж.* Падение киевского старейшинства после смерти Ростислава Мстиславича и политический «переворот» Андрея Боголюбского 1169 г. // Российский научный журнал. 2009. № 2 (9). С. 8–9, 13.

[97] *Рындин И. Ж.* Проблема верховной власти на Руси в 1169–1252 гг. // Российский научный журнал. 2018. № 3 (60). С. 6; *Его же.* Наследование верховной власти у Рюриковичей в период действия «лествичного права» // Российский научный журнал. 2018. № 4 (61). С. 10.

[98] *Рындин И. Ж.* Влияние родового старшинства у русских князей на наследование власти // Российский научный журнал. 2021. Т. 64. С. 10.

а главное — как считает автор, город в глазах современников лишился своего сакрального статуса[99]. Последний тезис также высказывала и Е. В. Русина[100]. Такого рода рассуждения вполне приводят к оговорке вроде той, которую высказал Р. В. Аристов об итогах деятельности Андрея Боголюбского, что «на юге ему не могли простить погрома Киева»[101]. В книге М. Б. Елисеева «Войны суздальской Руси» в качестве гипотезы была высказана идея, что войска Андрея Боголюбского, Ольговичей и Ростиславичей собрались вместе в Вышгороде, а сам поход стал «водоразделом в русской истории», поскольку «Киев навсегда утратил значение первого города на Русской земле»[102].

Последней работой, посвященной изучению разорения Киева 1169 г., являются тезисы А. С. Ищенко. Он считает, что произошедшее, если не брать в расчет историографические штампы, представляло собой довольно заурядную междоусобицу[103].

Белорусская историография практически не касалась изучения падения «матери городов русских» в 1169 г. Только «отец» белорусской историографии М. В. Довнар-Запольский обратил внимание на итоги разорения, отметив, что после «взятия Киева, обстоятельства на Руси изменились. Великим князем сделался Андрей Боголюбский... Он начал распоряжаться князьями на Руси с небывалой гордостью. Восставать было некому»[104].

Стоит сказать отдельно об украинских и американских исследованиях. В ряде случаев в них читаются очень субъективные и противоречивые оценки киевского падения. В первую очередь это касается «отца» украинской исторической науки: М. С. Грушевский считал, что Андрей Боголюбский отправил сына в поход «на Україну», что Киев был разорен с одной-единственной целью — чтобы унизить[105], «умышленно» подорвать его значение[106]. В свою очередь или суздальского князя, или всех завоевателей он называл «тяжким ворогом», а многих князей из объединенного войска — «украинскими», подразумевая при этом их предательство Украины[107]. По его словам, кампания 1169 г. — это один из первых конфликтов «формировавшейся народности украинской» с «ее младшей сестрой, народностью великорусской»[108]. «Украинские» ярлыки М. С. Грушевского расходятся с воззрениями его учителя В. Б. Антоновича, который вполне традиционно писал, что в 1169 г. Киев взяли «русские князья, ожесточенные междоусобной борьбой», причем после 1169 г. и после 1203 г. Киев не восстанавливался, а все больше приходил в упадок[109]. При этом М. С. Грушевский не преувеличивал значимость

[99] *Ковалев А. В.* Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании // Studia historica europae orientalis. 2010. Вып. 2. С. 37–38.

[100] *Русина Е. В.* Киев средневековья: город и миф // Studia historica Europae Orientalis. 2019. № 12. С. 70.

[101] *Аристов Р. В.* Воинский идеал в Древней Руси (этико-философский анализ): дисс. ... канд. ист. наук. Тула, 2004. С. 56.

[102] *Елисеев М. Б.* Войны суздальской Руси. М., 2015. С. 116, 122.

[103] *Ищенко А. С.* Взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 году: мифы и реалии // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: 23-и всеросс. науч. чтения, науч.-теор. конф., 21–22 апреля 2022 г., Новочерк. инж.-мелиор. ин-т «Донской ГАУ». Новочеркасск; Лик, 2022. С. 25–28.

[104] *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 135.

[105] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 кн. Киев, 1992. Т. 2. С. 196–197.

[106] *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. Киев, 1990. С. 62; *Его же.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 223–225.

[107] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 196–197.

[108] *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. С. 62, прим.

[109] *Антонович В. Б.* Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. Киев, 1995. С. 596–598.

последствий киевского погрома 1169 г.: «… нахожу, что мы не имеем твердых, положительных оснований для того, чтобы предполагать поголовное избиение и совершенное разорение, запустение Киева. В ряду других разорений, более или менее опустошительных, постигших Киев, как разорения 1169, 1202, 1416, 1482 гг., и погром 1240 г. повредил благосостоянию, торговле города, уменьшив население». По его мнению, летописные обороты гиперболизируют произошедшее, ибо «какого-нибудь действительного запустения Киева на деле не произошло ни в 1169 г., ни в 1202 г.»[110].

Если соединить мнение В. О. Ключевского, что «в лице князя Андрея великоросс впервые выступал на историческую сцену»[111], с тем, что (по М. С. Грушевскому) Киев уже в середине XII в. был украинским, можно было бы говорить о первой «великоросско»-украинской войне[112]. В наши дни украинская общественность и ряд историков считают Владимира Мономаха только «своим»[113], но при этом уже его внук — Андрей Боголюбский — «своим» не признается.

Иногда курьезы преподносит и американо-украинская историография. Например, О. И. Прицак и Дж. Решетар посчитали, что причина разорения Киева кроется в том, что Андрей Боголюбский жаждал его разрушить «варварскими средствами» потому, что был наполовину половцем: «Половецкая ненависть к Киеву и его культурной ценности побудила Андрея Китая (мать Андрея Боголюбского была половчанкой, и в дополнение к его христианскому имени Андрей у него было половецкое имя Китай) разграбить и разорить Киев в 1169 году, используя эти варварские средства для того, чтобы этот древний центр потерял свою привлекательность»[114].

Меткое объяснение таких резких, нарочито субъективных, трактовок дано еще В. А. Волконским в 1920 г.: «В руках украинофильской пропаганды взятие Киева князем Андреем Суздальским (1169 г.) есть важный козырь, долженствующий в глазах иностранцев свидетельствовать о том, что позднейшее главенство севера (Москвы и Петрограда) было владычеством иноземным. Малосведущее в русской истории и жизни иностранное общественное мнение готово принять подобное утверждение на веру»[115]. Именно по этой причине полагаем, что ни М. С. Грушевский, ни О. И. Прицак и Дж. Решетар старались лишний раз не цитировать летописи и не давать ссылок на них в отрывках, непосредственно посвященных изучаемому событию. М. С. Грушевский включил в свой самый известный труд «История Украины-Руси» только тот фрагмент Ипатьевской летописи, в котором говорится о степени тяжести разорения Киева[116]. В. В. Долгов, обращая внимание на сложившуюся ситуацию, сетовал, что такой взгляд укоренился даже в академической среде, когда был дан «зеленый свет» для проведения конференции «Украинско-российские отношения периода Средневековья», приуроченной к 850-летию годовщины взятия

[110] *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. С. 430, 432.

[111] *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. С. 325.

[112] Это озвучено А. В. Ставицким: *Ставицкий А. В.* Переяславские «мифологемы» Ю. А. Мыцыка и их общая оценка. С. 85.

[113] Как подмечает А. С. Ищенко, книга В. М. Рычки о Владимире Мономахе вышла в серии «Знаменитые украинцы»: *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в новейшей украинской историографии. Размышления над книгой: Ричка В. Володимир Мономах. Харків: Фоліо, 2019. 120 с.: іл. (Знамениті українці) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 1 (13). С. 129–141.

[114] Pritsak O., Reshetar J. The Ukraine and the Dialectics of Nation-Building. *Slavic Review*, 1963, vol. 22, No. 2, p. 231–232.

[115] *Волконский В. А.* Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920. С. 27–28.

[116] *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Т. 2. С. 197.

Киева 1169 г.[117] Стоит ли говорить, что тогда не было ни России, ни Украины, а семь из 11 князей, то есть большинство принявших участие в походе на Киев, правили на юге[118]. Более того, некоторые исследователи считают, что именно южнорусские князья сыграли главную роль в походе на Киев[119].

Своеобразное отношение к киевскому разгрому можно найти у Н. Ф. Котляра: в его работах встречаются эмоционально окрашенные обороты, вроде того, что город брали какие-то «дикие люди»[120], что это был «варварский поход», «преступный поход», и что русские князья брали Киев «словно вражеский город». Странно называть поход на Киев «варварским» и «преступным», когда формально Андрей Боголюбский как старший в роду имел право на киевский стол. Н. Ф. Котляр считал киевского князя Мстислава Изяславича популярным в народе[121]. Также историк избегал говорить о переносе «столицы», даже символической, из Киева во Владимир; по его мнению, Андрей Боголюбский настолько возвысил Суздаль, что тот начал играть роль второго центра силы и власти[122].

В. П. Коваленко считает, что взятие и разорение Киева произвело огромное впечатление для современников и потомков, что Андрей Боголюбский «принизил» значение города и впервые, будучи претендентом на лидерство, отказался от княжения в нем, посадив брата Глеба. По его мнению, после 1146–1169 гг. начинается эпоха политического полицентризма, пришедшая на смену «монопольного панування Києва»[123]. В. М. Рычка считает, что в Киев, подвергнутый Андреем Боголюбским «нещадному плюндруванню», был посажен «дядя» Глеб Переяславский[124]. Здесь явная ошибка, поскольку Глеб Юрьевич Переяславский был братом Андрея Юрьевича Боголюбского, дядей же он приходился Мстиславу Андреевичу — сыну суздальского князя, который был командующим объединенной рати и непосредственным покорителем «матери городов русских». Также В. М. Рычка замечает, что Киев не потерял «столичный» статус, сохранив резиденцию митрополита и центр духовной власти, просто вследствие произошедшего выросла отчужденность Юга и Севера Руси[125].

Аналогичный случай представляет статья Я. Пеленски. Он называет Мстислава Изяславича «законным» правителем Киева, хотя на деле это не так — Мстислав Изяславич не имел прав на великое княжение и занял его только из-за сложившейся конъюнктуры. Несколько комично выглядит его предположение, что в Ипатьевской летописи специально написали о больших последствиях разорения Киева 1203 г., чтоб свести к минимуму впечатление от разграбления 1169 г. В целом же он также придерживается позиции о том, что упадок Киева начался с событий 1169 г.[126]

---

[117] *Долгов В. В.* Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком. М., 2022. С. 10.

[118] ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 543–544.

[119] *Котляр Н. Ф.* Жестокий мир Средневековья: Русь времен удельной раздробленности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 55; *Его же.* Удельная раздробленность Руси. Киев, 2013. С. 91; *Вернандский Г. В.* Золотой век Киевской Руси. С. 245.

[120] *Котляр Н. Ф.* Жестокий мир Средневековья. С. 55.

[121] *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. С. 91.

[122] *Котляр М. Ф.* Дипломатичні відносини між двома осередками влади в Давньоруській державі (70–90-ті рр. XII ст.) // Український історичний журнал. 2003. № 1. С. 23–24.

[123] *Коваленко В. П.* Політичне становище південноруських земель в XII–XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2002. Вып. 2. С. 84–85, 88.

[124] *Ричка В. М.* «Київ — Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Киев, 2005. С. 189–190.

[125] Там же. С. 191.

[126] Pelenski J. The Sack of Kiev of 1169: Its Significance for the Succession to Kievan Rus'. *Harvard Ukrainian Studies*, 1987, vol. 11, No. 3/4, p. 306, 307, 315–316.

Однако есть украинские исследователи, придерживающиеся абсолютно иного взгляда. Так, например, Г. Ю. Ивакин отметил, что и после 1169 г., и после 1203 г. Киев оправлялся от понесенных потерь, но только не после разгрома 1240 г.[127] К этой группе можно причислить и Н. Н. Яковенко, позицию которой, наверно, можно охарактеризовать, как «нейтральную», ибо она считала, с одной стороны, что «киевский период» закончился вместе с разорением Киева 1169 г., а с другой — «исследователи, правда, со скепсисом относятся к излишне эмоциональному описанию летописцем-киевлянином масштабов опустошений, потому что в погоне за "золотым столом" Киев грабили и жгли и другие князья», добавляя, впрочем, что Андрей Боголюбский разорил «матерь городов русских» ради укрепления собственного авторитета[128].

Особо выделяется вопрос о разорении храмов. П. И. Гайденко отметил, что в киевском погроме пострадали ктиторские храмы князей-участников[129]. Сам факт разорения своих же, т. е. ктиторских, храмов может показаться уникальным. Но Н. Ф. Котляр обращает внимание на ситуацию 1146 г.: тогда силами Изяслава Мстиславича и киевлян были разграблены имения, селения и монастыри Игоря Ольговича[130]. Сюжет с разграблением христианских святынь, в свою очередь, не столь исключителен и может трактоваться желанием Андрея Боголюбского провести десакрализацию Киева[131].

Но, справедливости ради, нужно отметить, что в зарубежной историографии проукраинскую позицию разделяют далеко не все. Например, М. Димник не считал, что погром 1169 г. привел к упадку Киева. Исследователь приводит убедительные доводы, объясняя, почему Андрей Боголюбский не сел лично править в Киеве. Он замечает, во-первых, что суздальский князь защищал порядок престолонаследия Киева, который отстаивал его отец; во-вторых, опыт Юрия Долгорукого был для него сдерживающим фактором (если бы он согласился править в Киеве, то опасно удалился бы от своего центра власти в Северо-Восточной Руси); в-третьих, он апеллирует к опыту Ярослава Мудрого: удержать Киев имел шанс только тот князь, вотчина которого непосредственно примыкала к Киеву. Андрей Боголюбский такого преимущества не имел. Поскольку и оставлять Киев было нельзя, он, пользуясь правом старшинства в роде, передал его младшему брату Глебу Юрьевичу[132]. Сходно и в то же время нейтрально оценивали ситуацию У. Мосс, Дж. Феннел, С. Франклин и Дж. Шепард[133]. Дж. Мартин замечает, что событиями 1169 г. основной удар был нанесен по символическому значению Киева: взятие города было доказательством того, что до разорения его главенствующее значение среди русских городов сохранялось[134].

Можно сказать, что зарубежные специалисты в каком-то смысле опередили российских в ревизии «традиционного» взгляда на последствия взятия Киева. Значимость падения «матери городов русских» не была раскрыта современниками события, о чем убедительно писал в своей диссертации Р. Сербин: «Современникам было совершенно

---

[127] *Івакін Г. Ю.* Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. (історико-топографічні нариси). Киев, 1996. С. 42.

[128] *Яковенко Н. Н.* Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М., 2012. С. 74.

[129] *Гайденко П. И.* Сколько раз Киев подвергался разграблению в домонгольский период? С. 25.

[130] *Котляр Н. Ф.* Жестокий мир Средневековья. С. 55.

[131] *Ковалев А. В.* Военные кампании Андрея Боголюбского… С. 37.

[132] Dimnik M. The Rus' principalities (1125–1246). *The Cambridge History of Russia*, Vol. I: From Early Rus' to 1689. Cambridge University Press, 2006, p. 110–111.

[133] *A History of Russia*, vol. 1: to 1917. Ed. by W. G. Moss. Anthem, 2003, p. 56; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М., 1989. С. 39–40; Franklin S., Shepard J. *The Emergence of Rus 750–1200*. London; New York, 1996, p. 323.

[134] Janet M. *Medieval Russia 980–1584*. Cambridge, 2007, p 125–126.

чуждо представление о том, что в 1169 году Владимир заменил Киев как общерусская столица. Киевская летопись, дающая наиболее полное описание разграбления Киева, не подразумевает, что бывшая митрополия стала зависимой от Владимира. Это событие воспринимали просто как военную катастрофу...»[135] Фактически тоже самое писал и А. П. Толочко[136]. Д. Миллер, подытоживая свое исследование монументального строительства в Киеве последних двух третей XII в., отмечал, что никакого упадка не было. Более того: «Данные по строительству показывают, что в середине XII века на Киевской земле появилось больше промежуточных центров, продолжающийся демографический рост и соответствующее увеличение сельскохозяйственной продукции были обратно пропорциональны сокращению радиуса его политического влияния»[137].

Дэвид Миллер, кроме того, очень удачно сформулировал основную исследовательскую проблему, которую породила историография событий 1169 г. и, шире, истории Руси предмонгольского периода: «Проблема заключалась в том, что чаще всего такие теории (о княжеской борьбе за Киев. — *Е. П.*) были сформированы скорее значением, которое автор хотел видеть в эпохе, чем беспристрастным анализом событий, свидетельств и исторического контекста. То, что это было так, отчасти может быть объяснено важностью ответов для понимания места Руси в европейской (или евразийской) истории, а также для понимания происхождения или "предыстории" белорусской, русской или украинской этнической принадлежности»[138].

В историографическом обзоре нами показаны позиции исследователей. Разброс в мнениях и оценках велик. Очевидно, что отечественным историкам даже сегодня трудно отойти от закрепившейся в XVIII–XIX вв. традиции. Зарубежная историография свободна от подобной зависимости. Если не считать предвзятых украинофильских случаев, иностранные специалисты, как правило, не признавали за киевским падением 1169 г. событие архиважное. Причиной этого, вероятно, является более отстраненное отношение к Киеву как к городу: он не является для них образной «матерью городов русских», и поэтому они имеют возможность более хладнокровно подойти к анализу летописного материала.

Обращает на себя внимание склонность специалистов к шаблонному прочтению текстов о событии, к повторению одних и тех же тезисов. Историков, которые пересматривали укоренившеюся версию, меньшинство, и их голоса, пожалуй, не были услышаны ни коллегами, ни общественностью. При этом точка зрения «ревизионистов» хотя и кажется более близкой к истине, но также исходит из определенной предвзятости. Это же можно сказать и про «срединную» позицию, ибо: «"Золотая середина" между двумя крайностями — это всего лишь третья крайность» — как отмечал Л. С. Клейн. Один «миф» — о чрезмерной значимости падения Киева — был заменен «ревизионистами» другим, противоположным по содержанию. Особенно удачно сформулировал это положение А. Ф. Лосев: «Когда "наука" разрушает "миф", то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией»[139]. Актуализация исторического материала для историков разных убеждений превратилась в самоцель. До последнего времени оставалось незамеченным то, как сами летописцы осмысляли произошедшее, на чем они делали акцент. А ведь их не интересовало,

[135] *Serbyn R. The Character of the Rus Commonwealth, 1140–1200.* Ph. D. Dissertation, McGill University, 1975, p. 259.

[136] *Толочко А. П.* История Российская Василия Татищева. С. 415.

[137] Miller B. D. Monumental Building and Its Patrons as Indicators of Economic and Political Trends in Ruś, 900–1262. *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas.* 1990. Neue Folge. Bd. 38, H. 3. S. 341, figure 2–3.

[138] Miller B. D. The Kievan Principality in the Century before the Mongol Invasion: An Inquiry into Recent Research and Interpretation. *Harvard Ukrainian Studies*, 1986, vol. 10, № 1/2 (June), p. 229.

[139] *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 2001. С. 47.

насколько сильно или слабо отразилось разорение на экономической, политической, культурной, религиозной и других сферах жизни. Прочтение источника «как он есть» сейчас является одним из наиболее перспективных направлений исследований. И в отношении событий 1169 г. оно также должно быть продолжено.

Источники и литература

1. *Аверьянов К. А.* Андрей Боголюбский и Владимирская земля // Вестник Владимирского государственного университета. Серия: социальные и гуманитарные науки. 2019. № 3 (23). С. 5–12.

2. *Антонович В. Б.* Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. Киев: Либідь, 1995.

3. *Аристов В. Ю., Данилевский И. Н.* Андрей Боголюбский «Первый великоросс» // Русско-украинский исторический разговорник. Опыт общей истории. М.: Новое издательство, 2017. С 31–49.

4. *Аристов Р. В.* Воинский идеал в Древней Руси (этико-философский анализ): дисс. … канд. ист. наук. Тула, 2004.

5. *Баиов А. К.* Курс истории русского военного искусства. Вып. 1. От начала Руси до Петра Первого. СПб., 1909.

6. *Вернандский Г. В.* Золотой век Киевской Руси. М.: Алгоритм: Эксмо, 2012.

7. *Волконский В. А.* Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920.

8. *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский. М.: Водолей, 2007.

9. *Воронин Н. Н.* Древнерусские города. Л.: АН СССР, 1945.

10. *Вортман В., Вортман Д.* Взятие Киева монголами // Воин. 2004. № 16. С. 25–27.

11. *Гайденко П. И.* «Митрополичья неправда» двух Константинов: можно ли ожидать справедливости от церковных судов на Руси? // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 148–161.

12. *Гайденко П. И.* Кирилл Туровский и его время: наблюдения и замечания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 1 (17). С. 93–114.

13. *Гайденко П. И.* Сколько раз Киев подвергался разграблению в домонгольский период? // Исторический формат. 2019. № 2. С. 19–31.

14. *Галимов Т. Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII — первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). С. 104–114.

15. *Горский А. А.* Русское Средневековье. М.: Астрель, 2010.

16. *Горский А. А.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004.

17. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953.

18. *Греков Б. Д.* Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л.: АН СССР, 1937.

19. *Греков Б. Д., Артамонов М. И.* История культуры Древней Руси. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1951.

20. *Грушевский М. С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891.

21. *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. Киев: Лыбидь, 1990.

22. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. В 11 т., 12 кн. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1992.

23. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М.: Аспект-пресс, 1998.

24. *Данилевский И. Н., Таирова-Яковлева Т. Г., Шубин А. В., Мироненко В. И.* История Украины. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2019.

25. *Довнар-Запольский М. В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

26. *Долгов В. В.* Феномен Александра Невского. Русь XIII века между Западом и Востоком. М.: Центрполиграф, 2022.

27. *Елисеев М. Б.* Войны суздальской Руси. М.: Вече, 2015.

28. *Јелачић А. К.* Историја Русије. Београд, 1929.

29. *Злобин А. Н.* Преемственность политической и культурной традиций в русском мире XII–XIV вв. // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 3. С. 55–60.

30. *Иловайский Д. И.* Становление Руси. М.: Астрель, 2003.

31. История Украины. Т. I / ред. А. К. Касименко. Киев: Изд. АН УССР, 1950.

32. *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в новейшей украинской историографии. Размышления над книгой: Ричка В. Володимир Мономах. Харків: Фоліо, 2019. 120 с.: іл. (Знамениті українці) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 1 (13). С. 127–145.

33. *Ищенко А. С.* Взятие Киева Андреем Боголюбским в 1169 году: мифы и реалии // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы: Двадцать третьи всероссийские научные чтения, науч.-теор. конф., 21–22 апреля 2022 г., Новочерк. инж.-мелиор. ин-т «Донской ГАУ». Новочеркасск; Лик, 2022. С. 25–28.

34. *Івакін Г. Ю.* Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. (історико-топографічні нариси). Киев: Альтернативи, 1996.

35. *Кавелин К.* Государство и община. М.: Институт российской цивилизации, 2013.

36. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 12-ти т. Т. II. М.: Наука, 1991.

37. *Карпов А. Ю.* Андрей Боголюбский. М.: Молодая Гвардия, 2014.

38. *Клеванов А. С.* История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века. М., 1849.

39. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987.

40. *Ковалев А. В.* Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании // Studia historica europae orientalis. 2010. Вып. 2. С. 30–43.

41. *Коваленко В. П.* Політичне становище південноруських земель в XII–XIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2002. Вып. 2. С. 77–101.

42. *Кондрескул А. М.* Северная Русь в Удельный период // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 15–21.

43. *Конявская Е. Л.* Летописные «ростовцы», «суздальцы» и «владимирцы» во время Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 37–44.

44. *Кореневский А. В., Николаева Н. Д.* Русско-польские отношения на изломе «долгого XII века»: от «переяславского кризиса» до гибели Романа Галицкого // Научный диалог. 2020. № 11. С. 410–422.

45. *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале в Древней Руси. СПб., 1861.

46. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2011.

47. *Котляр М. Ф.* Дипломатичні відносини між двома осередками влади в Давньоруській державі (70–90-ті рр. XII ст.) // Український історичний журнал. 2003. № 1. С. 23–36.

48. *Котляр Н. Ф.* Жестокий мир Средневековья: Русь времен удельной раздробленности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2. С. 50–60.

49. *Котляр Н. Ф.* Удельная раздробленность Руси. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013.

50. *Куза А. В.* Важнейшие города Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985.

51. *Лимонов Ю. А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Наука, 1987.

52. *Линниченко И.* Вече в Киевской области. Киев, 1881.

53. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 2. 1152–1173 гг. М.: Актеон, 2014.

54. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.

55. *Лугаўцова С. Л., Кахновіч В. А., Цемушаў С. М.* Гісторыя Украіны ад старажытных часоўда пачатку XX ст. Мінск: БДУ, 2019.

56. *Ляскоронский В. Г.* История Переяславльской земли с древнейших времён до половины XIII столетия. Киев, 1897.

57. *Мавродин В. В.* Древняя и Средневековая Русь. СПб.: Наука, 2009.

58. *Макаров Н. А.* Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI — первой половине XIII в.: размеры городских территорий // Российская археология. 2017. № 4. С. 57–69.

59. *Маркевич Н. А.* История Малороссии. Т. 1. М., 1842.

60. *Медведев А. А.* Отношения князей Рюрикова рода как отражение государственной эволюции домонгольской Руси // Социум: проблемы, анализ, интерпретации. Сборник научных трудов / Московский педагогический государственный университет. М., 2006. С. 301–328.

61. *Мининкова Л. В.* Боярский род Жирославичей на великокняжеской службе (XII — первая половина XIII вв.) // Человек второго плана в истории. 2004. Вып. 1. С. 42–52.

62. *Мининкова Л. В.* Дуумвират на Руси в последней четверти XII века: коалиционное правление князей как традиция политической жизни Киевской Руси // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 5. С. 57–67.

63. *Михайлова И. Б.* Малые города Южной Руси в VIII — начале XIII века. СПб., 2010.

64. *Мозговой С. Г.* Территориальная структура русских земель в 70-е гг. XII в. // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2010. № 3. С. 237–242.

65. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* История русского государственного права до конца XVII столетия. М., 1892.

66. *Николаева Н. Д.* Русь и Запад в «долгом» XII веке: политика, религия, матримониальные союзы: дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2022.

67. *Пашуто В. Т.* А. А. Шахматов — буржуазный источниковед // Вопросы истории. 1952. № 2. С. 47–73.

68. *Перхавко А. Б., Сухарев Ю. В.* Воители Руси IX–XIII вв. М.: Вече, 2006

69. *Петрухин В. Я.* Древняя Русь IX в. — 1263 г. М.: Астрель, 2005.

70. *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. Вып. 1. СПб., 1899.

71. *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. Кн. 1. М., 1846.

72. *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909.

73. *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003.

74. ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.

75. ПСРЛ. Т. 9. М., 2000.

76. *Пятнов А. П.* Киев и Киевская земля в 1167–1169 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1 (11). С. 14–23.

77. *Пятнов А. П.* Киев и Киевская земля в 1169–1173 гг. (Андрей Боголюбский и Киевская земля: вопросы политического взаимодействия) // Сборник Русского исторического общества. 2003. № 7 (155). С. 250–259.

78. *Ричка В. М.* «Київ — Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Киев: Інститут історії України НАН України, 2005.

79. *Русина Е. В.* Киев средневековья: город и миф // Studia historica Europae Orientalis. 2019. № 12. С. 62–79.

80. *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971.

81. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. М.: Академический Проект, 2013.

82. *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М.: Наука, 1964.

83. *Рындин И. Ж.* Влияние родового старшинства у русских князей на наследование власти // Российский научный журнал. 2021. Т. 64. С. 5–16.

84. *Рындин И. Ж.* Наследование верховной власти у Рюриковичей в период действия «лествичного права» // Российский научный журнал. 2018. № 4 (61). С. 6–14.

85. *Рындин И. Ж.* Падение киевского старейшинства после смерти Ростислава Мстиславича и политический «переворот» Андрея Боголюбского 1169 г. // Российский научный журнал. 2009. № 2 (9). С. 3–16.

86. *Рындин И. Ж.* Проблема верховной власти на Руси в 1169–1252 гг. // Российский научный журнал. 2018. № 3 (60). С. 5–10.

87. *Самоквасов Я. Д.* Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение московского государства. Варшава, 1886.

88. *Селезнев Ю. В.* Княжеские усобицы в Древней Руси 1132–1169. М.: Руниверс, 2018.

89. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.

90. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959.

91. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб., 1851–1879.

92. *Ставицкий А. В.* Credo профессора Мыцыка: как историческая наука обслуживает украинскую власть // LiveJournal. URL: https://skeptimist.livejournal.com/799928.html (дата обращения: 10.09.2022).

93. *Ставицкий А. В.* Взятие Киева в 1169 году или «первая русско-украинская война» // LiveJournal. URL: https://skeptimist.livejournal.com/1555002.html (дата обращения: 10.09.2022).

94. *Ставицкий А. В.* Переяславские «мифологемы» Ю. А. Мыцыка и их общая оценка // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014». Севастополь, 2014. С. 84–86.

95. *Строкова Л. В.* Древнерусский клад из с. Новые Безрадичи Киевской области // «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая...» Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Кишинев, 2020. С. 221–226.

96. *Талашов М. В.* Динамика русско-половецких отношений во второй половине XI–XII в. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 3. Т. 1. С. 7–11.

97. *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8-ми томах. М.: Ладомир, 1994.

98. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. 2 изд., исправ. и доп. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

99. *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005.

100. *Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987.

101. *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля XII–XIII вв. Киев: Наукова думка, 1980.

102. *Ужанков А. Н.* Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022.

103. *Ужанков А. Н.* Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Вестник славянских культур. 2003. № 8. С. 77–81.

104. *Ужанков А. Н.* Концепты «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв. // Россия XXI. 2005. № 5. С. 134–161.

105. *Федотова П. И.* Андрей Боголюбский и Андрей Первозванный: «русский путь» апостола Андрея // Sciences of Europe. 2020. № 49. С. 35–42.

106. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.

107. *Фроянов И. Я.* Загадка крещения Руси. М.: Алгоритм, 2007.

108. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1988.

109. *Хлебников Н. И.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872.

110. *Хмыров М. Д.* Андрей Юрьевич Боголюбский. Очерк из русской истории XII века. СПб., 1863.

111. *Цветков С. Э.* Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. От Ярославичей до Всеволода Большое Гнездо. М.: Центрполиграф, 2013.

112. *Шахматов А. А.* Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и русских наречий. Пг., 1916.

113. *Шахматов А. А.* К вопросу образования русских наречий и русских народностей. СПб., 1899.

114. *Шмурло Е. Ф.* История России 862–1917. 2-е изд. Н. Новгород: Черная Сотня, 2016.

115. *Эсперов Н. Е.* Социально-политический строй Ростово-Суздальской земли со второй половины XII века до нашествия татар // Известия Юридического факультета. Харбин, 1931. Т. 9. С. 1–39.

116. *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Госюриздат, 1949.

117. *Яковенко Н. Н.* Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

118. *Яшина М. А.* Взаимоотношения Андрея Боголюбского и православных иерархов // Основные проблемы общественных наук. 2016. Вып. III. С. 10–15.

119. *A History of Russia*, vol. 1: to 1917. Front Cover. Ed. by W. G. Moss. Anthem Press, Jul 1, 2003 — History.

120. Dimnik M. The Rus' principalities (1125–1246). *The Cambridge History of Russia*, Vol. I: From Early Rus' to 1689. Cambridge University Press, 2006.

121. Franklin S., Shepard J. *The Emergence of Rus 750–1200*. Longman. London; New York, 1996.

122. Janet M. *Medieval Russia 980–1584*. 2-nd ed. Cambridge university press, 2007.

123. Miller B. D. The Kievan Principality in the Century before the Mongol Invasion: An Inquiry into Recent Research and Interpretation. *Harvard Ukrainian Studies*, 1986, vol. 10, № 1/2 (June), p. 215–240.

124. Miller B. D. Monumental Building and Its Patrons as Indicators of Economic and Political Trends in Ruś, 900–1262. *Jahrbuch für Geschichte Osteuropas*. 1990. Neue Folge. Bd. 38, H. 3. S. 321–355.

125. Pritsak O., Reshetar J. The Ukraine and the Dialectics of Nation-Building. *Slavic Review*, 1963, vol. 22, No. 2, p. 224–255.

126. Pelenski J. The Sack of Kiev of 1169: Its Significance for the Succession to Kievan Rus'. *Harvard Ukrainian Studies*, 1987, vol. 11, No. 3/4, p. 303–316.

127. *Serbyn R. The Character of the Rus Commonwealth, 1140–1200*. Ph. D. Dissertation, McGill University, 1975.

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

Ф. Д. Подберёзкин

Dextrarius аббата Теодориха: семантика рыцарской лошади в ливонском посольстве в Полоцк 1206 г.

УДК 94(476)+272(474.3-25)-9
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_57
EDN ZWVFZS

Аннотация. В 1206 г. рижский епископ Альберт послал полоцкому князю Владимиру в подарок лошадь, предназначенную для турнирного боя. Во время путешествия посольство аббата Дюнамюнде Теодориха было ограблено литовцами, и ливонцы предстали перед князем с пустыми руками. В статье предпринимается попытка выяснить, в чём заключался дипломатический смысл неудавшегося дара рижан. По мнению автора, с помощью дорогого подарка рижский епископ превращался из просителя лицензии на проповедь в одаривающего — таким образом, статус главного рижского миссионера и полоцкого князя символически уравнивался. Потеря лошади в пути предрешила провал миссии аббата Теодориха в Полоцке. Важно, что в сюжете 1206 г. хронист Генрих Латвийский упомянул лошадь типа dextrarius — такой лошадью в начале XIII в. пользовались либо во время рыцарских турниров, либо в крестовых походах. Таким образом, подарок свидетельствует о признании рыцарского статуса древнерусского князя со стороны ливонских пилигримов.

Ключевые слова. Полоцк, Рига, dextrarius, лошадь, рыцарь, Теодорих, Альберт, Владимир.

Об авторе: **Филипп Дмитриевич Подберёзкин**
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центральной научной библиотеки им. Я. Коласа Национальной академии наук Беларуси.
E-Mail: hetmanpolny@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7471-8793

Для цитирования: *Подберёзкин Ф. Д. Dextrarius* аббата Теодориха: семантика рыцарской лошади в ливонском посольстве в Полоцк 1206 г. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 57–63.

Статья поступила в редакцию 18.09.2021; одобрена после рецензирования 08.10.2021; принята к публикации 15.10.2021.

Paleorosia. Ancient Rus
in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal
of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Philip Podberezkin

Abbot Theodoric's *Dextrarius:* the Semantics of the Knight's Horse in the Livonian Embassy to Polotsk in 1206

UDK 94(476)+272(474.3-25)-9
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_57
EDN ZWVFZS

Abstract: In 1206 Bishop Albert of Riga sent a gift to Prince Vladimir of Polotsk — a war horse (dextrarius). During their journey, the embassy delegation of Abbot Theodoric of Dünamünde were robbed by Lithuanians, for which reason the Livonians arrived empty-handed in the court of the Prince. In the article there are attempts to find out any diplomatic reason for the rich gift of the visitors from Riga, and it is stated that thanks to the rich gift, the Bishop of Riga was to turn from a license beseecher for preaching into a bestower, thus the status of the chief missionary from Riga would be symbolically equal to that of the Prince of Polotsk. The fact that they lost their horse during the journey predetermined the failure of Abbot Theodoric's mission in Polotsk. It is also important that in the story of 1206, the chronicler Henry of Latvia mentioned a 'dextrarius' horse — a horse used either for tournament fighting or crusades in the beginning of 13th century. Therefore, the gift gives evidence that Livonian pilgrims recognized the status of the Russian Prince as that of a noble knight.

Keywords. Polotsk, Riga, Dextrarius, Horse, Knight, Theodoric, Albert, Vladimir.

About the author: **Philip Podberezkin**
PhD in History, senior researcher of the Yakub Kolas Central Scientific Library at the National Academy of Sciences of Belarus.
E-Mail: hetmanpolny@yandex.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7471-8793

For citation: Podberezkin Ph. Abbot Theodoric's *Dextrarius:* the semantics of the knight's horse in the Livonian embassy to Polotsk in 1206. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 57–63.

The article was submitted 18.09.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 15.10.2021.

Многочисленные упоминания актов символической коммуникации (ритуалов, мистерий, деталей церемониала, даров) в тексте *Хроники Ливонии Генриха* (далее — *ГЛ*) вызывали интерес ещё в немецко-балтийской историографии. Историк Л. Арбузов-младший проанализировал использование риторических оборотов и литургического языка в сюжетах, относящихся к миссионерской проповеди и организации походов[1]. Современная эстонская исследовательница Л. Кальюнди рассматривала ритуалы с точки зрения «формирования» и «презентации» коллективного прошлого ливонской церкви[2]. В контексте изучения русских сюжетов *ГЛ* также назрела необходимость обратиться к «неписанным» обычаям. В некоторых случаях зафиксированный обычай мог апеллировать к хорошо известным для аудитории хрониста условностям и смыслам, зачастую неочевидным для современного медиевиста. Предметом внимания данной статьи является посольство аббата Теодориха в Полоцк 1206 г. Специально в дар полоцкому князю епископ Альберт заказал из немецких земель лошадь типа *dextrarius*, предназначенную для использования на рыцарских турнирах. Подарок был эксклюзивным — данная лошадь упомянута в хронике только раз; по всей видимости, таких лошадей в Ливонии первой четверти XIII в. не разводили. Тем интереснее выяснить, что означал этот подарок в рамках дипломатической миссии аббата.

Amicitia et familiaritas

В начале 1206 г. епископ рижский Альберт решил восстановить *дружбу и доверие (amicitia et familiaritas)*, которую полоцкий князь Владимир оказывал миссионеру Мейнарду. Главой посольства был аббат Дюнамюнде Теодорих, а в качестве дара избран конь с боевым вооружением (*dextrarius cum armatura*). По словам Генриха, Теодорих и его спутники на пути подверглись нападению литовцев и *потеряли всё, что брали с собой, но явились князю здоровыми и невредимыми*[3]. Аббату удалось подкупить одного из советников князя *подарками и деньгами*, а также заплатить некоему бедняку полмарки серебра, чтобы последний тайно известил епископа Альберта о ходе переговоров (последнее стало известно полоцкому князю)[4]. По мнению Е. Л. Назаровой, «упоминание о *подарках и деньгах* противоречит сообщению хрониста о том, что литовцы отобрали у послов епископа все, что у них было»[5]. А. Селарт отмечал, что историей

---

[1] Arbusow L. *Liturgie und Geschichtsschreibung im Mittelalter: in ihren Beziehungen erläutert an den Schriften Ottos von Freising (+1158), Heinrichs Livlandchronik (1227) und den anderen Missionsgeschichten des Bremischen Erzsprengels: Rimberts, Adams von Bremen, Helmolds*. Bonn, 1951; Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut in Heinrichs «Chronicon Livoniae». Ein Beitrag zur Sprache mittelalterlicher Chronistik. *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. Bd. 8. 1951. S. 100–153.

[2] Kaljundi L. (Re)performing the past: Crusading, history writing, and rituals in the Chronicle of Henry of Livonia. *The Performance of Christian and Pagan Storyworlds: Non-Canonical Chapters of the History of Nordic Medieval Literature*. Ed. by L. B. Mortensen, T. M. S. Lehtonen, A. Bergholm. Turnhout, 2013, p. 295–338.

[3] HCL. Hrsg. von L. Arbusow und A. Bauer. Darmstadt, 1959. S. 44. Боевой конь в качестве дипломатического дара государю был универсальной практикой Средневековья, Русь не была исключением, см.: *Мининкова Л. В.* Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 4. СПб., 2015. С. 24, 25, 28. За указание на эту работу благодарю уважаемого П. И. Гайденко.

[4] HCL. S. 45.

[5] *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 150.

об ограблении Генрих хотел оправдать неудачу посольства Теодориха: ведь без подарка трудно было рассчитывать на лояльность Владимира[6].

В *ГЛ* есть несколько упоминаний конокрадства со стороны литовцев, причём все они относятся к периоду 1204–1207 гг.[7] Следовательно, нет оснований не доверять рассказу Генриха. Но почему аббат осмелился придти к Владимиру с пустыми руками? Теодорих был сподвижником первого ливонского епископа Мейнарда, который вёл переговоры с полоцким князем приблизительно в 1184 г.[8] Хронист не сообщает, подарил ли Мейнард что-либо полоцкому князю. Мейнард принадлежал к нищенствующему ордену (августинец) — поэтому выглядит логичным, что князь одарил его в одностороннем порядке; вероятнее всего, Теодорих при этом присутствовал. Епископ Альберт и аббат Теодорих декларировали посольство в Полоцк как продолжение миссии Мейнарда[9] — с такой предпосылкой рижане могли получить допуск ко двору князя[10].

Современная медиевистика исходит из того, что дар является инструментом установления власти и иерархии (G. Althoff, B. Stollberg-Rilinger): «Тот, кто более принимает, нежели может дать, унижается и попадает во власть дающего. Наоборот, из этой логики следует, что более высокий по рангу, могущественный обязуется к демонстративной щедрости в особенной мере»[11]. С данной точки зрения дипломатический жест полоцкого князя получает непротиворечивое объяснение. В 1184 г. полоцкий князь как высший по рангу разрешил Мейнарду и Теодориху проповедь на землях, которые считал своими. Разрешение подкреплялось дарами, подчеркивавшими его статус относительно нищенствующих миссионеров и немецких купцов. В 1206 г. епископ рижский Альберт, претендовавший на создание церковного княжества на землях Владимира[12], послал в Полоцк дорогой подарок — коня типа *dextrarius* с полным снаряжением. Предполагался обмен дарами, который утверждал положение *amicitia et familiaritas* и, таким образом, уравнивал контрагентов[13]. Декларируемый континуитет с Мейнардом противоречил символическому жесту, с помощью которого епископ Альберт претендовал на качественное изменение статуса, получавшего *licencia* на дающего дар. Провал миссии аббата был предрешён — он не был уполномочен просить какое-либо разрешение, а для переговоров о дружбе ему не хватало дорогого подарка — украденной лошади. Неудивительно, что Теодорих не внушал доверия и полоцкий князь занимался военными приготовлениями, внимая советам старейшин ливов[14].

---

[6] Selart A. *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert.* Köln, Weimar, Wien, 2007. S. 86.

[7] HCL. S. 33, 37, 45, 53, 73. Это может быть связано с приездами пилигримов из Германии, которые прибывали вместе с боевой лошадью и вооружением. Литовцы целенаправленно захватывали лошадей для совершения набегов.

[8] Ibid. S. 4.

[9] *volens domnus episcopus adipisci amiciam et familiaritatem Woldemari regis de Ploceke, cum antecessori suo Meynardo exhibuerat* (Ibid. S. 44).

[10] Для сравнения: в 1203 г. в Риме папа Иннокентий III передал подарок аббату Теодориху и старейшине ливов Каупо — не подарив что-либо взамен (там же, S. 28).

[11] Althoff G., Stollberg-Rilinger B. Die Sprache der Gaben. Zu Logik und Semantik des Gabentauschs im vormodernen Europa. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. Bd. 63. H. 1. 2015. S. 5.

[12] Gnegel-Waitschies G. *Bischof Albert von Riga. Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199–1229).* Hamburg, 1958. S. 69–70.

[13] HCL. S. 44; подробнее об установлении и продлении «мирно-дружественных отношений» в ритуальном контексте: Althoff G. Der friedens-, bündnis- und gemeinschaftstiftende Charakter des Mahles im früheren Mittelalter. *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit.* Hrsg. von I. Bitsch, T. Ehlert, X. von Ertzdorff. Sigmaringen, 1987. S. 13–26.

[14] HCL. S. 46.

Спутники потеряли *все, что несли с собой*, однако аббат нашел средства, чтобы коррумпировать окружение князя (*muneribus et pecunia corrumpitur*). Кажущееся противоречие можно объяснить из другого типичного случая. Хронист и канцлер графа фон Геннегау, Жильбер Монсский (Gilbert de Mons) (XIII в.) писал о заранее определенных денежных суммах, которые епископ Тульский (Toul) должен был передать людям из окружения Фридриха Барбароссы, чтобы поддержать графа Шампани в его споре с графом фон Геннегау[15]. Жильбер упоминал этот случай как сам собой разумеющийся, «учебный» пример в своем руководстве по дипломатии. Деньги были «скрытым» даром, который четко отличался от «открытых», преподносившихся в торжественной обстановке. Смею предположить, что *omnia* аббата Теодориха включало «открытые дары»; остальные деньги и подарки были припасены для людей из окружения князя, которых аббат мог знать ещё с первого посольства Мейнарда. Таким образом, в сюжетах о литовском грабеже и взятках в Полоцке противоречия нет.

Рыцарский дар

История о миссии аббата Теодориха является единственным случаем в *ГЛ*, где упоминается тип тяжеловооруженной лошади *dextrarius*. В письменных источниках конца XII в. *dextrarius* определялся как самая крупная и дорогая лошадь, которая использовалась на турнирах и во время походов[16]. С одной стороны, владение этой лошадью подтверждало общественный статус рыцаря. С другой стороны, *dextrarius* был основной боевой лошадью крестоносцев как в Святой Земле[17], так и в Пруссии[18] — таким образом, полоцкий князь наделялся равным статусом с латинским крестоносцем[19]. Случайное либо вынужденное лишение боевой лошади могло означать утрату высокого рыцарского звания. В средневерхненемецкой версии эпического цикла *Ланселот в прозе* (XIII в.) повествуется, как у рыцарей Круглого стола Ланселота и Мордреда украли боевых лошадей. Встретившийся в лесу гном говорит, что сэры более не имеют права сидеть за столом короля, раз другие рыцари так легко забрали их коней[20]. Согласно *ГЛ*, полоцкий князь также лишился лошади[21]. Мотив рыцаря без лошади встречается и в древнерусской традиции: например, в *Повести о житии* великого князя Александра Ярославича, когда автор упоминает о пленных рыцарях, идущих *подле коний*. Этим составитель *Повести* подтверждает взаимосвязь рыцаря, лишённого своего *dextrarius*[22]. Вероятно, данный сюжет является трансляцией вышеупомянутого куртуазного мотива

[15] Althoff, G., Stollberg-Rilinger, B. Die Sprache der Gaben. S. 8–9.

[16] Davis R. H. C. *The Medieval Warhorse. Origin, Development and Redevelopment.* London, 1989, p. 66–67. *The Medieval Horse and its equipment c. 1150–1450.* Ed. by J. Clark. London, 1995, p. 7.

[17] Hyland A. *The Medieval Warhorse from Byzantium to the Crusades.* Sutton, 1996, p. 151, 158.

[18] Ekdahl S. Das Pferd und seine Rolle im Kriegswesen des Deutschen Ordens. *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter.* Hrsg. von Z. H. Nowak. S. 35. В XIII в. немцы завозили боевых лошадей в Пруссию из Тюрингии, Саксонии и Мейсенской марки (*Рогачевский А. Л.* Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002. С. 196–197).

[19] Сюжет о даре аббата Теодориха в рамках публикации о проблеме равенства статуса русских воинов и латинских рыцарей, см.: *Подберёзкин Ф. Д.* Может ли «схизматик» быть рыцарем? Статус русского воина в ливонских хрониках XIII в. // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения / отв. ред. Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев. М., 2021. С. 263–264.

[20] Ackerman-Alt B. *Das Pferd und seine epische Funktion im mittelhochdeutschen «Prosa-Lancelot».* Berlin; New-York, 1990. S. 150.

[21] HCL. S. 33.

[22] *И ведяхут босы подле коний, иже именують себе божии ритори* (Памятники литературы Древней Руси. XIII век / под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М., 1981. С. 434).

(данный аспект нуждается в отдельном исследовании). В любом случае, дорогой подарок епископа Альберта может свидетельствовать о том, что полоцкого князя в Риге считали полноценным рыцарем, который достоин иметь ту же лошадь, что и те *milites,* которые участвовали в ливонской миссии.

Выводы

Драматичные обстоятельства путешествия аббата Теодориха в Полоцк определили парадоксальную ситуацию, в которой оказались ливонские послы при дворе князя Владимира. Потеря лошади со сбруей лишила аббата важного козыря для переговоров о *дружбе и доверии.* Епископ явно рассчитывал, что полоцкий князь по достоинству оценит дорогой подарок, эксклюзивного *dextrarius.* На этот раз рижский миссионер одаривал бы полоцкого князя, а не наоборот — таким образом, епископ повышал собственный статус и создавал символическое равенство между церковной и светской властью в деле юрисдикции над неофитами. Однако аббат прибыл ко двору с пустыми руками. Без подарка не могло быть и речи о дружбе равных. После того, как выяснилось, что аббат не собирается ничего просить у князя, да еще и подкупил людей из его окружения, не было речи и о доверии. Причём в сообщениях о подкупе и предшествующем нападении литовских грабителей на ливонцев в *ГЛ* противоречия нет — «скрытые» подарки аббата были обычной дипломатической практикой; по-видимому, *dextrarius* со сбруей настолько впечатлил литовцев, что они не стали обирать «до нитки» свиту аббата.

Владение лошадью типа *dextrarius* свидетельствовало о принадлежности к элите христианского рыцарства. Более того, она регулярно использовалась крестоносцами в войне против мусульман и язычников. Таким образом, намерение рижского епископа подарить полоцкому князю такую лошадь позволяет предположить признание рыцарского статуса последнего. Данное обстоятельство тем более интересно, что с XIII в. в латинских землях начинает формироваться своеобразный куртуазный этос, носителем которого для земель Руси были братья Ордена меченосцев (с 1237 г. — Немецкого ордена), а также ленники ливонских епископов. Некоторые особенности куртуазных обычаев могли быть известны русским уже в XIII в., о чём свидетельствует описанное в *Повести о житии* великого князя Александра Ярославича ритуальное лишение статуса рыцарей, которые были вынуждены идти *подле коний.* Жест епископа Альберта был более дружелюбным — однако, ввиду (несчастного?) случая, рижане так и не «вписали» полоцкого князя в куртуазный контекст эпохи.

Источники и литература

1. *Матузова В. И., Назарова Е. Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2002.

2. *Мининкова Л. В.* Дар в традиции домонгольской Руси: культурно-символическое наполнение и политическое содержание // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 4. СПб., 2015.

3. Памятники литературы Древней Руси. XIII век / под ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачёва. М., 1981.

4. *Подберёзкин Ф. Д.* Может ли «схизматик» быть рыцарем? Статус русского воина в ливонских хрониках XIII в. // Александр Невский: личность, эпоха, историческая

память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва) / отв. ред. Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев. М.: Индрик, 2021. С. 259–268.

5. *Рогачевский А. Л.* Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

6. Ackerman-Alt B. *Das Pferd und seine epische Funktion im mittelhochdeutschen «Prosa-Lancelot».* Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 1990.

7. Althoff G. Der friedens-, bündnis- und gemeinschaftstiftende Charakter des Mahles im früheren Mittelalter. *Essen und Trinken in Mittelalter und Neuzeit.* Hrsg. von I. Bitsch, T. Ehlert, X. von Ertzdorff. Sigmaringen, 1987. S. 13–26.

8. Althoff G., Stollberg-Rilinger B. Die Sprache der Gaben. Zu Logik und Semantik des Gabentauschs im vormodernen Europa. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. Bd. 63. H. 1. 2015.

9. Arbusow L. Das entlehnte Sprachgut in Heinrichs «Chronicon Livoniae». Ein Beitrag zur Sprache mittelalterlicher Chronistik. *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* Bd. 8. 1951. S. 100–153.

10. Arbusow L. *Liturgie und Geschichtsschreibung im Mittelalter: in ihren Beziehungen erläutert an den Schriften Ottos von Freising (+1158), Heinrichs Livlandchronik (1227) und den anderen Missionsgeschichten des Bremischen Erzsprengels: Rimberts, Adams von Bremen, Helmolds.* Bonn, 1951.

11. Davis R. H. C. *The Medieval Warhorse. Origin, Development and Redevelopment.* London, 1989.

12. Ekdahl S. Das Pferd und seine Rolle im Kriegswesen des Deutschen Ordens. *Das Kriegswesen der Ritterorden im Mittelalter.* Hrsg. von Z. H. Nowak. Toruń, 1991. S. 29–49.

13. Gnegel-Waitschies G. *Bischof Albert von Riga. Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199–1229).* Hamburg: Velmede, 1958.

14. Heinrich von Lettland. *Livländische Chronik.* Hrsg. von L. Arbusow und A. Bauer. Darmstadt, 1959.

15. Hyland A. *The Medieval Warhorse from Byzantium to the Crusades.* Sutton: Da Capo Press, 1996.

16. Kaljundi L. (Re)performing the past: Crusading, history writing, and rituals in the Chronicle of Henry of Livonia. *The Performance of Christian and Pagan Storyworlds: Non-Canonical Chapters of the History of Nordic Medieval Literature.* Ed. by L. B. Mortensen, T. M. S. Lehtonen, A. Bergholm. Turnhout, 2013, p. 295–338.

17. Selart A. *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert.* Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2007.

18. *The Medieval Horse and its equipment c. 1150–1450.* Ed. by J. Clark. London, 1995.

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

Н. А. Петрова

«День Святого Креста»: к вопросу о дате заключения ливонско-новгородского союза 1323 г.

УДК 94(470+474)"1323"
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_64
EDN YRHFTK

Аннотация: Статья посвящена дискуссионному вопросу датировки ливонско-новгородской грамоты о союзе Ордена и Новгорода в 1323 г. Этот союз стал итогом эволюции политических отношений в Прибалтийском регионе в первой четверти XIV в. и одновременно явился прологом дальнейшего развития взаимосвязей новгородцев, литовцев, псковичей и ливонских рыцарей. Несмотря на то, что дата утверждения акта указана в самом памятнике, мнения исследователей относительно точного дня заключения ливонско-новгородского союза расходятся. Автор анализирует существующие в отечественной историографии мнения о том, какой праздник обозначен в памятнике как «День Святого Креста», и предлагает свой обоснованный вариант. Предполагаемый в настоящей публикации праздник и соответствующая ему дата подтверждается летописными известиями и существенно дополняет их. Соотнесение данных русских летописей, ливонских хроник и привлекаемой автором грамоты позволяет показать динамику политических событий, затрагивающих интересы литовцев, жителей Ливонии и Северо-Запада Руси.

Ключевые слова: Прибалтика, ливонско-новгородский союз 1323 г., Новгород, Орден, Псков, Литва, «День Святого Креста», церковный календарь.

Об авторе: **Наталья Анатольевна Петрова**
Кандидат исторических наук, библиотекарь Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: natalia_klio@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4159-1340

Для цитирования: Петрова Н. А. «День Святого Креста»: к вопросу о дате заключения ливонско-новгородского союза 1323 г. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 64–70.

Статья поступила в редакцию 27.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 18.11.2022.

Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Natalia Petrova

"The Day of The Holy Cross": about the Date of the Conclusion the Livonian-Novgorod Union in 1323

UDK 94(470+474)"1323"
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_64
EDN YRHFTK

Abstract: The article is devoted to the issue of dating the Livonian-Novgorod charter on the alliance between the Order and Novgorod in 1323. This union resulted from the evolution of political relations in the Baltic region in the first quarter of the 14th century, at the same time being the prologue to the further development of the relations between Novgorodians, Lithuanians, Pskovians and Livonian knights. Despite the fact that the date of the approval of the act is indicated in the document itself, the researchers' opinions regarding the exact day of the signing of the Livonian-Novgorod Union differ. There is analysis of the opinions present in Russian historiography about the holiday designated in the monument as the "Day of the Holy Cross", with a new justified opinion being presented in this regard. The holiday assumed in this article and the date corresponding to it are confirmed by chronicle news, and significantly supplement them. Correlation of the data of Russian chronicles, Livonian chronicles and the charter makes it possible to show the dynamics of political events affecting the interests of Lithuanians, residents of Livonia and the North-West of Rus'.

Keywords: Baltic Region, the Livonian-Novgorod Union of 1323, Novgorod, Order, Pskov, Lithuania, "Day of the Holy Cross", Church Calendar.

About the author: **Natalia Petrova**
PhD in History, librarian of the Scientific Library M. Gorky St. Petersburg State University.
E-mail: natalia_klio@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4159-1340

For citation: Petrova N. "The Day of The Holy Cross": about the Date of the Conclusion the Livonian-Novgorod Union in 1323. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 64–70.

The article was submitted 27.10.2022; approved after reviewing 15.11.2022; accepted for publication 18.11.2022.

Для характеристики взаимоотношений новгородцев, литовцев, псковичей и жителей Ливонии в первой четверти XIV в. исследователи привлекают письменные и археологические источники. Среди письменных источников основными являются летописи, данные которых дополняются немногочисленными сохранившимися актами, а также ливонскими хрониками.

Особенно ценными являются случаи, когда источники не только дополняют друг друга, но и позволяют конкретизировать и детализировать события прошлого. Представляется, что таким документом является грамота о ливонско-новгородском союзе[1]. В историографии этот акт известен с XIX в. и неоднократно привлекал внимание исследователей. Из текста документа следует, что союз новгородцев с ливонскими рыцарями предполагал взаимопомощь в борьбе с литовцами и их «друзьями и помощниками»[2], под последними подразумевались, прежде всего, псковичи. О времени образования союза в грамоте говориться, что он заключен «в год Господа нашего 1323-й, в последнюю пятницу перед днем Святого Креста»[3]. Если год составления акта указан в самом памятнике, то относительно точного дня утверждения документа заинтересованными сторонами мнения исследователей расходятся.

Известно, что грамота хранилась в ревельском архиве и впервые была опубликована в 1855 г. историком права Ф.-Г. фон Бунге. Исследователь дал описание документа, а также попытался установить время заключения союза. Он предположил, что указанным в памятнике «днем Святого Креста» является Сретение Господне, празднуемое 2 февраля. В 1323 г. этим днем была среда, а пятницей накануне праздника — 28 января[4]. В 1868 г. Археографическая комиссия издала сборник русско-ливонских актов, собранных К. Е. Напьерским. Хотя текста интересующей нас ливонской грамоты в сборнике нет, К. Е. Напьерский дал подробное описание этого документа и, не опровергая датировки Ф.-Г. фон Бунге, предложил еще один вариант времени заключения новгородско-ливонского союза. Опираясь на данные других источников и словарей, исследователь допустил, что временем заключения договора могла быть пятница накануне Рождества Христова, то есть 23 декабря 1323 г.[5] В дальнейшем, в исторических исследованиях и публикациях фигурировала то одна, то другая дата.

Так, Е. В. Чешихин в работе, посвященной истории Ливонии, обратил внимание на то, что союз новгородцев с ливонскими рыцарями и эстонскими вассалами был вызван с одной стороны усилившимися тенденциями Пскова к независимости от Новгорода, а с другой — крепнущим союзом псковичей с литовским князем Давидом Гродненским[6]. Исследователь, как и Ф.-Г. фон Бунге, полагал, что утверждение грамоты произошло 28 января 1323 г.[7] Этой же даты придерживались и составители сборника «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», издавшие не только текст документа, но и его перевод[8].

Существовавшие разночтения в определении времени заключения новгородско-ливонского союза отметил Б. Я. Рамм. Он обратил внимание на то, что сохранился не сам договор, а сообщение о нем шести представителей ордена. Исследователь

[1] ГВНП. М.; Л., 1949. С. 65–67. № 37.
[2] Там же. С. 66. № 37.
[3] Там же. С. 67. № 37.
[4] Liv-, Est-, und Curlanddisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. II. Reval, 1855. № 685. S. 137.
[5] Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868. № 55. С. 33.
[6] *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен. Т. 2. Рига, 1885. С. 219.
[7] Там же.
[8] ГВНП. С. 65–67. № 37.

посчитал «более правдоподобной» дату 23 декабря 1323 г., однако, аргументации своей позиции автор не привел[9].

Иную датировку предложил В. Л. Янин. Он счел, что оба варианта, 28 января и 23 декабря, не подходят. Первая дата, по мнению историка, неверная, так как исследователи, полагавшие, что договор был заключен 28 января, ориентировались на неверно определенное ими время начала Великого поста. А, по утверждению В. Я. Янина, в 1323 г. Великий пост начинался 7 февраля, следовательно, пятницей накануне было не 28 января, а 4 февраля. Вторая дата, по справедливому замечанию исследователя, не согласовывается с летописными известиями о том, что уже в мае 1323 г. во время псковско-ливонской войны новгородцы не пришли на помощь Пскову[10]. В поисках даты заключения договора историк вновь обратился к церковному календарю. Он посчитал, что «Днем Святого Креста» названо третье воскресенье Великого поста, с которого начинается Крестопоклонная неделя. В 1323 г. этим днем было 27 февраля, отсюда В. Л. Янин сделал вывод о том, что новгородско-ливонский союз заключили 25 февраля 1323 г.[11] С предложенной датировкой согласилась Н. А. Казакова, которая проанализировав содержание и формуляр этой грамоты, пришла к заключению, что сохранившийся документ — особый вид ливонских актов, составлявшихся для отчета или уведомления заинтересованных лиц[12]. Мнение В. Л. Янина и Н. А. Казаковой полностью поддержал А. В. Валеров[13].

Итак, в историографии существует три варианта даты заключения новгородско-ливонского союза 1323 г. — 2 февраля, 25 февраля или 23 декабря.

Аргументация В. Л. Янина о том, что союз был заключен раннее мая 1323 г., представляется вполне обоснованной. Вероятно, когда в мае 1323 г. новгородцы отказали Пскову в военной помощи против ливонских рыцарей[14], договор уже существовал. Этот вывод сужает границы датировки акта. Для решения вопроса о времени заключения союза следует обратить внимание на то, что, как показала Н. А. Казакова, интересующий нас документ исходил из ливонской канцелярии, а дата заключения союза Новгорода с ливонскими рыцарями указана так, как было принято в католической Европе: обозначение года от Рождества Христова и ближайшего церковного праздника. Следовательно, упомянутый в акте праздник надо искать в календаре римско-католической церкви. Крестопоклонное воскресенье есть только в православном богослужении, поэтому дата 25 февраля 1323 г. неверная. Однако в XIV в. в католическом календаре был праздник, связанный с поклонением Кресту, — это «День Святого Креста» или «Обретение святого Креста», приходящийся на 3 мая, а пятницей накануне его в 1323 г. было 29 апреля[15]. С этой датой соотносятся летописные известия.

Во Второй Псковской летописи сообщается, что 13 марта 1323 г. немецкое войско подошло к стенам Пскова, но осаждать город рыцари не решились и, простояв три дня, ушли «съ срамом»[16]. В следующий раз ливонские рыцари подошли к стенам

[9] *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 200–201, сн. 51.

[10] ПЛ. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 16; Вып. 2. М.; Л., 1955. С. 23, 89.

[11] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 178; *Его же.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 87–88.

[12] *Казакова Н. А.* Новгородско-немецкие договоры или ливонские акты // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). С. 63–67.

[13] *Валеров А. В.* Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. С. 234.

[14] ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 23, 89.

[15] *Скабалланович М.* Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Киев, 2004. 199–200.

[16] ПЛ. Вып. 2. 1955. С. 22.

города 11 мая 1323 г. и начали восемнадцатидневную осаду. Тогда «притужно бяше велми Пскову»[17]. Псковичи неоднократно обращались с просьбой о помощи к новгородцам и их князю Юрию Даниловичу «съ многою печалию и тоугою», но те, как уже было отмечено выше, отказали[18]. Псков и его окрестности подверглись разорительному нападению противника, которое смог отразить приехавший на помощь местным жителям князь Остафий с «изборяны». А, когда из Литвы на помощь пришел князь Давыд «с людьми своими», ливонские рыцари были окончательно разгромлены[19]. Заканчивая повествование об этих событиях, псковский летописец подчеркнул, что Юрий Данилович и новгородцы не оказали помощи Пскову[20].

Действительно, упрек летописца кажется справедливым, ведь на страницах летописей встречаются неоднократные упоминания о совместных военных акциях новгородцев и псковичей. Так, в мае 1269 г., когда немецкое войско осадило Псков, на помощь жителям города пришли новгородцы[21]. А в 1304–1319 гг., в развернувшейся между общинами Москвы и Твери борьбе за лидерство в Северо-Восточной Руси, псковичи и новгородцы выступили совместно на стороне Москвы. Летописные сообщения этого периода фиксируют участие жителей Пскова в составе новгородского войска, боровшегося с тверичами, возглавляемыми князем Михаилом Ярославичем[22]. В связи с этим возникает вопрос: почему в мае 1323 г. новгородцы отказались поддержать соседей? Ответ на него дает рассмотрение политической ситуации, сложившейся к этому времени в Ливонии с одной стороны, и в отношениях Новгорода с Псковом — с другой, а также анализ событий, непосредственно предшествовавших заключению, как было показано, 29 апреля 1323 г. ливонско-новгородского союза.

В Ливонии с начала XIV в. шла борьба между Ригой — одним из основных торговых партнеров Пскова и Новгорода — и ливонскими рыцарями за экономическое влияние в регионе[23]. В этой борьбе на стороне Риги выступило Великое княжество Литовское. Рижане и литовцы объединились в военный союз, направленный против Ордена[24]. А сотрудничество жителей Пскова с населением Риги и, прежде всего, с ее купеческими кругами, в условиях постоянной угрозы нападений на Псковскую землю со стороны ливонских рыцарей, способствовало укреплению связей жителей Псковской земли с литовцами. Поэтому, когда осенью 1322 г. немецкие рыцари напали на Псковскую землю, псковичи обратились за помощью к Великому князю Литовскому[25]. И из Литвы на помощь приехал Давид Гродненский (князь Давыд), приближенный Гедимина[26]. Псковское войско, возглавляемое Давидом Гродненским, совершило

[17] ПЛ. Вып. 1. С. 15–16; Вып. 2. С. 22–23, С. 89.

[18] ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 23; С. 89.

[19] ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 23; С. 89–90.

[20] ПЛ. Вып. 2. С. 90.

[21] ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л. С. 87, 318.

[22] ПСРЛ. Т. 3. С. 94–95, 335–338.

[23] Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 98–99; Ливонская хроника Бальтазара Рюссова // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 223, прим. пер.: С. 223–228; *Арбузов Л. А.* Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М., 2009. С. 59–61; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. С. 187.

[24] Ливонская хроника Германа Вартберга. С. 97; *Беляев И. Д.* Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867. С. 72–76; *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен. Т. 2. С. 165; *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. С. 192–193.

[25] ПЛ. Вып. 2. С. 22.

[26] *Антонович В. Б.* Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 41–42.

успешный рейд за р. Нарову, в земли Ливонского ордена и датские владения[27]. Тот факт, что поход псковичей во главе с князем Давыдом упоминается не только в псковской летописи, но и в немецкой хронике, может свидетельствовать о том, что это военное противостояние не являлось простым пограничным столкновением. Рыцари аккумулировали свои силы в Ливонии для того, чтобы дать отпор литовцам и их союзникам. В свою очередь, обращение псковичей к Великому князю Литовскому с просьбой об оказании им военной помощи вызвало недовольство и новгородцев. Сближение и укрепление связей Пскова с Литвой рассматривалось в Волховской столице как угроза традиционному влиянию новгородцев в делах Псковской земли. Желая воспрепятствовать этому, новгородцы пошли на соглашение с Ливонским орденом, который, в свою очередь, был заинтересован в союзе с Волховской столицей «против литовцев и всех их друзей и помощников»[28]. Новгородско-ливонский договор, заключенный 29 апреля 1323 г., стал логическим продолжением политической ситуации, сложившейся в Ливонии и в Северо-Западной Руси.

В свете вышеизложенного события 1323 г. представляются следующим образом. 13 марта 1323 г., когда князя Давыда не было в городе, к стенам Пскова подошло немецкое войско. Этот рейд был организован в отместку за разорение псковичами орденских и датских владений осенью 1322 г. Но рыцари не решились осаждать город. Вероятно, они опасались того, что на помощь псковичам придут их традиционные союзники, новгородцы. После безрезультатного мартовского похода в Псковскую землю ливонские рыцари решили обезопасить себя и начали переговоры с Новгородом, итогом которых и стало подписание 29 апреля 1323 г. грамоты о союзе. Заручившись поддержкой Волховской столицы, 11 мая 1323 г. ливонские рыцари предприняли новый поход в Псковскую землю. Не только псковские летописи, но и ливонские хроники свидетельствуют о том, что это была обширная и хорошо спланированная военная акция[29]. Но, несмотря на то что верный союзническим обязательствам Новгород не оказал псковичам помощи, последние своими силами, а также силами подоспевшего из Литвы Давида Гродненского с «моужи своими» сумели отразить нападение[30]. Хотя ливонские хроники свидетельствуют о том, что Псковская земля была завоевана[31], а псковичи были принуждены к миру[32], полагаем, что стороны добились паритета. Заинтересованности в продолжении конфликта не было ни у рыцарей, ни у жителей Псковской земли. Вскоре после снятия восемнадцатидневной осады Пскова между представителями немецкой стороны и псковичами был заключен мир[33].

Так, предложенная дата заключения ливонско-новгородского союза, позволяет не только дополнить сообщения летописей и хроник, но и показать динамику политических событий, затрагивающих интересы литовцев, жителей Ливонии и Северо-Запада Руси.

[27] ПЛ. Вып. 2. С. 22; Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. С. 180, гл. 343.

[28] ГВНП. С. 66. № 37.

[29] ПЛ. Вып. 1. С. 15–16; Вып. 2. С. 22–23, 89–90; Ливонская хроника Германа Вартберга. С. 99, прим. С. 145–146; Ливонская хроника Бальтазара Рюссова С. 228, прим. пер. С. 228–229.

[30] ПЛ. Вып. 1. С. 16; Вып. 2. С. 23, 90.

[31] Ливонская хроника Германа Вартберга. С. 99, прим. пер. С. 145–146.

[32] Ливонская хроника Бальтазара Рюссова. С. 228, прим. пер. С. 228–229.

[33] ПЛ. Вып. 2. С. 23, 90.

Источники и литература

Источники

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. 408 с.
2. Ливонская хроника Бальтазара Рюссова // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 157–404.
3. Ливонская хроника Германа Вартберга // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 2. Рига, 1879. С. 83–133.
4. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997. 384 с.
5. Полное собрание русских летописей Т. 3. Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.; Л.,1950. 642 с.
6. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. 174 с.
7. Псковские летописи. Вып. 2. М.; Л., 1955. 370 с.
8. *Liv-, Est-, und Curlanddisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Hrsg von *F. G. von Bunge.* Bd. II. Reval, 1855. 443 с.

Литература

9. *Антонович В. Б.* Монографии по истории западной и юго-западной России. Т. 1. Киев, 1885. 353 с.
10. *Арбузов Л. А.* Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. 2 изд. М., 2009. 304 с.
11. *Беляев И. Д.* Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867. 123 с.
12. *Валеров А. В.* Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004. 315 с.
13. *Казакова Н. А.* Новгородско-немецкие договоры или ливонские акты? // Новгородский исторический сборник. Вып. 3 (13). Л., 1989. С. 63–67.
14. *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. 284 с.
15. Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским, изданы Археографическою комиссией. СПб., 1868. 485 с.
16. *Скабалланович М.* Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. Киев, 2004. 263 с.
17. *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен. Т. 2. Рига, 1885. 462 с.
18. *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. 410 с.
19. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. 384 с.

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

Р. Ю. Почекаев

Гарантии прав и привилегий православного духовенства в золотоордынских ярлыках Русской Церкви XIII–XIV вв.

УДК 94(470)+271.2-9:34
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_71
EDN XROEAO

Аннотация: Ярлыки золотоордынских ханов русской церкви неоднократно становились объектом исследования специалистов. Однако, как ни странно, формально-юридический анализ этих документов, являющихся, в первую очередь, правовыми актами, до сих пор проводился в гораздо меньшей степени, чем их общеисторические, источниковедческие и даже филологические исследования. В настоящей статье предпринимается попытка анализа положений ханских ярлыков, касающихся правовых гарантий, т. е. обеспечения реализации прав и привилегий православного духовенства, пожалованных ему ханами Золотой Орды или подтвержденных ими. Производится классификация личных и имущественных прав. Выявляются типы правовых гарантий, включая те, которые могли быть реализованы обладателями прав и привилегий самостоятельно, и те, для осуществления которых требовалось вмешательство ордынских властей. Анализ проводится в историко-правовом контексте, т. е. с учетом специфики политической ситуации и особенностей золотоордынского права. Применяются методы историко-правового, формально-юридического и сравнительно-правового исследования. В заключение автор пытается ответить на вопрос, можно ли соответствующие положения ярлыков считать правовыми гарантиями с точки зрения современной политической науки.

Ключевые слова: Золотая Орда (Улус Джучи), ханские ярлыки, русские княжества, русская православная церковь, имущественные права, тархан, иммунитет, привилегия, правовые гарантии, защита прав.

Об авторе: **Роман Юлианович Почекаев**
Доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.
E-mail: rpochekaev@hse.ru ORCID: 0000-0002-4192-3528

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Гарантии прав и привилегий православного духовенства в золотоордынских ярлыках русской церкви XIII–XIV вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 71–81.

Статья поступила в редакцию 14.06.2021; одобрена после рецензирования 24.06.2021; принята к публикации 30.06.2021.

Paleorosia. Ancient Rus
in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal
of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Roman Pochekaev

Legal Safeguard for the Rights and Privileges of the Orthodox Clergy in the Yarliks by the Golden Horde to the Russian Church in 13th — 14th cent

UDK 94(470)+271.2-9:34
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_71
EDN XROEAO

Abstract: The charters (yarliks) given to the Russian Church by the Golden Horde khans have been repeatedly studied by specialists. However, strange as it may seem, the formal legal analysis of these documents being legal acts in the first place, has so far been much less extensive than their general historical or source studies, and even philological ones. This article attempts to analyze the provisions of the khan's charters regarding legal guarantees, i.e. ensuring the realization of the rights and privileges of the Orthodox clergy either granted to them or confirmed by the khans of the Golden Horde. Some classification of personal and property rights is presented. Some types of legal guarantees are identified, including those that could be implemented by the holders of rights and privileges on their own, as well as those whose implementation required the intervention of the Horde authorities. The analysis is carried out in a historical and legal context, which means that specifics of the political situation and peculiarities of the Golden Horde law are taken into account. Applied are some methods of historical-legal, formal-legal and comparative-legal research. In conclusion, there is an attempt to answer the question whether it is possible to treat such kind of provisions of the charters as legal guarantees from the point of view of modern political science.

Keywords: Golden Horde (Jochi Ulus), Khans' Yarliks, Russian Principalities, Russhian Orthodox Church, Rights of Property, Tarqan, Immunity, Privileges, Legal Safeguard, Legal Defense.

About the author: **Roman Pochekaev**
Doctor of History, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg.
E-mail: rpochekaev@hse.ru ORCID: 0000-0002-4192-3528

For citation: Pochekaev R. Legal Safeguard for the Rights and Privileges of the Orthodox Clergy in the Yarliks by the Golden Horde to the Russian Church in 13th — 14th cent. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 71–81.

The article was submitted 14.06.2021; approved after reviewing 24.06.2021; accepted for publication 30.06.2021.

Изучение ярлыков ханов Золотой Орды Русской Церкви XIII–XIV вв. имеет долгую историю, что, впрочем, не означает, что исследование этих источников не имеет дальнейших перспектив по выявлению новой информации. Напротив, обращение к ним не только специалистов по политической и социально-экономической истории Древней Руси, Золотой Орды и русско-ордынских отношений, но и представителей смежных научных дисциплин (дипломатики, исторической филологии, истории государства и права) показывает, в сколь разных аспектах могут быть рассмотрены эти документы, и каждый исследователь имеет возможность обнаружить в них что-то, интересующее именно его. Для автора этих строк наиболее интересным представляется историко-правовой анализ ханских ярлыков русской церкви, который в последние годы стал привлекать внимание специалистов-правоведов, хотя и не столь многочисленных[1]. И это, безусловно, логично и закономерно, ведь ханские ярлыки (причем не только пожалованные русской православной церкви, но и как тип документов в целом), в первую очередь, являются именно правовыми актами. Соответственно, их историко-правовой анализ имеет весьма значительные перспективы, особенно если не ограничиваться их общей характеристикой с точки зрения истории права, а сосредоточиться на конкретных юридических аспектах. В рамках настоящего исследования в качестве такого аспекта выбраны положения ярлыков, касающиеся возможностей их обладателей, т. е. представителей русского православного духовенства защитить права и привилегии, пожалованные им ханами.

В современной правовой науке такие возможности определяются как правовые гарантии, и они связываются чаще всего с конституционно-правовой сферой. Соответственно, их отсчет ведется одними исследователями от английской Великой хартии вольностей 1215 г., другими же — от западноевропейских конституционных актов конца XVII–XVIII вв. (английские Habeas Corpus Act 1679 г. и Билль о правах 1689 г., американская конституция 1787 г., французская декларация прав человека и гражданина 1789 г. и др.). Однако правоведы вполне обоснованно отмечают, что подобные гарантии распространялись (и распространяются) не только на политическую, но и на социально-экономическую сферу. Гарантии защиты предоставляемых прав традиционно включают в себя два основных блока — запрет на нарушение прав и законных интересов обладателей имущества со стороны других лиц (включая представителей государства) и законные способы защиты прав в случае, если они все же были нарушены[2]. В первом случае государство само ограничивает свой «суверенитет» в отношении конкретных лиц и их имущества, во втором оно помогает пострадавшим владельцам защитить и восстановить свои права.

Анализируемые нами ярлыки ханов Золотой Орды представляют собой жалованные акты, предоставляющие конкретным субъектам (а именно представителям русского православного духовенства) льготы и привилегии в личной и имущественной сфере, нас заинтересовал вопрос о том, каким образом правители Улуса Джучи обеспечивали возможности по реализации и защите их прав. Именно это натолкнуло нас на мысль об анализе соответствующих положений ханских ярлыков именно как гарантий прав их обладателей.

Источниковую базу нашего исследования составляет хорошо известное собрание ханских ярлыков Русской Церкви в его краткой редакции, включающее шесть документов, из которых только три, собственно, и являются ханскими ярлыками. Три

[1] См. подробнее: *Почекаев Р. Ю.* Изучение собрания ханских ярлыков русской церкви: направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 101–102.

[2] *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 382.

другие документа — это грамоты ханши Тайдулы 1340–1350-х гг., которые с формально-юридической точки являются подзаконными актами, хотя также названы в собрании «ярлыками». Однако их подзаконный статус никоим образом не умаляет их ценности в рамках проводимого нами анализа. Как видим, круг документов, непосредственно относящихся к выбранной теме исследования, весьма немногочислен. Это обусловило необходимость в ряде случаев привлекать и анализировать также другие ярлыки ханов Золотой Орды и даже некоторых ее наследников — тюрко-татарских ханств XV–XVIII вв.

Кроме того, нельзя не отметить, что исследователи до сих пор специально не занимались непосредственно вопросами правовых гарантий в ханских ярлыках русскому духовенству, но некоторые наблюдения в этом направлении были сделаны рядом специалистов на примере как раз других золотоордынских и постордынских ярлыков. Они нашли отражение, в частности, в трудах Ф. Ф. Лашкова (по ярлыкам Крымского ханства), Ш. Ф. Мухамедьярова (по казанским ярлыкам), Г. А. Федорова-Давыдова (по золотоордынским ярлыкам).

Права и привилегии Русской Церкви, гарантии которых мы намерены исследовать ниже, были впервые установлены в ярлыке Менгу-Тимура 1267 г., а остальные анализируемые документы в той или иной степени являлись подтверждающими по отношению к этому правовому акту. Поскольку ярлыки преимущественно фиксируют освобождение русского православного духовенства от налогов и повинностей, традиционно возлагавшимися на остальные категории населения Золотой Орды и вассальных государств, есть все основания определять данные ярлыки как тарханные[3]. Поскольку указанные документы являлись актами высшей юридической силы, выдававшие их ханы-Джучиды, безусловно, были заинтересованы в том, чтобы их воля исполнялась всеми подданными. Именно это и обусловило необходимость уточнения мер по защите пожалованных прав и привилегий.

В соответствии с вышеприведенной классификацией правовых гарантий можно выделить две основные группы таких мер.

Первая группа предписывает посторонним лицам воздерживаться от посягательств на владение, защищенное ханским пожалованием. И круг адресатов, и само содержание такого запрета, а главное — круг обладателей прав и привилегий, на которые он распространялся, представлены в ярлыках довольно широко. Круг адресатов, фигурирующих в ярлыках, уже неоднократно становился предметом исследования специалистов: таковыми выступали представители ханской администрации разного уровня, не считая, впрочем, термина «все», которым традиционно завершался адресат подобных актов. Это отражает высокую степень централизации власти и развитый административный аппарат Улуса Джучи в XIII–XIV вв., когда власти в полной мере представляли правомочия и возможности различных категорий должностных лиц в сфере взимания налогов или возложения повинностей на подвластных лиц[4].

Напрямую со статусом тех лиц, на которых распространялись гарантии-запреты, было связано и их содержание. Так, для чиновников и других представителей государственной власти основным требованием было недопущение облагать тарханное имущество налогами и сборами, которые взимались ими с остального населения, а также требовать от них исполнения повинностей[5]. В данном случае

[3] См., в частности: *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сб. ст. М., 1953. С. 304–316.

[4] См.: *Петрушко В. И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. М., 2007. С. 88.

[5] До сих пор эти положения традиционно рассматривались как источник по истории налогообложения Золотой Орды, см., напр.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 131–133.

мы имеем в виду не сборы и пошлины, которые взимались при совершении торговых операций и перемещениях с торговыми целями по стране (хотя большая часть привилегий тарханов была связана как раз с этой сферой), а именно те, которые непосредственно касались личного статуса и имущества. К таким налогам мы относим, в частности, сборы с объектов недвижимости, скота, урожая, дары и подношения представителям власти (чиновникам, послам, гонцам), проезжающим через соответствующий населенный пункт[6]. Представители ордынских властей не должны были облагать русское православное духовенство такими повинностями, как предоставление подвод, корма для проезжающих послов и гонцов и фуража для их лошадей, самих лошадей, постой в их домах тех же чиновников или солдат[7]. Отметим, что этот круг запретов ханы не считали исчерпывающим, и поэтому, начиная еще с ярлыка Менгу-Тимура митрополиту Кириллу 1267 г., в текст ярлыков стали включаться и более абстрактные категории, предписывающие не творить «насильство», не чинить «вторжения и учинительства», «притеснительства», «обиду и угнетение» и пр.

Большой интерес вызывает круг объектов прав, в отношении которых устанавливались подобного рода ограничения для посторонних лиц.

Личные права русского православного духовенства, подлежащие защите, были, впрочем, довольно немногочисленны. К ним можно отнести, освобождение от предоставления воинов (повинность «чирик авы», именуемая в русских переводах ярлыков «война»[8]) и участников облавных охот (в связи с чем среди адресатов упоминаются «сокольники» и «пардусники»[9].

Еще одна привилегия, связанная с правовым статусом представителей духовенства, оказалась защищена не в ханском ярлыке, а в грамоте Тайдулы, выданной некоему «митрополиту Иоану», личность которого неоднократно пытались установить исследователи[10], но при этом адресованной не столько ордынским чиновникам, сколько русским князьям во главе с великим князем Симеоном Гордым, сыном Ивана Калиты. На основании этого документа М. Д. Приселков предположил попытку вмешательства великого князя в судебную компетенцию Русской Православной Церкви, что было нарушением сложившегося порядка, собственно и восстановленного в акте ханши Тайдулы[11]. Таким образом, речь шла о праве представителей Церкви на собственный суд без вмешательства светских русских властей.

---

[6] См., напр.: *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. М., 1850. С. 108–109.

[7] Позволим себе не вполне согласиться с определением М. А. Усмановым этих «оборотов-запретов» как санкций (*Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 247). Возможно, с точки зрения дипломатики они и являлись таковыми, однако в формально-юридическом отношении это были именно гарантии прав владельцев, тогда как собственно санкции (ответственность за нарушение предписаний ярлыков) указывались отдельно.

[8] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 34; *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. С. 237.

[9] *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках. С. 110; *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 29–30.

[10] См., напр.: *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 45–54; *Сочнев Ю. В.* Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения. (Материалы науч. конф., посв. 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород, 1992. С. 52–55.

[11] *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. С. 79–81.

Наконец, в ярлыке Менгу-Тимура существует также запрет на оскорбление православной церкви: «А кто иметь веру их хулити — тот человек извиниться и умрет»[12]. Учитывая отсутствие подобного рода положений в других ярлыках, А. П. Григорьев вполне обоснованно предположил, что эта фраза была вставлена переводчиком или же более поздним переписчиком ярлыка[13].

Гораздо более подробно перечислены в ярлыках объекты охраняемых имущественных прав. Сравнив пожалования в ярлыках Русской Православной Церкви с содержанием в аналогичных документах, в т. ч. и в постордынских государства, нельзя не придти к выводу, что русская православная церковь (как, впрочем, и другие конфессии на территории Золотой Орды, вассальных ей государств, а затем — и постордынских ханств[14]) обладала самыми обширными владениями по сравнению с частными лицами, аристократическими семействами и пр. У последних объектами, защиту от посягательств, на которые гарантировали ярлыки, могли быть дома, поля, колодцы и т. п. В ярлыках же Православной Церкви в качестве таких объектов выступают «церковное, земля вода, огороди, виногради, мелници, зимовища, летовища» (ярлык Менгу-Тимура 1267 г.), «церковныя домы, воды, земли, огороди, виногради, мелници» (ярлыки Бердибека 1358 г. и Мухаммада-Булака 1379 г.)[15]. Сопоставимы с ними по объему имущества, защищаемого от посягательств ханскими ярлыками лишь владения крупнейших золотоордынских феодалов[16].

Этот обширный перечень имущества, защищаемого от посягательств со стороны ордынских чиновников, был частично сокращен лишь в период правления хана Джанибека: согласно реконструкции М. Д. Приселкова, в своем ярлыке митрополиту Феогносту 1343 г. хан не включил в число неприкосновенного имущества «церковные домы», тем самым позволив своим представителям, приезжающим на Русь, вставать на постой в зданиях, принадлежавших церкви и духовенству, а также исключил из налогового иммунитета «дань», т. е., по сути, обложив церковное имущество «выходом», который платили светские вассалы Золотой Орды со своих подданных[17]. Однако уже грамота Тайдулы, выданная тому же Феогносту в 1351 г., несколько смягчила негативный эффект от ярлыка своего сына, а Бердибек, сын и наследник Джанибека в ярлыке митрополиту Алексию 1357 г. полностью восстановил прежние льготы и иммунитеты Русской Православной Церкви.

Весьма специфический объект, характерный для религиозных организаций, но совершенно нетипичный для любых светских правообладателей нашел отражение в ярлыке Менгу-Тимура: «Или что в законе их книги или ино что — да не заимають, ни емлють, ни издеруть, ни погубять их»[18]. Отсутствие подобного положения как в других ярлыках русской церкви, так и в других жалованных грамотах ордынских (и постордынских) ханов, впрочем, позволяет в полной мере согласиться

[12] Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. М., 1955. С. 467.

[13] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 39. Ср.: *Петрушко В. И.* История Русской Церкви… С. 88.

[14] См., в частности: *Зайцев И. В.* О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М., 2016. С. 72; *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань, 2019. С. 261.

[15] Памятники русского права. С. 465–469.

[16] См., напр.: *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 21.

[17] *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. С. 74–76.

[18] Памятники русского права. С. 467.

с мнением А. П. Григорьева, что это положение, «ратующее за сохранность богослужебных книг», стало результатом «творчества русского редактора текста ярлыка Менгу-Тимура» а — как и вышеприведенное упоминание ответственности за «хуление» православной веры[19].

Как отмечают исследователи традиционной государственности, традиция иммунитетов в значительной степени на Востоке в разные эпохи была связана с тем, что центральные власти не всегда имели возможность обеспечить централизованный сбор налогов и пр.[20] Думается, что аналогичным образом правители Золотой Орды не могли гарантировать и неуклонное соблюдение своих ярлыков, которыми они, собственно, и закрепляли такие иммунитеты. Поэтому, наряду с прямыми предписаниями чиновникам и прочим лицам воздержаться от посягательств на тарханное или суюргальное владения, ханы в ряде случае гарантировали обладателям ярлыков возможность на самозащиту своих законных прав и интересов.

Так, в ярлыках русской православной церкви имелись предписания, что взятое следует вернуть: «И яже будуть поимали, — и они да въздадуть назад» (ярлык Менгу-Тимура 1267 г.), «А кто будеть что взял или кто возметь, — и тот да отдасть назад» (ярлык Бердибека 1357 г.) «А кто что будеть взял или что вземлеть, и он отдасть назад» (ярлык Мухаммада-Булака 1379 г.)[21]. Можно предположить, что сами обладатели ярлыков имели возможность, предъявив соответствующий документ, истребовать свое имущество из незаконного владения[22]. Интересно отметить присутствующий в двух последних ярлыках оборот «кто будеть что взял или кто возьмет/вземлет»: речь идет не только о возможности защиты своих прав непосредственно в момент их нарушения (сейчас «вземлет»), но и в случаях, когда о нарушении права становилось известно уже после совершения противоправных действий, т. е. когда обладатели прав и привилегий узнавали, что кто-то уже «что взял».

К числу правовых гарантий наряду с вышеперечисленными одной из важнейших относится защита своих нарушенных прав и законных интересов в суде. Такое право также было у обладателей ханских ярлыков, что, впрочем, подтверждается не столько в интересующих нас положениях ярлыков (гарантиях владельческих прав), сколько в других положениях — об обстоятельствах выдачи соответствующего документа, — а также в дополнительных исторических источниках.

Прежде всего, само получение или подтверждение права на тарханство реализовывалось в результате обращения подданного к хану. И, в зависимости от ситуации, монархи Золотой Орды принимали решение либо учредить новую привилегию (если обращение происходило впервые), либо же подтвердить ранее

[19] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 39.

[20] *Разуваев Н. В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб., 2008. С. 234.

[21] Памятники русского права. С. 466, 469.

[22] Впрочем, анализ более поздних документов позволяет сделать вывод, что со временем возможности самозащиты своих прав и привилегий стали более разнообразными по сравнению с периодом, когда золотоордынские ханы жаловали ярлыки Русской Православной Церкви. Так, ханы Джанибек и Бердибек в ярлыках венецианским купцам Азова (1342, 1347, 1358) позволяют им самостоятельно охранять пожалованный им во владение участок от посягательств своих главных конкурентов — генуэзцев (*Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 74, 119, 166). В ярлыках крымских ханов караимской общине Кырк-Ера (Чуфут-Кале) владетелям пастбищ дается право самостоятельно, без дополнительных судебных санкций, снести ограждения, незаконно возведенный в их владениях жителями соседних (христианских!) селений (*Фиркович З. А.* Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890. С. 71, 74, 78–79, 84–85, 96).

учрежденную[23]. В самих ярлыках это решение отражалось в преамбуле, в которой, собственно, и излагались причины выдачи соответствующего ярлыка. Указывая, что обладатель привилегии (первичный или правопреемник прежнего) обратился к ханскому суду и получил положительное решение, ханы тем самым создавали и прецедент, на основе которого обладатели владельческих прав и в других случаях могли обращаться к суду монарха или другого представителя золотоордынских властей, которому хан делегировал судебные полномочия. Имеем основание полагать, что в результате именно подобного обращения в суд ханши Тайдулы и был выдана вышеупомянутая грамота «митрополиту Иоану».

Завершая разговор о судебной защите владельческих прав как гарантии их реализации, нельзя не сказать о последствиях для нарушителей предписаний ханских ярлыков в отношении законных правообладателей — т. е. о санкциях. Любопытно отметить, что в большинстве дошедших до нас ярлыков ханов Золотой Орды они прописаны очень неопределенно и обтекаемо: нарушителям следует «убоять-ся», «беречься и беречься», порой в документе присутствует угроза, что преступник «будет устрашен», ему «не будет добра», «не хорошо будет», ему «разве будет добро?» и т. п.[24]. И именно в ярлыках золотоордынских ханов русским митрополитам негативные последствия за нарушение ханских предписаний достаточно четко конкретизированы: так, в ярлыке Менгу-Тимура Русской Церкви 1267 г. говорится, что посягнувшие на церковное имущество «по велицеи язе ивиняться и умрут», т. е. будут преданы казни на основе установлений (Великой Ясы) Чингис-хана. В ярлыках Бердибека 1357 г. и Мухаммада-Булака 1379 г. уже без ссылок на Ясу просто отмечается, что такие преступники «во гресех будуть да умрут смертию», смертная казнь в качестве наказания присутствует и в грамоте Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 г.: «умреть и поблюдеться»[25].

Правда, еще в первой половине XIX в. В. В. Григорьев посчитал эти формулировки, существенно отличавшиеся от характерной для ярлыков санкции «да будет тому худо», «христианской» заменой, сделанной переводчиком текста документа[26]. Однако, его однофамилец А. П. Григорьев, допустив реальность упоминания в ярлыке Менгу-Тимура санкции в виде смертной казни на основании Ясы Чингис-хана, предположил, что и в боле поздних ярлыках эта мера наказания была сохранена — хотя и без ссылки на установления Чингис-хана со стороны его потомков, принявших ислам[27].

Тем не менее, более обоснованным видится мнение В. В. Григорьева: неопределенность в отношении санкций, характерная для золотоордынских и постордынских ярлыков, объясняется тем, что вид и тяжесть наказания за посягательства на права и привилегии, установленные в ханских указах, зависели от того, какое именно

[23] В связи с этим уместно вспомнить проблему, связанную с длительностью действия правовых норм. Согласно Г. Харту, подтверждение установленного правила каждым новым правителем представляет собой «простейший случай» (*Харт Г. Л. А.* Понятие права. СПб., 2007. С. 68–69, 73). Тем не менее, именно практика подтверждения каждым новым монархом ярлыков своих предшественников была в течение веков распространена в Монгольской империи и выделившихся из нее чингизидских государствах, в т. ч. и в Золотой Орде.

[24] См., напр.: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 120, 166. Примечательно, что в ярлыках хана Узбека францисканским миссионерам 1314 г. вообще нет санкции, см.: *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии». С. 261.

[25] Памятники русского права. С. 466, 468, 470.

[26] *Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // *Его же.* Россия и Азия. СПб., 1876. С. 242–243. Ср.:

[27] *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. С. 42–43, 196–197.

нарушение было допущено — являлось ли оно незаконным налогом или сбором, присвоением защищенного владения, незаконным вторжением в него и т. д. Именно поэтому, предусматривая ответственность за нарушение ханской воли, монархи не вдавались в подробности относительно самих наказаний, предусмотренных другими источниками права.

Наконец, постараемся ответить на вопрос: насколько мы можем считать анализируемые положения правовыми гарантиями владельческих прав с точки зрения современной юридической науки? Обычно гарантии прав отдельных лиц теоретики права связывают с определенными ограничениями власти самого государства, т. е. его суверенитета[28]. Правда, при этом обращают внимание, что данное ограничение все же распространяется не на государство как на суверена, а лишь на его отдельных представителей, в которых оно персонифицируется[29].

Если мы обратимся к анализируемым положениям ханских ярлыков, то убедимся, что предписаниями, которые мы характеризуем как гарантии прав и привилегий православного духовенства, в самом деле, вводятся запреты на определенные действия лишь в отношении ханских подданных — чиновников, послов и пр. (исключая грамоту Тайдулы 1347 г., адресованную русским князьям). Власть же самого хана в ярлыке никоим образом не ограничивается предписаниями изданного им указа. И яркий пример тому — вышеупомянутая реконструкция М. Д. Приселковым предполагаемого ярлыка Джанибека 1343 г., которым он урезал часть прежних иммунитетов русской православной церкви.

Равным образом нет в ярлыке никакого указания на неприкосновенность частной собственности в принципе, что характерно для правовых гарантий Европы в эпоху Нового времени. Позволим себе предположить, что запреты чиновникам и другим лицам посягать на личные и имущественные права русского духовенства и, как следствие из них, возможность пострадавших пожаловаться на них монарху Золотой Орды, являлись не столько защитой интересов владельцев ярлыков, сколько инструментом сдерживания чиновничьего произвола, возможностью привлекать нерадивых служащих к ответственности.

Обратим внимание, что никаких обязательств по обеспечению гарантий прав и привилегий ханы, выдавая ярлыки, на себя не принимали: ни в одном документе они не упоминают, что несут ответственность за соблюдение этих прав. Таким образом, свою роль в обеспечении гарантий имущественных прав держатели ярлыков видели только в предоставлении им права обращения в ханский суд — но такое право, как известно, было у всех подданных Джучидов, жителей их вассальных владений и даже у иностранцев, пребывавших в их владениях.

Также любопытно отметить, что в ярлыках, выданных золотоордынскими ханами православному духовенству, присутствуют запреты и ограничения для самих владетелей. Так, например, в грамоте ханши Тайдулы митрополиту Феогносту 1351 г. присутствует такое положение «И ты, Фегност митрополит, возмолвишь, что так есмь пожалован. А котории к тобе не причястни огороди, виногради, воды, земли, сам нечто не так учинишь, то сам ведаешь». В ярлыке Бердибека митрополиту Алексию 1357 г. этот пункт прописан более подробно: «А ты, Алексеи, митрополит и весь вашь поповьскыи чин възмолвить, что сяк пожаловани есмы оч да церковным домом, землям, водам, огородом, виноградом или над церковными людми что учинишь чрез пошлину, — ино то на тобе. Или кто разбоем, татбою, лжею лихое дело учинить каковъ,

[28] Правда, специалисты чаще о таком ограничении говорят преимущественно в отношении признания определенных государством норм международного права высшими по отношению к собственному, национальному праву, см., напр.: *Харт Г. Л. А.* Понятие права. С. 223.

[29] *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. СПб., 2015. С. 380.

а не имешь того смотрити, ино то сам ведаешь, каково о том исправление учинишь». Практически идентично ему и соответствующее положение в ярлыке Мухаммада-Булака митрополиту Михаилу 1379 г.: «А ты, Михаило митрополит, възмолвишь, что тако есми пожалован, да тем домом церковным или землям или водам и в огородех и в виноградех или над людми церковными, что чрез пошлину учинишь, — ино то на тобе. Или учинить татьбу или ложь или иное кое злое дело, а не имешь того смотрити ино то и сам ведаешь, каков ответ богу вздаси»[30].

Таким образом, православному духовенству предписывалось не злоупотреблять своими правами, не пытаться, прикрываясь ярлыком, захватывать имущество или владения своих соседей, облагать дополнительными налогами и сборами собственных подвластных лиц и пр. Более того, любые злоупотребления, предпринятые подчиненными митрополитов, предписывалось, как видим, преследовать и наказывать им самим, а не обращаться в ханский суд. Как представляется, эти предписания тоже служили в пользу упорядочения отношений между ханом и Русской Православной Церковью, по сути, обеспечивая сохранение правопорядка в вассальных русских землях: под угрозой лишения привилегий обладатели ярлыков должны были вести себя законопослушно, к чему, собственно, и стремились Джучиды.

Таким образом, можно сделать вывод, что гарантии прав и привилегий в ханских ярлыках русскому православному духовенству присутствовали и даже реализовывались на практике. Однако, прописывая их в своих актах, ханы руководствовались не столько соображениями о защите прав и интересов самой Русской Православной Церкви и ее представителей, сколько собственными государственными интересами — в первую очередь, обеспечением законности и правопорядка, правомерного поведения своих подданных, включая и представителей владельческой знати, и чиновников, и самих пожалованных лиц.

Думается, именно это обстоятельство позволяет говорить о специфике гарантий прав и иммунитетов золотоордынскими монархами не только в отношении русского православного духовенства, но и в законотворческой практике Джучидов в целом, впоследствии продолженной и в постордынских государствах.

В заключение отметим, что данное исследование еще раз демонстрирует ценность золотоордынских ярлыков Русской Православной Церкви как историко-правовых памятников, которые до сих пор еще не в полной мере изучены и могут представлять весьма ценный материал для анализа с точки зрения различных смежных наук.

Источники и литература

1. *Алексеев С. С.* Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

2. *Беляев И. Д.* О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. М., 1850. С. 97–110.

3. *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2004. 276 с.

4. *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2002. 276 с.

5. *Григорьев В. В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 170–258.

[30] Памятники русского права. С. 466, 468–469, 470.

6. *Зайцев И. В.* О правах христиан в Крымском ханстве. Ярлык хана Сахиб-Гирея крымским христианам (1772 г.) // Крым: проблемы истории. М.: Индрик, 2016. С. 63–82.

7. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / Пер. М. В. Антонова, С. В. Лёзова; 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

8. Памятники русского права / Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. М.: Госюрлитиздат, 1955. 528 с.

9. *Петрушко В. И.* История Русской Церкви с древнейших времен до установления патриаршества. 2-е изд. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 356 с.

10. *Почекаев Р. Ю.* Изучение собрания ханских ярлыков русской церкви: направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 98–110.

11. *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. 116 с.

12. *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. 1889. С. 1–40.

13. *Разуваев Н. В.* Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2008. 312 с.

14. *Сочнев Ю. В.* Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения. (Материалы науч. конф., посв. 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород, 1992. С. 52–55.

15. *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 320 с.

16. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 180 с.

17. *Фиркович З. А.* Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб., 1890. XXXVI+223 с.

18. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / Пер. с англ. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.

19. *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

20. *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 304–316.

Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
№ 4 (20) 2022

П. А. Воробьёв

О письменном наследии святителя Арсения Елассонского и его пребывании на Руси в 1586–1588 годах

УДК 271.2-726.1-9:930.2+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_82
EDN SJPLEE

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее сложные и в рамках историографии неоднозначные места в биографии греческого архиепископа святителя Арсения Елассонского (1550–1625), касающиеся периода до принятия им московского подданства в 1588–1589 гг. Особое внимание автор уделяет общей характеристике письменного наследия святителя и его двухлетнему пребыванию во Львове (Речи Посполитой).

Ключевые слова: Арсений Елассонский, письменное наследие, Москва, Россия, Львов, Речь Посполитая, Константинополь, патриарх Иеремия II, патриарх Феолипт II.

Об авторе: **Павел Анатольевич Воробьёв**
Аспирант Республиканского института высшей школы (г. Минск, Беларусь).
E-mail: wmd2013@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0340-8530

Для цитирования: Воробьев П. А. О письменном наследии святителя Арсения Елассонского и его пребывании на Руси в 1586–1588 годах // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 4 (20). С. 82–94.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.

Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas
Παλαιορωσια: εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει
Scientific journal of Saint-Petersburg Theological Academy
№ 4 (20) 2022

Pavel Varabyou

About the Written Heritage of St. Arsenios of Elasson and his Stay in Rus' in 1586–1588

UDK 271.2-726.1-9:930.2+94(470)
DOI 10.47132/2618-9674_2022_4_82
EDN SJPLEE

Abstract: The article looks into some most complicated and ambiguous, within historiography, points of the biography of the Greek Archbishop St. Arsenios of Elasson (1550–1625), which fall within the time prior to his acceptance of Moscow citizenship in 1588–1589. Special attention is paid to the general characteristics of the written heritage of St. Arsenios and to his two-year stay in Lvov (Rzeczpospolita/Polish-Lithuanian Commonwealth).

Keywords: Arsenios of Elasson, Written Heritage, Moscow, Russia, Lvov, Polish-Lithuanian Commonwealth, Constantinople, Patriarch Jeremias II, Patriarch Theoleptos II.

About the author: **Pavel Varabyou**
Postgraduate student of National Institute for Higher Education (Minsk, Belarus).
E-mail: wmd2013@mail.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0340-8530

For citation: Varabyou P. About the Written Heritage of St. Arsenios of Elasson and his Stay in Rus' in 1586–1588. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2022, No. 4 (20), p. 82–94.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

Как известно, в конце XVI в. наблюдалась активизация культурных связей восточнославянских земель (Руси) с греческим миром. Именно тогда в пределы Руси из Греции окончательно переезжает архиепископ Димоникский и Елассонский Арсений (1550–1625). Целью данной статьи является общая характеристика письменного наследия святителя и пересмотр наиболее сложных и в рамках историографии неоднозначных мест в биографии архиепископа периода до принятия им московского подданства (1588–1589) для дальнейшего воссоздания историко-культурного портрета его личности через призму феномена «Византия после Византии».

Архиепископу посвящена значительная историография: греческая, российская, польская и украинская; в белорусской историографии о нем до сих пор не было публикаций, при том, что летом 1588 г. он проезжал через территорию нынешней Беларуси. Святителя Арсения почитают как в Русской, так и в греческих Поместных Православных Церквах[1]. Причем в Греции о нем знают меньше, чем в России, а наибольшее его почитание связано с Суздалем[2]. Незаурядность личности святителя выражается уже хотя бы в том, что он входил в близкое окружение известного Константинопольского патриарха Иеремии II, стал первым ректором Львовской братской школы; будучи греком, много лет прожил на землях Руси (во Львове, Москве и Суздале); являлся участником интронизации московских патриархов Иова, грека Игнатия, Гермогена и Филарета, а также воцарения Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского и Михаила Романова.

Будущий архиепископ Арсений (мирское имя — Апостолий) родился в Греции (селение Калорьяна близ города Трикала области Фессалия) в семье православного священника в 1550 году[3]. Получив домашнее, а затем и школьное образование, в 1572 г.

---

[1] *Гувакова Е. В.* Святой Иоаким Шартомский и его чудотворные иконы // Икона в русской словесности и культуре: сб. статей. М., 2012. С. 326.

[2] *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского // Кафедра византийской и новогреческой филологии: научно-теоретический журнал. 2018. № 1–2. С. 174.

[3] В литературе в качестве года рождения архиепископа зачастую используется пометка «около 1550 г.» (см.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 57). Однако мы придерживаемся более точной датировки — «январь 1550 г.», — которую указывает известный специалист в области письменного наследия и биографии святителя Арсения Ф. Димитракопулос (Δημητρακόπουλος Φ. *Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Βίος, έργο, απομνημονεύματα: Συμβολή στη μελέτη των μεταβυζαντινών λογίων της Ανατολής*. Αθήναι, 2007. Σ. 41). По вопросу датировки смерти архиепископа Арсения в историографии нет единой точки зрения. В одном случае исследователи называют 1626 год (см.: Арсений Елассонский. Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и повествование об установлении Московского Патриаршества / Подг. текста и комм. еп. Питирима (Нечаева) // Богословские труды. М., 1968. № 4. С. 254; Vocotopoulos P. Encore deux icones envoyées de Russie par Arsène d'Elassone. *Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*. 1992. No 16, p. 167; *Зилитинкевич В. С.* Арсений Елассонский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 108; Δημητρακόπουλος Φ. *Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626)*. Σ. 12; Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa arcybiskupa Helassony Arseniusza w Rzeczypospolitej (1586–1588). *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*. Białystok, 2010. T. II. S. 381; Kuczara K. Arsenios z Elassonu — Grek w służbie Cerkwi prawosławnej we Lwowie. *Przegląd Historyczny*. 2010. No 1. S. 89). Мы, в свою очередь, солидарны с теми исследователями, которые указывают 1625 год (см.: *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 214; *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. Краткие сведения о местночтимых святых. Казань, 1908. С. 132; *Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 20; *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 442; *Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский о событиях русской Смуты начала XVII в. // Славянский

Апостолий принял монашество и был рукоположен в сан иеродиакона митрополитом ларисским Иеремией. Уже став Константинопольским патриархом, в 1584 г. Иеремия возвел иеромонаха Арсения в сан архиепископа Димоникского и Елассонского. Заметим, что Елассонская епархия (та же область Фессалия) тогда была незначительной[4] и входила в состав Ларисской митрополии[5]. Вскоре после возведения в епископское достоинство Арсений начал активную церковную и общественно-политическую деятельность, неразрывно связанную с землями Руси. Содержание и плоды этой связи отражены, прежде всего, в его письменном наследии.

Общая характеристика письменного наследия святителя Арсения

Письменное наследие Арсения главным образом представлено поэмой и мемуарами. Исследователям также известны его две собственноручные записи 1592–1593 гг. на листах Триоди митрополита Киевского Фотия, послание митрополиту Гавриилу Севиру (1593), а также различные дарственные надписи. Эти источники были созданы Арсением в России (Московском государстве). Их дополняет его жизнеописание, составленное иерусалимским архидиаконом Неофитом уже после смерти святителя.

Постоянно находясь в Москве с июля 1588 г., Арсений вел записи о наиболее важных местных событиях. Причем составлял их по-гречески, не для русского читателя. Учитывая это обстоятельство, а также греческое происхождение архиепископа, вполне естественно, что он в поэме и мемуарах порой высказывает мнение, не характерное для его русских современников. Он также обращает внимание на те детали русской действительности, которые коренному населению казались обычными[6]. В целом, поэма и мемуары Арсения, конечно, не лишены субъективизма, однако он как автор стремился к объективности[7]. Поэма, которая в российской историографии теперь известна под названием «Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и повествование об установлении Московского Патриаршества», была

альманах 2001. М., 2002. С. 80; *Преображенский А. С.* Пелена «Богоматерь “Моление о народе”» из гробницы архиепископа Арсения Елассонского. Особенности иконографии // Арсений Елассонский — архиепископ Суздальский: сб. науч. ст. Владимир, 2008. С. 106; *Гувакова Е. В.* Святой Иоаким Шартомский и его чудотворные иконы. С. 325; *Ястребов А., прот.* «Быть едиными в духе, пусть многие из нас и рассеяны по лицу земли...» Послание архиепископа Арсения Елассонского митрополиту Гавриилу Севиру (1593) // Церковь и время. 2017. № 1. С. 186; *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского. С. 168). Согласно надгробной надписи в Суздале в честь святителя Арсения, он почил (по старому стилю) 29 апреля 1625 года (*Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его... С. 214; *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. С. 132). В свою очередь, первый биограф Арсения — иерусалимский архидиакон Неофит — смерть архиепископа датировал 13 апреля (см.: Месяца апреля в 13 [день] успение блаженнейшего отца нашего Арсения, архиепископа суздальского, прежде бывшего елассонского из второй Фессалийской епархии // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 205). Как заметил архиепископ Димитрий (Самбикин), получилось, что по греческой Минее св. Арсений почил 13 апреля, а по русской Минее — 29 апреля (*Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. С. 132).

[4] *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. С. 135.

[5] Арсений Елассонский. Труды и странствование... С. 251.

[6] Там же. С. 254.

[7] *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.) // Историческая библиотека. СПб., 1879. № 8–9. С. 32; *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его... С. 89; *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский. С. 445; *Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский о событиях русской Смуты начала XVII в. С. 79.

написана святителем в 1590–1593 годах[8]. Установить более точные сроки написания поэмы в силу нехватки источников все еще не представляется возможным.

Повествование в поэме начинается с того, что Арсений, находясь во Львове, получил от патриарха Иеремии II письмо о скором прибытии последнего на земли Речи Посполитой (май 1588 г.). А в самом конце поэмы сообщается о расставании в Москве патриарха Иеремии с русским царем Федором Ивановичем (май 1589 г.). Таким образом, доступный исследователям объем поэмы в своем описании событий хронологически охватывает один календарный год. К сожалению, поэма известна науке по неполному списку (рукописи Туринского кодекса № 337). Предположительно, не дошедшая до нас первая часть поэмы касалась личной жизни Арсения, которая не интересовала переписчика[9]. Как верно отмечал издавший поэму святителя епископ Питирим (Нечаев), в ней Арсений воспевает «широту, радушие, гостеприимство и щедрость русского царя Феодора, царицы Ирины, митрополита Иова и Бориса Годунова, пышность приемов, роскошь и блеск царских палат, богатство царских и митрополичьих облачений». Показательно, что и «покровитель Арсения патриарх Иеремия изображен автором идеализировано»[10].

Арсений написал поэму для конкретного, но неизвестного науке человека, с целью познакомить его с изложенными в произведении событиями[11]. Действительно, поэма начинается словами: «Желал бы я, брат, чтобы знал ты»[12]. Вполне возможно, что она была посвящена другу Арсения, проживавшему на Христианском Востоке[13]. При этом исследователи солидарны в том, что поэмой архиепископ стремился оправдать Иеремию[14].

Как известно, находясь в Москве и испытывая давление со стороны местных правящих кругов, Вселенский патриарх Иеремия без предварительного согласования с другими восточными (православными) патриархами в январе 1589 г. учредил Московское патриаршество. Из-за этого на Христианском Востоке в адрес Иеремии последовала критика. Напомним, что первая грамота предстоятелей восточных Церквей о признании Московского патриаршества была доставлена в Москву лишь в 1591 г., однако окружение царя Федора она не устраивала. В свою очередь, Арсений с молодых лет знал Иеремию, испытывал к нему глубокое уважение[15], поэтому был заинтересован в его оправдании. Это определило апологетический и панегирический характер поэмы[16], а также отсутствие в ней точной хронологии и редкое использование имен собственных[17]. Примечательно, что одна из записей Арсения в Триоди

[8] Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 254; *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский. С. 443.

[9] *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского. С. 173. Указанная статья во многом основана на выводах Ф. Димитракопулоса. Хочется выразить К. Т. Юсуповой и В. Г. Ченцовой признательность за оказанную помощь в поиске вышеозначенной монографии греческого исследователя.

[10] Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 254.

[11] *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.). С. 38.

[12] Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 257.

[13] Там же. С. 254.

[14] *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 29; *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. С. 128–129; *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский. С. 443.

[15] Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 253.

[16] Там же. С. 253.

[17] *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.). С. 37.

митрополита Фотия, в целом имевших неофициальный характер, была скопирована в Москве греческим переписчиком и так попала в Синайскую рукопись, содержащую решения Константинопольского Собора 1593 года[18], завершившего процесс признания каноничности Московского патриаршества.

В свою очередь, мемуары Арсения с научно-исторической точки зрения являются наиболее важным его произведением. Вероятно, их правильно озаглавить как «Царство русских»[19]. Оригинал мемуаров, по всей видимости, не сохранился. Они (как и поэма) известны лишь в копии, обнаруженной в конце XIX в. А. А. Дмитриевским в составе Сумелийской рукописи, им же частично изданной в переводе с греческого языка на русский. Рукопись включала в себя мемуары и вышеуказанное жизнеописание Арсения.

По предположению А. А. Дмитриевского, сам архиепископ описываемые в мемуарах события довел до 1611 г.: они завершаются сведениями о разорении Москвы в 1611 г. (Смутное время) и молитвами Арсения об избавлении города от бед. Затем, полагал исследователь, в 1619 г. лично от Арсения в Москве эти воспоминания получил и переписал иерусалимский архимандрит Христофор[20]. А в 1634 г., то есть после смерти святителя, копия Христофора была переписана там же, в Москве, иерусалимским архидиаконом Неофитом, который смог дополнить ее другими прижизненными записями Арсения, доведенными до 1613 г. Таким образом, по мнению Дмитриевского, именно Неофит дополнил и систематизировал записи Арсения, а также составил (видимо, не без помощи келейника Арсения — монаха Кирилла) жизнеописание архиепископа[21].

Б. Л. Фонкич на сей счет занимал несколько иную позицию. Он полагал, что все записи архиепископа Арсения были систематизированы им же самим в 1619 г., когда в Москве пребывал Иерусалимский патриарх (грек) Феофан. Тогда же они были скопированы архимандритом Христофором и архидиаконом Неофитом. И уже после смерти Арсения список 1619 г. был дополнен материалами, касавшимися биографии архиепископа[22]. Исследователь также предполагал, что архиепископ начал делать свои записи вскоре после своего переезда в Москву, хорошо понимая значение России для греков и «несомненно имея в виду в дальнейшем обработать накопившийся материал и создать историю России. Записи велись Арсением на протяжении многих лет — с момента приезда в Россию Иеремии II до 1611 года. Во время осады Кремля на долю Арсения выпали большие испытания, он не мог уже продолжать систематические записи, хотя делал отдельные заметки вплоть до воцарения Михаила Федоровича. В последующие годы (до 1619 г.) его сочинение оставалось незавершенным»[23].

---

[18] *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. С. 59.

[19] *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского. С. 173. Мемуары начинаются словами: «Земля и царство россов» (Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 165), поэтому и будет вполне уместно так озаглавить мемуары архиепископа.

[20] *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его... С. 180–181.

[21] Там же. С. 187, 192.

[22] *Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. С. 20. Наверняка Б. Л. Фонкич здесь имел в виду посвященное Арсению жизнеописание из Сумелийской рукописи. Исследователь также отмечал, что «к сожалению, все наблюдения относительно истории создания интересующего нас сочинения (мемуаров. — *П. В.*) Арсения, а также порядка его последующей обработки, копирования и дополнения писцами списка 1619 года не могут основываться на анализе самих рукописей: автограф Арсения, по-видимому, до настоящего времени не сохранился; что же касается списка 1619 г., который в конце прошлого столетия изучал в трапезундском Сумелийском монастыре А. А. Дмитриевский, исследовавший и частично издавший его текст, то судьба этой рукописи, по крайней мере с начала XX в., остается неизвестной» (Там же. С. 20).

[23] Там же. С. 19.

Версия Б. Л. Фонкича в сравнении с версией А. А. Дмитриевского нам представляется более выверенной хотя бы по следующим причинам. Маловероятно, что в 1634 г. перед архидиаконом Неофитом стояла необходимость переписывать уже имеющуюся копию записей Арсения, сделанную в 1619 г. Ведь патриарх Феофан, лично общаясь с архиепископом в Москве, наверняка ожидал от него полного объема мемуаров, касающихся, прежде всего, наиважнейших событий из жизни Московии конца XVI — начала XVII в. Поэтому можно предположить, что в список 1619 г. были включены все записи Арсения, необходимые для Феофана. Да и сам А. А. Дмитриевский отмечал, что жизнеописание архиепископа архидиакон Неофит заканчивает 1619 г. Причем Неофиту, вероятно, ничего не было известно о деятельности Арсения на Суздальской кафедре[24], которую он занимал, как мы полагаем, не ранее чем с конца 1619 до апреля 1625 г.

Если допустить, что Неофит в 1634 г. не только переписывал мемуары архиепископа Арсения (то есть список 1619 г.), но и дополнял их, то ему наверняка были бы известны сведения о деятельности святителя в период с конца 1619 г. Итак, исследуемые мемуары являются результатом собственноручной систематизации своих записей, осуществленной Арсением в 1619 г. по просьбе Феофана. Последний, в свою очередь, надеялся на оказание Россией помощи грекам[25]. И только после смерти архиепископа Неофит составил его жизнеописание, которое нам следует четко отличать от собственных мемуаров святителя.

Первый визит Арсения в Москву и его двухлетнее пребывание во Львове

В мае 1585 г. Вселенский патриарх Феолипт II (Иеремия к тому времени находился в ссылке по приказу турецкого султана Мурада III) вызвал в Константинополь архиепископа Димоникского и Елассонского Арсения. Именно там владыка встретился с московским посольством во главе с боярином Борисом Благово, который от имени царя Федора доставил патриарху богатое пожертвование за упокой души царя Ивана IV. По решению Феолипта вместе с Борисом в Москву отправились архиепископ Арсений и епископ Диррахийский Паисий, а также представители некоторых константинопольских монастырей. Такое решение Константинопольского патриарха тогда преподносилось как проявление его желания отблагодарить царя Федора[26]. Однако, несомненно, тем самым Феолипт рассчитывал и на получение повторного пожертвования[27]. Сам Арсений о своем первом визите в Москву сообщает, что он отправился к царю «со святыми мощами, с молитвой и благословением на укрепление и увеличение его царства»[28].

Греки прибыли в Москву в начале 1586 года[29], где их гостеприимно встретили. По словам самого архиепископа, с тех пор у него «началась великая дружба» с царем Федором[30]. В конечном счете, богато одаренное греческое посольство выехало из Москвы в апреле 1586 года[31]. В целом, о первом визите Арсения в Москву

[24] *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 55, 190–191.

[25] *Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. С. 19.

[26] *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского. С. 169.

[27] Kuczara K. Arsenios z Elassonu… S. 91.

[28] Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории. С. 166–167.

[29] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 382.

[30] Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории. С. 167.

[31] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 382; Kuczara K. Arsenios z Elassonu… S. 93. По мнению А. А. Дмитриевского, греческое посольство находилось в Москве около месяца (*Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 203).

почти ничего не известно. Уже на обратном пути в Константинополь архиепископ Арсений и епископ Паисий заехали во Львов (Речь Посполитая). Произошло это в мае 1586 года[32].

Тогда же, в мае 1586 г., во Львове, греческие архиереи составили послание. Оно написано рукой Арсения, однако подписано не только им самим, но и Паисием. Благодаря посланию исследователи знают, в каком церковном статусе оба владыки прибыли во Львов — в качестве экзархов Константинопольского патриарха Феолипта. Причем в тексте послания архиепископ Арсений уточняет, что его экзаршеская власть распространяется на всю Русь[33]. Поэтому можно с большой долей вероятности утверждать, что свой первый визит в Москву святитель совершил в качестве патриаршего экзарха.

Примечательно, что Н. Н. Оглоблин, не знавший о существовании указанного послания, но основывавшийся на достижениях известной ему современной греческой историографии, верно предполагал возможный церковный статус Арсения. Согласно версии исследователя, архиепископ мог быть послан во Львов в статусе экзарха Константинопольского патриарха по просьбе местных православных жителей. Однако исследователь ошибочно утверждал, что Арсений прибыл туда по решению патриарха Иеремии. Неточность была вызвана тем, что возвращение Иеремии к патриаршеству он неверно датировал 1586 годом. На самом деле, это произошло в 1587 году[34]. Да и в целом у нас нет прочных оснований полагать, что архиепископ был кем-либо послан во Львов.

В действительности, когда в 1586 г. Арсений сначала находился в Москве, а затем приехал во Львов, Константинопольским патриархом по-прежнему оставался Феолипт, о чем свидетельствует вышеупомянутое послание. Возвращение Иеремии

[32] Именно такую датировку (май 1586 г.) приезда Арсения и Паисия во Львов мы считаем наиболее обоснованной (см.: Δημητρακόπουλος Φ. Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Σ. 94; Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 383; Kuczara K. Arsenios z Elassonu… S. 93). В свою очередь, И. Н. Лильо датирует это событие мартом 1586 г. (*Лильо І. М.* Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. Львів, 2019. С. 154). Другие же исследователи, придерживаясь данных из предисловия к греческо-церковнославянской «Грамматике» (Львов, 1591), о которой мы еще скажем, называют иную датировку — июнь 1586 г. (*Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.). С. 7; Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 251; *Шустова Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М., 2009. С. 491). Однако при датировании прибытия Арсения во Львов полагаться на предисловие к «Грамматике» не стоит, так как оно составлялось уже после того, как архиепископ навсегда покинул город, то есть без его личного участия, поэтому оно не лишено фактических ошибок (Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 392–393). Впрочем, наличие ошибок в славянском предисловии к «Грамматике» и его несоответствие греческому предисловию еще в 1899 г. отмечал А. А. Дмитриевский (*Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 14).

[33] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 383. Факт прибытия архиепископа Арсения во Львов в статусе патриаршего экзарха еще в 1981 г. отмечал Ф. Димитракопулос (Demetrakopulos Ph. On Arsenios, Archbishop of Elasson. *Byzantinoslavica.* 1981. No 42. P. 152). Однако следует добавить, что данный тезис греческого исследователя стал возможен благодаря открытию Б. Л. Фонкича, который первым обнаружил вышеуказанное послание 1586 г. во Львовском архиве.

[34] *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.). С. 7–8. Ошибочное указание на 1586 г. при датировании возвращения Иеремии к патриаршеству встречается и в других публикациях (см.: *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. С. 128; Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 252; *Зилитинкевич В. С.* Арсений Елассонский. С. 109).

к патриаршеству состоялось лишь в апреле 1587 года[35]. Таким образом, Арсений прибыл во Львов в качестве экзарха Вселенского патриарха Феолипта. Это подтверждается и тем, что самая ранняя грамота патриарха Иеремии Львовскому православному братству датируется 1587 годом[36]. Уточнение датировки его возвращения на патриарший престол является основанием для следующего вывода: сначала Феолипт наделил Арсения экзаршеским статусом, с которым тот прибыл во Львов, а Иеремия позднее подтвердил это звание за архиепископом[37].

Скорее поводом, нежели причиной для приезда Арсения и Паисия во Львов послужили церковные дела. Причем их прибытие совпало с присутствием в городе Антиохийского патриарха Иоакима V. Нужно отметить, что в мае 1586 г. в стадии комплектования находилась Львовская православная братская школа. Поэтому к началу своего первого учебного года она нуждалась в квалифицированных преподавателях, в том числе, владеющих греческим языком. Организация православной школы с преподаванием этого языка была делом особенно важным в условиях активной образовательной деятельности львовских католиков, делавших акцент на изучении латыни[38]. К тому же братчиками учитывалось наличие в городе греческой диаспоры[39]. Да и сам архиепископ Арсений настаивал на необходимости введения греческого языка в русское образование[40].

В историографии доминирует точка зрения, согласно которой Арсения к преподаванию пригласил, действуя от имени братства, Львовский епископ Гедеон (Балабан)[41]. При этом, как полагает А. Борковский, для жителей Львова сам приезд греческого архиепископа был непредвиденным[42]. Во всяком случае, известно, что братчики от имени православных жителей города просили Арсения остаться у них в качестве патриаршего экзарха. Однако примечательно, что в своем ответе на приглашение он подписался как частное лицо, а не как экзарх[43]. Учитывая данное обстоятельство, мы солидарны с владыкой Питиримом, который писал: «Арсений остался во Львове по собственному желанию[44], и его пребывание в этом городе не следует рассматривать как осуществление им некоей миссии, возложенной на него патриархом»[45]. Причем данное утверждение не противоречит двум фактам. Во-первых, о чем мы уже говорили, и Феолипт, и Иеремия впоследствии одобрили нахождение архиепископа Арсения во Львове. Во-вторых, он сам осознавал свои экзаршеские полномочия[46], которые давали братчикам возможность просить его как экзарха о заступничестве в их конфликтах с Гедеоном.

---

[35] *Гудзяк Б. А.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородьский патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000. С. 212.

[36] *Фонкич Б. Л.* «Кодекс» Львовского Успенского братства (к истории рукописи в конце 1580-х — начале 1640-х гг.) // Россия и Христианский Восток. 2015. Вып. IV–V. С. 142.

[37] Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 251.

[38] *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 203; Kuczara K. Arsenios z Elassonu… S. 92; *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского. С. 169.

[39] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 385.

[40] Demetrakopulos Ph. On Arsenios, Archbishop of Elasson, p. 146.

[41] *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.). С. 8; Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 251; Demetrakopulos Ph. On Arsenios, Archbishop of Elasson, p. 146; *Зилитинкевич В. С.* Арсений Елассонский. С. 108; *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский. С. 442; *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского. С. 169.

[42] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 382–383.

[43] Kuczara K. Arsenios z Elassonu… S. 96.

[44] А. А. Дмитриевский без видимых оснований считал, что Арсений с неохотой остался во Львове (см.: *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 203).

[45] Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 251.

[46] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 395.

Кстати, помимо самого Арсения, в этих распрях на стороне братчиков выступили патриархи Иоаким и Иеремия[47]. При этом, как считает И. Н. Лильо, во всей этой истории между братчиками и Гедеоном Арсений стремился занять осторожную позицию[48].

Арсений и Паисий считали, что православные жители Львова должны следовать традициям Константинопольской Церкви. Во многом поэтому 28 мая 1586 г. они в качестве экзархов вместе с братчиками письменно просили Феолипта, чтобы тот взял братство под свою опеку и подтвердил его ставропигиальный статус[49]. Однако ответа от этого патриарха так и не последовало[50]. Наверняка не обошлось без архиепископа и в случае с письменной просьбой братчиков к патриарху Иеремии в конце 1587 года[51].

В Константинополь Арсений так и не вернулся. Во Львове он прожил два года[52], а дары царя Федора патриарху Феолипту доставил Паисий[53]. Интересно, когда Арсений повторно приедет в Москву, представители царского двора хотя открыто не обвинят его в непорядочности, однако рассердятся на него за то, что он лично не доставил милостыню[54].

Говоря о львовском периоде жизни архиепископа, остается нерешенным вопрос о степени его (не)владения староукраинским и польским языками, которые в конце XVI в. были наиболее распространенными во Львове. По этому поводу в историографии нет единой точки зрения. Ссылаясь на вышеозначенную книгу Ф. Димитракопулоса, К. Кучара утверждает, что Арсений не владел «местным языком»[55]. Правда, исследователь не конкретизирует, какой из языков — староукраинский или польский — он имеет в виду.

По мнению И. Н. Лильо, Арсений слабо владел обоими языками, что ограничивало масштабы его участия в общественной жизни Львова[56]. Скорее всего, он понимал и разговорный польский язык. Ведь в 1588 г. он лично скажет патриарху Иеремии, что с поляками дела у него обстоят очень хорошо[57]. Значит, архиепископ контактировал с ними. На письме, насколько можно судить по источникам, Арсений пользовался греческим языком. А. Борковский же считал, что архиепископ в краткие сроки

---

[47] *Петров Н. И.* Львовский епископ Гедеон Балабан и его деятельность в пользу православия и русской народности в Галиции и юго-западном крае России // Памятники русской старины в западных губерниях. СПб., 1885. Т. 8. С. 270; Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa... S. 383–385; Kuczara K. Arsenios z Elassonu... S. 95.

[48] *Лильо І. М.* Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. С. 155.

[49] Kuczara K. Arsenios z Elassonu... S. 95–96.

[50] *Гудзяк Б. А.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. С. 212. В случае сопоставления сообщения Б. Гудзяка об отправке Львовским братством письма патриарху Феолипту 28 мая 1586 г. с указанием К. Кучары на обстоятельство отправки, — накануне отъезда из Львова патриарха Иоакима (Kuczara K. Arsenios z Elassonu... S. 95), — допустимо предположить, что встреча Арсения и Паисия с Иоакимом наверняка состоялась во Львове.

[51] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa... S. 392.

[52] Δημητρακόπουλος Φ. Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Σ. 78.

[53] Арсений Елассонский. Труды и странствование... С. 251.

[54] *Гудзяк Б. А.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. С. 233; *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его... С. 202. Так как у Арсения в сравнении с Паисием был более высокий церковный сан, то наверняка именно на нем лежала бóльшая ответственность за доставку милостыни. В то же время московской стороне могло просто не понравиться, что гостеприимно принятый ею Арсений задержался в недружественной Речи Посполитой.

[55] Kuczara K. Arsenios z Elassonu... S. 98.

[56] *Лильо І. М.* Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. С. 155.

[57] Арсений Елассонский. Труды и странствование... С. 257.

выучил «русский» (староукраинский. — *П. В.*) язык для осуществления своей экзаршеской миссии[58]. Из этих точек зрения, если мы говорим конкретно о разговорном языке, версия А. Борковского нам представляется наиболее верной. Ведь уже в 1588 г. архиепископ будет сопровождать в Москву Иеремию в качестве личного переводчика патриарха[59]. Но в целом вопросы о (не)владении Арсения староукраинским языком, а также особенностями разговорного языка Москвы и скорости их освоения святителем по-прежнему ждут своего исследователя.

Очевидно хуже, нежели разговорным староукраинским языком, Арсений владел богослужебным церковнославянским языком. Хотя, будучи ректором и преподавателем греческого языка Львовской братской школы[60], он принимал участие в подготовке греческо-церковнославянской «Грамматики»[61] (1591), однако работал над ее греческой (ему родной) составляющей. Примечательно, что уже после своего переезда в Москву во время совершения богослужений архиепископ Арсений прибегал к церковнославянскому языку лишь при крайней необходимости, предпочитая прочитывать молитвы по-гречески. Лишь возгласы, которые должны были быть понятны прихожанам, он произносил по-церковнославянски. Необходимо отметить ошибочное мнение в историографии[62], будто бы во Львове архиепископ преподавал и церковнославянский язык, наряду с греческим. Вопрос о языке и особенностях проповеди Арсения на Руси остается открытым.

Показательно, что учебный процесс во Львовской православной братской школе архиепископ в качестве ее ректора выстраивал в соответствии со своим личным опытом обучения и греческими образовательными традициями в целом. В результате разработанная под его руководством учебная программа незначительно отличалась от тех, которыми некогда пользовались в Византийской империи. Причем, как отмечают польские исследователи, в представлении Арсения главным призванием школы является умножение среди учащихся добродетелей — страха Божия, послушания перед старшими и смирения[63].

В заключение отметим, что отдельной публикации требует исследование следующего периода жизни святителя Арсения Елассонского (1550–1625), связанного с его повторным прибытием в Москву и принятием им московского подданства, а также воссоздание историко-культурного портрета его личности через призму феномена «Византия после Византии». По нашему убеждению, изучение примеров осмысления греками русской жизни и истории приближает нас к пониманию не менее актуальной научной проблемы восприятия наследия Византии в общественно-политической мысли восточных славян периода до конца XVII в. и позднее.

[58] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 395.

[59] Demetrakopulos Ph. On Arsenios, Archbishop of Elasson, p. 146.

[60] Δημητρακόπουλος Φ. Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Σ. 85; *Шустова Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788). С. 176–177.

[61] Ее полное название: «Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка, совершеннаго искуства осми частей слова, ко наказанию многоименитому российскому роду». Краткое название: «Адельфотес» (греч. ἀδελφότης — «братство»). Процесс ее издания начался во Львове еще в 1588 г., однако он был приостановлен в связи с тем, что Арсений покинул город (*Шустова Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788). С. 175; Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 393).

[62] *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.). С. 10; *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его… С. 12; Арсений Елассонский. Труды и странствование… С. 251; *Зилитинкевич В. С.* Арсений Елассонский. С. 108.

[63] Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa… S. 386–387, 390; Kuczara K. Arsenios z Elassonu… S. 96–97.

Источники и литература

1. *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 163–204.

2. *Арсений Елассонский.* Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и повествование об установлении Московского Патриаршества / Подг. текста и комм. еп. Питирима (Нечаева) // Богословские труды. М., 1968. № 4. С. 249–279.

3. *Гувакова Е. В.* Святой Иоаким Шартомский и его чудотворные иконы // Икона в русской словесности и культуре: сб. статей. М., 2012. С. 320–337.

4. *Гудзяк Б. А.* Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородьский патріархат і генеза Берестейської унії. Львів: Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000.

5. *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899.

6. *Зилитинкевич В. С.* Арсений Елассонский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 108–110.

7. *Лильо І. М.* Греки на території Руського воєводства у XV–XVIII ст. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2019.

8. *Маштафаров А. В., Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 442–446.

9. *Оглоблин Н. Н.* Арсений, архиепископ Елассонский, и его «Описание путешествия в Московию» (1588–89 гг.) // Историческая библиотека. СПб., 1879. № 8–9. С. 1–97.

10. *Петров Н. И.* Львовский епископ Гедеон Балабан и его деятельность в пользу православия и русской народности в Галиции и юго-западном крае России // Памятники русской старины в западных губерниях. СПб., 1885. Т. 8. С. 261–307.

11. *Преображенский А. С.* Пелена «Богоматерь “Моление о народе”» из гробницы архиепископа Арсения Елассонского. Особенности иконографии // Арсений Елассонский — архиепископ Суздальский: сб. науч. ст. Владимир, 2008. С. 95–107.

12. *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Тверской патерик. Краткие сведения о местночтимых святых. Казань, 1908.

13. *Флоря Б. Н.* Арсений Елассонский о событиях русской Смуты начала XVII в. // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 79–96.

14. *Фонкич Б. Л.* «Кодекс» Львовского Успенского братства (к истории рукописи в конце 1580-х — начале 1640-х гг.) // Россия и Христианский Восток. 2015. Вып. IV–V. С. 140–162.

15. *Фонкич Б. Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 18–63.

16. *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М.: Наука, 1977.

17. *Шустова Ю. Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

18. *Юсупова К. Т.* Жизнеописание и труды Арсения Елассонского // Кафедра византийской и новогреческой филологии: научно-теоретический журнал. 2018. № 1–2. С. 168–177.

19. *Ястребов А., прот.* «Быть едиными в духе, пусть многие из нас и рассеяны по лицу земли...». Послание архиепископа Арсения Елассонского митрополиту Гавриилу Севиру (1593) // Церковь и время. 2017. № 1. С. 185–195.

20. Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa arcybiskupa Helassony Arseniusza w Rzeczypospolitej (1586–1588). *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej.* Białystok, 2010. T. II. S. 381–397.

21. Demetrakopulos Ph. On Arsenios, Archbishop of Elasson. *Byzantinoslavica.* 1981. No 42. P. 145–153.

22. Δημητρακόπουλος Φ. *Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Βίος, έργο, απομνημονεύματα: Συμβολή στη μελέτη των μεταβυζαντινών λογίων της Ανατολής*. Αθήναι: Εκδοτικός Οργανισμός Π. Κυριακίδη, 2007.

23. Kuczara K. Arsenios z Elassonu — Grek w służbie Cerkwi prawosławnej we Lwowie. *Przegląd Historyczny.* 2010. No 1. S. 89–99.

24. Vocotopoulos P. Encore deux icones envoyées de Russie par Arsène d'Elassone. *Δελτίον της Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας*. 1992. No 16. P. 167–170.

Тематические номера альманаха и журнала «Палеоросия» (2014–2022):

Выпуск 2 (2014): Материалы научной конференции «Преподобный Сергий Радонежский: личность в контексте эпохи и история его почитания», Санкт-Петербург, 1–3 октября 2014 г.

Выпуск 3 (2015): Материалы научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации», Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.

Выпуск 5 (2016): К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова

Выпуск 6 (2016): Наследие святого Кирилла Туровского; Из истории, культуры и мысли Древней Руси

Выпуск 7 (2017): К 60-летию профессора Андрея Юрьевича Дворниченко

Выпуск 8 (2017): Материалы научной конференции «Власть и Церковь в Древней Руси: события, личности, идеи», Санкт-Петербург, 13–14 июня 2017 г.; Из истории древнерусской истории, культуры и мысли

Выпуск 9 (2018): К 90-летию со дня рождения А. Г. Кузьмина; Материалы Третьей международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси «Литургическая жизнь и церковное искусство Русской Православной Церкви», 1988 г.; Из истории древнерусской истории, культуры и мысли

Выпуск 10 (2018): Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21–22 и 25–26 июня 2018 г.

Выпуск 12 (2020): Материалы научной конференции «Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России», Санкт-Петербург, 19–20 октября 2020 г.

Выпуск 14 (2021): Материалы научной конференции «Просвещение, образование, книжность в Древней Руси», Санкт-Петербург, 18–19 июня 2019 г.

Выпуск 15 (2021): К 50-летию П. И. Гайденко; Материалы научной конференции “Просвещение, образование, книжность в Древней Руси”, Санкт-Петербург, 18–19 июня 2019 г.

Выпуск 17 (2022): Памяти В. В. Милькова

Выпуск 18 (2022): Юбилею А. В. Петрова

Выпуск 19 (2022): Материалы научной конференции «История, культура, быт монастырей Средневековой России», Санкт-Петербург, 3–4 июня 2021 г.

Алфавитный указатель авторов журнала «Палеоросия» (2019–2022), номера 11–20:

Авдеев А. Г. (Москва) 19
Аверина С. А. (Санкт-Петербург) 15
Аверьянов К. А. (Москва) 12
Алексеев А. И. (Санкт-Петербург) 14
Алмазов А. С. (Москва) 11
Баранкова Г. С. (Москва) 14
Белов Н. В. (Санкт-Петербург) 12, 15, 16, 18
Белова А. Б. (Санкт-Петербург) 15
Богданов А. П. (Москва) 12
Буланин Д. М. (Санкт-Петербург) 15
Бутрин Е. С. (Иваново) 19
Веремеев С. Ф. (Гомель) 13, 16
Волужков Д. В. (Санкт-Петербург) 11
Воробьёв П. А. (Минск) 20
Гайденко П. И. (Москва) 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18
Герасимова И. А. (Москва) 13, 17
Грищук В., прот. (Санкт-Петербург) 19
Грузнова Е. Б. (Санкт-Петербург) 12, 14
Гусакова В. О. (Санкт-Петербург) 12, 14, 19
Дворниченко А. Ю. (Санкт-Петербург) 15, 18
Дегтярев А. Я. (Москва) 12
Еремеев П. В. (Харьков) 12, 13
Ищенко А. С. (Новочеркасск) 11, 13, 16, 17
Кадура Н., диак. (Санкт-Петербург) 16
Казаков А. А. (Москва) 20
Калингтон Ф. (Париж) 11
Каменцев А. А. (Санкт-Петербург) 11
Камчатнов А. М. (Москва) 11, 15, 17
Клевцова О. В. (Елец) 19
Коновалов К. В. (Москва) 11
Копанева Д. Д. (Санкт-Петербург) 15
Корзинин А. Л. (Санкт-Петербург) 11
Королев А. С. (Москва) 14
Костромин К., прот. (Санкт-Петербург) 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20
Котышев Д. М. (Троицк) 14, 15
Кудрявцева Р.-Е. А. (Санкт-Петербург) 15
Кузнецов А. А. (Нижний Новгород) 12, 18
Лобакова И. А. (Санкт-Петербург) 13
Лушников А. А. (Пенза) 15
Ляпин Д. А. (Елец) 11, 12, 17, 19

Мазуров А. Б. (Москва) 12
Матыцин К. С. (Барнаул) 11
Мещенина А. А. (Санкт-Петербург) 18
Микитчук М. Д. (Санкт-Петербург) 15
Мильков В. В. (Москва) 11, 13, 15, 17
Мининков Н. А. (Ростов-на-Дону) 15
Мининкова Л. В. (Ростов-на-Дону) 12, 17
Морозова Л. Е. (Москва) 11, 13, 18
Мусаев В. И. (Санкт-Петербург) 12
Наливайко Р. А. (Санкт-Петербург) 18
Невес Л. С. (Рио-де-Жанейро) 12
Несин М. А. (Санкт-Петербург) 16
Никулин И., свящ. (Екатеринбург) 13
Первушин М. В. (Москва) 11
Петров А. В. (Санкт-Петербург) 12, 15, 18
Петрова Н. А. (Санкт-Петербург) 20
Петрушко В. И. (Москва) 13, 19
Подберёзкин Ф. Д. (Минск) 20
Подвальнов Е. Д. (Ростов-на-Дону) 20
Пономарев Д., свящ. (Санкт-Петербург) 12, 16, 19
Попович А. И. (Екатеринбург) 17
Почекаев Р. Ю. (Санкт-Петербург) 14, 20
Пузанов Д. В. (Ижевск) 18
Роменский А. А. (Харьков, Херсонес) 11, 13
Рыженков А., свящ. (Коломна) 15
Симонов Р. А. (Москва) 13, 17
Симонова А. А. (Москва) 14
Соколов Р. А. (Санкт-Петербург) 12, 18
Тарасова Н. П. (Санкт-Петербург) 11, 13
Тюгашев Е. А. (Новосибирск) 17
Тюменцев И. О. (Волгоград) 18
Ульянов О. Г. (Москва) 12
Халявин Н. В. (Ижевск) 18
Чебаненко С. Б. (Санкт-Петербург) 15
Шапиро Б. Л. (Москва) 11, 14
Шапошник В. В. (Санкт-Петербург) 18
Шишка Е. А. (Санкт-Петербург) 12
Шишкин В. В. (Санкт-Петербург) 18
Шкаровский М. В. (Москва) 12, 15, 17
Шмидт Г. А. (Неймеген) 18
Юрасов М. К. (Москва) 14

Сокращения

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПВЛ — Повесть временных лет

ПЛ — Псковские летописи

ГЛ — Хроники Ливонии Генриха

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ПЭ — Православная энциклопедия

РНБ — Российская Национальная Библиотека

HLC — Heinrich von Lettland. Livländische Chronik

Правила оформления статей

Статьи для опубликования в журнале «Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях» высылаются на электронную почту paleorosia@mail.ru

Просьба присылать материалы в форматах doc, docx, rtf. Шрифт Times New Roman. В случае использования иноязычных шрифтов необходимо прислать файлы шрифтов и статью в формате pdf. Объем — до 2 авторских листов.

Статьи нужно оформлять в следующем виде:

Инициалы, фамилия
Название статьи (по центру страницы полужирным шрифтом)
Аннотация (не менее 3–4 фраз) **и ключевые слова** (не менее 6 и не более 10)
Сведения об авторе: имя, отчество и фамилия автора целиком, научная степень, должность и название учреждения, электронная почта, номер ORCID.

Пример:
Иван Иванович Иванов
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Заалтайского федерального университета.
E-mail: ivanov@zaagu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0000-1234-5678

Эти сведения **сначала** приводятся на русском, а **затем** — на **английском** языке.

Пример:
Ivan Ivanov
Doctor of History, Professor of the Department of Russian History at the Trans-Altai Federal University.
E-mail: ivanov@zaagu.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0000-1234-5678

ОБРАЗЦОМ ОФОРМЛЕНИЯ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ЛЮБАЯ СТАТЬЯ ЖУРНАЛА ЗА 2022 Г.

Текст статьи (интервал — одинарный, шрифт — 12 кегля, абзац — 1,27 см)

Источники и литература
Список источников и литературы должен быть пронумерован и упорядочен по алфавиту. Фамилии и инициалы авторов просьба выделять курсивом. **В монографиях общее количество страниц приводится только в том случае, когда есть опасность спутать используемое издание с аналогичным** (при совпадении года выпуска и издательства). Для изданий после 1945 года необходимо давать название издательства.

Пример:
Иванов И.˚И. Роль крестьян Крайнего Севера в развитии российской государственности XIII–XVII˚в. // Вестник Шпицбергенского педагогического института. Серия: история. 2016. №7. С.˚34–38.
Сидоров С.˚С. Крестьянские поселения на Крайнем Севере: страницы истории. М.: Нарвал, 1997. С.˚67.

Библиографическое описание иностранных публикаций производится следующим образом:

Статьи:

Автор. Название статьи. *Название журнала* (дается курсивом), год, номер, страницы. Знаки «//» и «–» для разделения структурных элементов библиографического описания не ставятся.

Пример:

Smith A. Communications between Elephants and People in Ancient Russia. *Indian historical journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

В монографиях курсивом дается название книги.

Пример:

Smith B. *Prince Vladimir the Saint in the Japan historiography*. Chicago, 2007.

Сноски постраничные. Фамилии и инициалы авторов просьба выделять курсивом. В сносках издательства и иные дополнительные данные не указываются. Инициалы и иные буквенные значения необходимо привязывать к основным словам неразрывными пробелами. Интервал — одинарный, шрифт — 10 кегля, абзац — 0,5 см. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания. При повторной ссылке ставится фамилия и инициалы, а также название книги или статьи в сокращении. Сокращения «Указ. соч.» не используются.

Пример:

Иванов И.˚И. Роль крестьян Крайнего Севера… С.˚34–38.

Сидоров С.˚С. Крестьянские поселения на Крайнем Севере. С.˚67.

Сокращенные названия иностранных публикаций в сносках оформляется по сходным принципам, что и русскоязычные.

В конце статьи просьба прилагать перечень использованных сокращений.

Дорогие коллеги!

Ждем ваши статьи в научный журнал «Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях». Проект посвящён проблемам древнерусской истории: истории государственных и общественных институтов, внешнеполитических отношений древнерусского государства, истории христианства на Руси, истории в лицах, истории идей и повседневности.

Статьи просим присылать на эл. адрес: paleorosia@mail.ru

Журнал издается четыре раза в год. Материалы рецензируются. Редколлегия оставляет за собой право отклонять присланные статьи. Публикация бесплатная. Автор может получить один авторский экземпляр. Журнал размещен в РИНЦ, Киберленинке, Google Scholar и в научной социальной сети Academia.edu, включены в международные базы данных WorldCat иUlrichsWeb, включен в наукометрическую базу МГУ «ИСТИНА».

Для заметок

Учредители журнала:
• Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»
• Протоиерей Константин Александрович Костромин, г. Санкт-Петербург
• Павел Иванович Гайденко, г. Казань

Журнал учрежден 29 марта 2018 года
(с 2014 года издавался как альманах)

Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях

№ 4 (20), 2022

Научный журнал

ISSN 2618-9674 (Print)
ISSN 2686-9063 (Online)

Главный редактор:
кандидат исторических наук, кандидат богословия, протоиерей
Константин Александрович Костромин

Официальный сайт журнала
https://scientific-journals-spbda.ru/paleorosia
Электронная почта журнала
E-mail: paleorosia@mail.ru

Адрес Издательства СПбДА
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339
E-mail: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Д. В. Волужков
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Константин Пешков

Подписано в печать: 06.06.2023. Дата выхода в свет: 20.06.2023.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем журнала: 7,5 а.л. Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Красное Село, ул. Свободы, д. 57
Заказ № 85. Тираж 250 экз.